

ЭДИ
ШАХ

СР FANTASTIKA

ВТОРОЙ МИР

Будоражащее воображение пророчества в футуристическом триллере от бывшего газетного магната.

Daily Mirror

CPFantastika

Эдди Шах
Второй мир

«Центрполиграф»

2008

Шах Э.

Второй мир / Э. Шах — «Центрполиграф»,
2008 — (CPFantastika)

2044 год. «Изумрудный город» – это не сказка, а параллельный мир, в котором возможно все. Стоит только войти в Виртуал, и самые безумные фантазии становятся реальностью. Где-то там, в дебрях виртуального Второго мира, оказался надежно упрятан президент США Тедди Диксон. В качестве выкупа похититель потребовал невозможное – стереть Инфо-калипсис, базу данных с информацией о каждом человеке, которая считалась до сих пор не более чем вымыслом. Спецслужбы подключили к поискам президента Конора Смита, Мастера игры, «техно-хиппи», одного из создателей Второго мира. Но возможности Конора не безграничны, если ему не удастся завершить операцию по спасению Диксона в течение двенадцати часов, тот уже никогда не вернется в Реал.

© Шах Э., 2008

© Центрполиграф, 2008

Содержание

Книга первая	7
Книга вторая	10
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Эдди Шах

Второй мир

Посвящается Шепу, который подпитывает мои «я» — как снаружи, так и изнутри.

Сперлсу, который доказал, что Африка — не просто слово на карте и что свою рубашку лучше надевать смолоду.

И как всегда, Дженифер, Арди, Тимсу и Алексу, которые составляют истинную любовь всей моей жизни.

Маме — которая, наконец, все поняла.

Книга первая

2044 г. н. э

*На свободе я теряюсь в многообразии выбора.
Натан Щаранский, русский эмигрант,
переживший ГУЛАГ (1980-е гг.)*

*На свободе я теряюсь.
Мастер игры (2040-е гг.)*

Первое знакомство

Выходные начинаются здесь
У входа в отель «Галлиполи»
«Изумрудный город»
Второй мир
Время: до начала обратного отсчета

Здесь ему всегда было покойно.

В «Изумрудном городе» пока тихо, безмятежно, чисто. Чудесное зрелище – все в точности такое, каким он всегда себе это представлял. Вскоре здесь все переменится. Через какие-нибудь несколько минут сюда, словно горы мусора из мусоровоза, хлынут толпы отдыхающих. Беспокойные представители рода человеческого стремятся скорее попасть в тихий мир, созданный не без его помощи и участия. А пока... «Изумрудный город» напоминал ему дни детства, проведенные на калифорнийских пляжах: волны набегают на берег и тут же отступают назад; на секунду показывается чистый, просеянный песок, на который тут же обрушивается очередная волна, принося с собой разный мусор, щепки и пену.

Однажды он подсчитал, что в длину «Изумрудный город» тянется более чем на сорок тысяч земных миль. И даже сейчас, после того как он разросся и стал гораздо больше, чем мечталось его создателям, в том числе и ему самому, в нем по-прежнему используется менее двадцати процентов возможностей. «Изумрудный город» – альтернативный мир, возможность сбежать от реальной жизни.

В то время как реальный мир, или Реал, в котором живут, работают, совокупляются и умирают, стонет под бременем почти девяти миллиардов человек, Второй мир предоставляет отличную возможность бежать от действительности. Во Втором мире мечты и явь сливаются воедино. Сначала, на рубеже двадцатого и двадцать первого веков, появился виртуальный «Альфа-мир». Вскоре зародилась «Вторая жизнь» – киберсреда, в которой первопроходцы Интернета строили виртуальные города и дома. После 2008 года все начало стремительно меняться. Виртуальные миры приобретали все большую популярность. И многие переносили туда свои мерзкие привычки и пороки из мира реального. В Виртуале создавались «группы по интересам». Входящие в них насиловали, грабили, избивали соседей... Правда, на первых порах их забавы оставались довольно безобидными; ведь ущерб наносился лишь неуклюжему аватару, виртуальному персонажу, почти никак не связанному с владельцем. Время от времени события в киберпространстве провоцировали разводы или групповые самоубийства, но таких случаев было мало. Для большинства альтернативные миры стали отличной возможностью отдохнуть и развлечься, не выходя из дома.

Виртуальная реальность, или VR, доказала, что фантазии нет пределов. С помощью различных датчиков человек словно сливается с компьютером и, не покидая уютного кресла у себя в гостиной, полностью перемещается в альтернативный мир. Биодатчики воздействуют на нервные окончания, отвечающие за осязание, обоняние, зрение, слух, чувство голода – словом, за все человеческие чувства. Еда во Втором мире кажется такой же вкусной, как настоящая, а часто даже еще вкуснее. Правда, вернувшись в Реал, искатель киберприключений по-прежнему ощущает голод. Виртуальная реальность предоставляет ощущения на любой вкус. И садисты, и извращенцы, и страдалыцы – все находят здесь то, что ищут.

Но за все надо платить. Ничто не дается даром. Бесплатно теперь можно разве что побродить по «Изумрудному городу».

Ориентироваться здесь легко. Осью Второго мира служит длинная, широкая дорога, вымощенная желтым кирпичом, – суперскоростная магистраль. По обе стороны магистрали уходят в бесконечность тротуары и здания. Высокие здания, современные здания, старые одноэтажные здания, церкви, широкие ворота – входы в парки развлечений, магазины, салоны красоты, рестораны – все атрибуты повседневной городской жизни. Открытые всем, кому по карману плата за вход.

Вскоре после открытия «Изумрудного города» в дело вмешались правительства и постепенно прибрали киберпространство к рукам. Вот что расстраивало его больше всего. Он и остальные построили «Изумрудный город», желая воплотить в жизнь свою мечту. Они стремились к тому, чтобы великий плавильный котел – человечество, стиснутое в Реале бесконечными рамками и ограничениями, могло где-то собираться, встречаться, знакомиться, дружить и развлекаться вдали от сковывающих уз государства, бюрократов и чиновников.

Да, новая эра сулила свободу, но никто не собирался дарить ее людям. Он покачал головой: *вот самый противоестественный закон природы!*

В 2011 году, после вмешательства Организации Объединенных Наций, каждой стране выделили участки в киберпространстве, которое тогда называлось Всемирной паутиной и обозначалось тремя буквами www. Вскоре оказалось, что оптоволоконные широкополосные сети недостаточно быстро передают информацию. После ряда опытов и неудач прежние атомно-оптические сети заменили квантовые. Квантовые сети, в свою очередь, преобразили Всемирную паутину до неузнаваемости. Все страны вносили особый взнос «на поддержку гуманитарных программ ООН во всем мире», а взамен правительства стран-участниц получали возможность сдавать «свои» участки киберпространства в аренду компаниям и частным лицам. Чем выше экономическое развитие страны, тем крупнее ее взнос. Чем шире страна использует свои возможности, тем больший кусок киберпространства она получает.

Программное обеспечение Второго мира постоянно обновлялось. Именно здесь впервые опробовали графические протоколы, которые потом применяли в Реале. И все же окончательно «Изумрудный город» завоевал свое место после того, как широкое распространение в нем получили виртуальная реальность и аватары в режиме реального времени.

Сетевые провайдеры начали осваивать «Изумрудный город» в 2015 году; в «застройке» принимало участие все больше компаний, и «Изумрудный город» стремительно разрастался. Так, Франция обустроила свой участок суперскоростной магистрали в виде Елисейских Полей, в английской зоне появилась копия Оксфорд-стрит с театром «Глобус» на одном конце и Триумфальной аркой Марбл-Арч – на другом. Европейцы, сторонники традиционных ценностей, потребовали, чтобы каждый новый проект получал визу министерства государственного планирования. Они ввели в своих зонах те же ограничения и запреты, что царили у них в Реале. Не так поступили разработчики американской зоны. В США, как известно, нет недостатка в территории, а ко всем вопросам привыкли подходить прагматичнее. Правительство США решило не вводить таких строгих рамок и ограничений. Американскую зону осваивал кто угодно и как угодно. Одни создавали ответвления-переулки от основной магистрали и застраивали их по

собственному вкусу; другие, не особо мучаясь, лепили что-то похожее на киберздание вдоль дороги, мощенной желтым кирпичом, и предлагали посетителям любые услуги.

В прежние дни аватары могли летать; передвигаться таким образом было замечательно. Но такую свободу быстро пресекли. Сейчас летать можно только в парках развлечений – «из соображений безопасности». По центральной магистрали либо ходят пешком, либо передвигаются на транспортере. Плата за проезд списывается с кредитной карты пассажира. И даже если какой-нибудь чудака решит поехать по «Изумрудному городу» на машине, с его карты все равно списывают одиннадцать кредитов за шесть миллионов кубитов.

Несмотря на строительный бум, пока удалось освоить всего процентов двадцать виртуального пространства. Куски, которые до сих пор не используются, получили название «Темных зон». Они не нанесены на карты «Изумрудного города» и остаются областями пустого бесцифрового пространства. Там нет ни света, ни энергии, ни звукопередачи.

Впоследствии, с развитием «Изумрудного города», «Темные зоны» тоже подключат к источникам питания и проведут все необходимые коммуникации; они превратятся в новые процветающие районы, где можно будет возвести все, что угодно застройщикам. Но до тех пор считается, что «Темные зоны» не существуют, потому что их еще не «открыли». Почти все мегакорпорации, крупнейшие сетевые провайдеры и застройщики киберпространства уже раскупили огромные куски «Темных зон» – про запас, в надежде, что вскоре они взлетят в цене и их потребуется срочно осваивать. Все очень просто. Необходимы лишь крупные финансовые вливания и технологические новинки.

Он наблюдал за ползающими вокруг КРЭПами – роботами-чистильщиками, которые непрерывно сканируют Виртуал. Роботы занимались привычным делом: чистили и ремонтировали «Изумрудный город», готовясь к очередному пятничному наплыву отдыхающих. Увидев, что на него нацелился объектив камеры-шпиона, закрепленной на внешней стене киберздания, он тут же отвернулся и зашагал прочь. Притворился обычным отдыхающим, который рано приехал и просто осматривается. Поняв, что машинально ускорил шаг, он нарочно пошел медленнее, стараясь заглушить тревогу. Сейчас не стоит попадаться в объектив.

Он посмотрел на часы – время в «Изумрудном городе» совпадало с поясным временем Восточного побережья США – и понял: уже скоро. Зал съездов постепенно заполняется народом. Миллиарды зрителей сидят дома и ждут встречи с главным человеком. Выборы прошли, электронные голоса сосчитаны. «Старину Тедди Диксона» переизбрали на второй срок. Еще четыре года он будет президентом Соединенных Штатов, которые занимают теперь всю территорию Северной Америки и половину Южной. Диксон – лидер нескольких миллиардов граждан.

Он покачал головой и зашел в ближайшее кафе. Ему вдруг захотелось свежего, горячего капучино. Он будет следить за происходящим по телеэкрану, висящему на стене над стойкой. По цифровым каналам все происходящее одновременно транслируется и в Реале, и во Втором мире.

Он будет следить за происходящим, зная, что скоро все перевернет!

Книга вторая ДА НАЧНЕТСЯ ИГРА!

«Долина драконов»

Трансильванский замок, шестой уровень

6M432K8723, «Изумрудный город»

Пятница, 13 февраля 2044 г.

Реальное время: до контрольной точки 14 часов

Я сразу понял, что они не пройдут. Скоро им будет очень больно. Я улыбнулся. Такой уж я есть – Конор Смит. Я всегда невозмутим; у меня все путем!

Я наблюдал за тем, как большой Земляной дракон, или Draco Rex, ползет по каменному кухонному полу к Икару. Вот дракон угрожающе запрокинул уплощенную голову с глазами-щелочками, готовясь нанести удар. Да, то, что здесь сейчас происходит, называется «игрой», но в виртуальной реальности есть одна заковыка: игрой все можно называть лишь до того, как попадаешь в «Изумрудный город» и начинаешь играть. В «Изумрудном городе» все не понарошку, а взаправду. Здесь, если тебя ранили, испытываешь настоящую острую боль, приступы которой накатывают на тебя еще несколько дней после возвращения в Реал.

Они все знали и не удивлялись. Боль – неотъемлемая часть игры... Кстати, именно возможность ходить по краю больше всего и привлекает моих учеников. Я внимательно наблюдал за ними. Они не торопились. Слева от Икара припал к земле самурай Тадзё, которого дракон не видел. Спрятавшись в нише, Тадзё ждал, когда чудовище окажется в пределах досягаемости. Девушка-викинг, Номуна, заняла позицию на той стороне кухни, и дракон ее тоже не видел. Номуна стояла на коленях, крепко сжимая в руке палаш. Она готовилась поразить врага из засады за огромной кухонной плитой, над которой на крюках висели медные кастрюли и горшки.

Три моих ученика почти час выслеживали дракона в старом средневековом замке; обращали внимание на вехи и знаки, выдававшие присутствие врага. Так, они замечали светло-зеленую плесень на стенах в тех местах, которые дракон касался своей чешуей, обожженные деревянные балки там, где он изрыгал огонь, вызывая врагов на поединок, перевернутую мебель, которую дракон задел, взлетая.

И вот, наконец, они нашли чудовище. Оно поджидало их здесь, в выбранном им самим месте схватки – на огромной кухне в недрах замка.

В кухню вошли опасно, то и дело озираясь. Они понимали, что сейчас будет бой. Прежде они уже два раза добирались до этого места – до первой точки сохранения. Правда, в прошлые разы они терпели поражение. Икар шел первым; он должен был подманить дракона. Спутники назначили его жертвой.

За Икаром на кухню прошли Тадзё и Номуна и тут же спрятались в укрытиях. Все они уже видели раньше дракона, с которым им предстояло сразиться. Он оказался мельче, чем они ожидали, всего метра два высотой и метров десять от кончика носа до кончика хвоста. Но малые размеры с лихвой возмещались беспощадностью и свирепостью. Почти все большие Земляные драконы вырастают до тридцати метров в длину, и размах крыльев у них примерно такой же. Зато дракон, битва с которым им предстояла, был поразительно живой и подвижный. Защищался он отчаянно, разил быстро. От своих более крупных сородичей он отличался умом и особым коварством. К битве он готовился почти как человек. Охотники понимали, что дракон специально оставляет для них следы. Они знали, куда приведут их следы – на место битвы, которое дракон изберет сам. Кухня была достаточно просторной и позволяла дракону

воспользоваться своими естественными преимуществами. Здесь он мог без помех летать, планировать сверху на голову врагов и разить их без пощады.

Единственная их надежда заключалась в том, что враг был один. Драконы вида *Draco Rex* – интроверты и отличаются большой скрытностью. Если не считать периодов спаривания, они всегда избегают общества сородичей. Им нравится жить в одиночку. И даже при спаривании инстинкт не позволяет большому Земляному дракону драться из-за самки или отвоевывать территорию, где предстоит выращивать потомство. Спариваются эти драконы всего лишь раз в два года и потому питаются редко. Взрослой особи достаточно двух-трех приемов пищи в год.

Изучив повадки *Draco Rex*, Икар решил заманить дракона в его излюбленное логово. Икар выжидал; со стороны казалось, что он не вооружен. Дракон напал на него без предупреждения. Не приближаясь, оставаясь метрах в тридцати от жертвы, чудовище вдруг изрыгнуло первый огненный шар. Икар успел уклониться, и пламя не опалило его. Огненный шар ударил в стол, стоящий за Икаром, и столешница тут же вспыхнула. Вверх взметнулись ярко-оранжевые языки. За первым огненным шаром последовали еще два. Икар ловко уворачивался и потому не пострадал.

Тем временем дракон осторожно подползал к своему противнику. Очутившись от него на расстоянии метров десяти, он присел и выпустил когти, готовясь разорвать человека на куски. Из его пасти капала слюна; видимо, он проголодался, и ему не терпелось полакомиться молодым человеком. Икар сдернул с плеча арбалет, схватил стрелу и прицелился точно в драконью морду. Он выстрелил, но дракон заранее почуял опасность и начал двигаться еще до того, как Икар начал действовать. Стрела пролетела мимо зверя, не причинив ему никакого вреда, а дракон взмыл в воздух и, перелетев через Икара, приземлился у него за спиной. И сразу, еще не до конца развернувшись, набросился на свою жертву. Его клыки вырывали из спины молодого человека огромные куски мяса.

Решив, что пора забирать его, пока он серьезно не пострадал, я нажал КатаПульт и тут же переместил Икара в Реал. Молодой человек вскрикнул от боли и исчез.

Теперь дело было за двумя его спутниками. Тадзё и Номуна бросились на дракона с разных сторон и принялись рубить его мечами. Зверь не ожидал нападения; он заревел от боли и попятился. Оскалил огромную пасть, но нападающие без труда уклонялись от укусов. Чудовище слабело. Потом они ринулись в атаку; они кромсали и рубили дракона. Одним ударом Тадзё отрубил два когтя с правой лапы дракона; в другой раз он вонзил лезвие меча ему под лопатку. Дракон был серьезно ранен; его сине-зеленая кровь струей хлынула на каменный пол. Поняв, что враг слабеет, Тадзё и Номуна осмелели и стали действовать увереннее. Они нападали на зверя с разных сторон, и тот заметался, не зная, на кого броситься вначале. Люди размахивали мечами и то и дело оскальзывались – трудно сохранять равновесие на залитых кровью каменных плитах.

Громко вереща, дракон развернулся, собираясь улететь; его огромные крылья замолотили по воздуху. Но взлететь никак не удавалось; у него не хватало места для разбега и не получалось набрать достаточную высоту. Казалось, все кончено; Номуна размахнулась и отрубила кончик правого крыла. Хотя дракон сумел оторваться от пола, лететь на одном крыле он не мог и тяжело рухнул на пол. Он подполз к серой каменной стене и приготовился дать последний бой.

Тадзё и Номуна приближались осторожно, занеся мечи для решающих ударов. С оскаленных клыков дракона еще капала кровь Икара. Он снова изрыгнул пламя, но, поскольку силы дракона слабели, огненный шар поплыл по воздуху очень медленно и оба воина без труда уклонились от него.

– Осторожно! – крикнула Номуна. – Он ведь еще жив!

Тадзё кивнул. Его так и подмывало броситься в атаку, пробежать мимо раненого дракона, насладиться победой и вступить в ряды немногочисленных счастливицев, которые добрались до высшего уровня и увидели Золотого дракона.

В спешке они и допустили роковую ошибку. Сзади появился второй Земляной дракон, гораздо больше первого – метров двадцати в длину. Он издал такой оглушительный рев, что затряслись стены. Тадзё и Номуна развернулись кругом. Мечи в их руках казались детскими игрушками из фольги. Они сразу же поняли, что обречены. Раненый дракон поменьше встал и, чуя их слабость, снова осмелел.

Два воина обернулись ко мне; в их глазах я прочел страх. Меня они не видели, но знали, что я за ними наблюдаю. Я выждал еще несколько секунд, прежде чем катапультировать их. Мне хотелось, чтобы они испытали настоящий страх и поняли, что в «Долине драконов» опасность нешуточная. Два огнедышащих чудовища взмыли в воздух и закружили над людьми, громко ревя и готовясь к последнему, решающему удару. Вот они метнулись вперед, выпуская огненные шары и скаля острые, как у акул, клыки... Я ухмыльнулся, взял пульт дистанционного управления и перенес обоих кибервоинов в безопасное место.

В замке остались только два дракона; огромный самец осторожно и ласково вылизывал самку, готовясь совокупиться с ней. В предвкушении радости они уже забыли, какая опасность им только что угрожала. Два человека исчезли бесследно; жизнь вернулась в нормальное русло.

Я выключил настенную плазменную панель и перенесся в конференц-зал, откуда мои ученики начали свой путь. Вид у них был жалкий, подавленный; все трое сидели понурившись. Икар в досаде качал головой; он следил за действиями своих товарищей по команде по большому настенному монитору, занимавшему целую стену. Время от времени Икар потирал поясницу. Хотя никаких видимых отметин в тех местах, где дракон его обжег, не осталось, спину у него, наверное, еще саднило.

– Как ты? – спросил я.

– Мне очень больно, и все.

– Ты рисковал не очень долго; через пару часов все пройдет. Помни: боль у тебя в мозгу, а спина просто отзывается на сигналы. – Я повернулся к остальным: – Итак, что вы сделали неправильно?

– Мы почти добились его! – сердито выпалила Номуна. – Откуда там вдруг взялся второй дракон?

– Тот, первый, был не «он», – ответил я. – Это была самка.

– Какая разница? Откуда там вдруг взялся второй?

– Вы не выполнили домашнего задания. Не подготовились к прохождению как следует.

– Нет, подготовились! – сердито возразил Икар. – Пришлось много искать, читать...

Вдруг Тадзё со стоном рухнул на стул и, закрыв лицо руками, принялся раскачиваться из стороны в сторону.

– Ты, значит, понял, что именно мы упустили? – Икар повернулся к самураю. – В чем же дело, черт возьми?!

– Неужели не понятно? – глухо спросил Тадзё.

– Нет... Объясни! – попросила Номуна.

Самурай поднял голову:

– Мы привыкли к тому, что Земляные драконы живут и охотятся только в одиночку. Так оно, конечно, и есть. Вместе они даже пропитания не добывают... – Он покосился на меня и едва заметно улыбнулся. – Так что все и в самом деле очевидно... Какие же мы дураки!

– Да что, что очевидно?! – Икар все больше раздражался.

Номуна пронзительно и насмешливо расхохоталась. Она тоже поняла, почему они потерпели поражение.

– У них был брачный период! Время спаривания... Такое время бывает раз в два года... И всегда в конце января – начале февраля.

– Меньший дракон был молодой самочкой, – добавил я. – А второй – самцом. Он пришел к ней на помощь.

– Мы когда-нибудь пройдем тот уровень?

Я пожал плечами:

– Все зависит от вас. Могу сказать только одно: чем выше вы забираетесь, тем труднее добиться успеха. За каждым углом вас будут поджидать все новые опасности... Правда, вы найдете и новые подсказки, которые подготовят вас к встрече с врагами. Не забывайте: главное – предварительная подготовка, всестороннее исследование. Необходимо выяснить все до мельчайших подробностей. Вот уже в третий раз вы доходите до этого уровня. Может быть, вы, как и большинство игроков, выше уже не подниметесь. Ведь чем выше вы поднимаетесь, тем сильнее боль и тем дольше выздоровление. Если сейчас вы поправляетесь через несколько часов, потом на выздоровление будет уходить несколько недель, даже месяцев – чем выше забираетесь, тем больнее падать. Два раза вас останавливала малышка дракониха, а сейчас вас победил ее партнер. Вы меня разочаровываете. Если бы вы подготовились как надо и подключили головы, вы бы давно перешли на следующий уровень. По-моему, вам нужно сделать перерыв – не меньше двух недель. А потом проверим, готовы ли вы вновь выполнить задание.

Они умоляли дать им еще одну попытку, но я не внял их просьбам. Ничего, скоро они успокоятся... Они поняли, почему провалились, но им в самом деле следовало правильно истолковывать знаки.

Понять, что враг и победа в их руках.

Икар, хотя не самый умный из троицы, оказался самым храбрым; он больше всех был достоин уважения. Он добровольно вызвался пожертвовать собой; спутникам даже не пришлось его уговаривать. Команда собралась неплохая; если будут прислушиваться к моим советам, возможно, когда-нибудь и доберутся до высших уровней. Их преимущества – сплоченность, взаимная симпатия и доверие друг к другу... И все же им предстоит еще многому научиться.

– Таковы правила. Они созданы исключительно ради ваших же здоровья и безопасности. У вас будет еще одна попытка, но придется снова начать все с начала и вернуться к той кухне на пятом уровне.

– Конор, сколько всего уровней? – спросил Тадзё.

– Вам самим предстоит это выяснить. И перестаньте все время меня расспрашивать, потому что кодекс я не нарушу. Могу сказать одно: путь перед вами еще долгий. Чем тщательнее вы будете готовиться к прохождению, тем быстрее доберетесь до высших уровней.

– Золотой дракон... – вздохнул Икар. – Вы ведь добрались до него. Какой он? – Он знал, что я люблю поговорить о Золотом драконе. Ходили слухи, что я – единственный Мастер игры, который добирался до конечного уровня. И только я точно знал, что это не слухи. – Я имею в виду... какие чувства испытываешь при виде Золотого дракона?

Мне расхотелось рассказывать. Все надоело, да и ученики, признаться, разочаровали. Они правильно поступили, пожертвовав одним своим спутником, чтобы убить Земляного дракона, зато не следили за флангами и позволили второму дракону захватить их врасплох. В общем, работали неряшливо, и их жертва оказалась ненужной.

– Запомните, что написано в Кодексе игры: «У него золотые крылья и чешуя; он очень красив, умен и храбр. Золотой дракон защищает Зачарованный замок, скрытый в Тайном лесу, где древний рыцарь с чистым сердцем охраняет священную Золотую чашу. И рыцарь, и дракон будут охранять священную чашу до тех пор, пока мир не очистится. И тогда достойные извлекут чашу из хранилища и отопьют из нее... Страх и ненависть исчезнут, и наступит золотой век, которого так ждут все добрые люди. И все остальные драконы – Земляные, Водные

и Огненные – прилетят в Зачарованный замок и поклонятся Золотому дракону». Согласно легенде, ни один истинный воин не пожелает убить Золотого дракона – а только те, кто стремится ко злу. Следовательно, я буду защищать этого дракона от вас. Вот почему, если вы доберетесь до высших уровней, я буду с вами...

– Для чего? Чтобы защитить нас или дракона?

Я рассмеялся:

– Чтобы сохранить Игру. Если вы убьете Золотого дракона, Игра перестанет существовать. А если вы погибнете, в Игре не останется игроков. – Я по очереди оглядел всех троих. – Поэтому не бегите, если можете идти. Впереди у вас долгий путь. Большинство людей до конца так и не добираются. Они сдаются либо потому, что им страшно, больно, дорого, либо потому, что цель кажется им попросту невозможной. Ладно. О дате следующей попытки я сообщу вам по электронной почте.

– А можно сыграть завтра? – спросил нетерпеливый Икар.

– Нет. – Я решительно покачал головой. – И потом, завтра «Долина драконов» целый день будет закрыта на техобслуживание. До скорого свидания! – Я нажал кнопку, мое изображение на экране исчезло.

Они меня больше не видели, зато я по-прежнему мог следить за ними. Три игрока, разочарованные, как и я, сблизили головы и о чем-то перешептывались. Все трое тяжело переживали поражение. Ничего, они еще молоды и быстро придут в себя... Главное – верить, что непременно пройдешь Игру до самого конца.

Разумеется, я понимал, что они заблуждаются. И все же они принадлежали к числу моих лучших учеников. Кто знает, вдруг у них все-таки получится?

Там видно будет... Я вдруг почувствовал зверский голод и вышел из компьютерного зала на кухню. Открыл холодильник. Надо перекусить, пока не подоспела следующая команда. Станный, конечно, способ зарабатывать себе на жизнь – мне платят за то, что всю жизнь было моим хобби. Когда был молод мой отец, символом впустую растраченной юности считался бильярд. В дни моей молодости безнадежными считали любителей компьютерных игр и игровых приставок. А я именно на них нажил себе состояние.

Потянувшись за сыром, я вдруг поморщился от острой боли в правом предплечье и закрыл холодильник. Боль, то утихая, то усиливаясь, преследовала меня уже две недели. Если не пройдет, придется обратиться к врачу. Не особенно-то я любил врачей и не особенно в них верил, но обращался к ним по необходимости. Страховые компании требуют, чтобы все регулярно проводили медосмотр. Когда-то здоровье давалось бесплатно, теперь же приходится платить за все.

Я осторожно открыл холодильник, взял с полки кусок чеддера, сорвал обертку, надкусил. Надо восстановить силы! Мысли о трех учениках не покидали меня. Мне уже много раз приходилось наблюдать разочарование, какое сейчас испытывали они. С улыбкой я вспомнил о первой встрече с этой троицей. Они обратились ко мне три месяца назад. Им, молодым, не терпелось познакомиться со мной, Конором Смитом. Меня считают осколком старины. Один глаз у меня голубой, другой зеленый; в левом ухе два больших платиновых кольца. И лицо гораздо более морщинистое, чем положено мне по возрасту. Единственный раз я позволил себе обратиться в центр восстановительной пластики, чтобы подрезать веки – теперь они не нависают и я лучше вижу. Свои поредевшие волосы я стригу очень коротко. Я ни разу не был в «бутике молодости», хотя их количество в Реале растет неуклонно. Как правило, одеваюсь я тоже старомодно: черная футболка, черные вельветовые брюки и ковбойские сапоги на стоптанных, скошенных каблуках. Сапоги, как и я, давно устарели, но я упорно меняю набойки и подошвы, хотя, по-хорошему, сапоги давно пора выкидывать. Кроме того, их всегда как будто покрывает тонкий слой пыли, которую я привычно стряхиваю с брюк. Правый рукав футболки

у меня закатан до бицепса; в отворот засунута пачка сигарет. Над пачкой видны две татуировки. На одной написано «Детка», на другой – просто «Э». И хотя я в жизни не выкурил ни одной сигареты, пачка стала частью моего образа еще с тех дней, когда я гонял на спортивных машинах по только что сооруженному «Изумрудному городу».

Мне нравилось сравнивать себя с героем песни Джима Кроче¹ «Рой на гоночной тачке»; наверное, иногда именно таким я себе и кажусь.

Рой обожает крутые тачки...
Он очень доверчив и прост.
У него не проблема стрельнуть сигарету из пачки,
Что спрятана за отворот.

На его плече наколото: «Детка»,
А рядом наколото просто: «Э».
Но нет ему равных на гоночной трассе
В раздолбанном «шевроле».

Наверное, я сам себя пародирую... Но кому какое до этого дело? Уж точно не мне.

Правда, я всю жизнь презираю тех, кто слишком озабочен собственной внешностью. Благодаря достижениям в восстановительной пластике, особенно операциям с применением лазера, огромному количеству омолаживающих препаратов и процедур по изменению ДНК люди сейчас до глубокой старости выглядят молодыми и свежими. Моя одежда – тоже символ протеста; я принципиально ношу то, что давным-давно вышло из моды. Мне кажется, что благодаря одежде я хоть как-то выделяюсь в толпах пижонов – раньше их называли «хлыщами». Меня можно назвать «техно-хиппи». Так я и существую, и меня считают одним из лучших. Учеников часто смущает моя внешность. Я не прокалываю язык, хотя сейчас это последняя мода, не ношу пирсинг с драгоценными камнями и не делаю переливающихся татуировок... Но, привыкнув ко мне, ученики уже не сомневались в том, что я – человек незаурядный. Наверное, со временем они учатся видеть душу человека, а не фасад, за которым так любят прятаться многие.

Ученики привыкают ко мне. Так и надо; они должны мне доверять. Конор Смит не обманывает... Ведь я смотрю миру прямо в глаза и говорю то, что думаю... Я криво усмехнулся. Кого я пытаюсь надуть? Я – тот, кто я есть: идиот, которому хочется как-то выделиться в толпе других кретинов.

Вспоминаю первые дни, когда все ломанулись во «Вторую жизнь» – тогда она была самым модным интернет-поветрием. Я тоже регулярно навещался туда; моим любимым местом стал аэродром Эбботе, где я наблюдал за тем, как садятся самолеты. Они часто падали, потому что ими управляли с джойстиков, причем у горе-пилотов, как правило, страдала координация движений. Но наблюдать за ними было здорово – прямо дух захватывало.

Я до сих пор помню ссылку, <http://slurl.com/secondlife/Abbotts/160/160/70>. Сейчас все по-другому. Эбботе был международным аэропортом, откуда транспортеры летали из одного конца «Изумрудного города» в другой. Уроки высшего пилотажа, реактивные самолеты, полеты в космос... да, тогда в Эбботсе было все.

Сейчас все стало слишком сглаженным, безопасным. Исчез дух авантюризма.

Вдруг я затосковал; меня как будто ударили пыльным мешком по голове. Наверное, во всем виноват промах моих учеников. Их неудача обострила мою досаду, подчеркнула мою отъединенность от конечных моих же достижений.

---

¹ Кроче Джим (1943–1973) – американский певец, гитарист и композитор.

Чем я зарабатываю себе на жизнь?

Я пишу игры.

А чем еще?

Я играю в игры.

И все, значит?

Не так плохо для бывшего хакера, бывшего преступника, бывшего стукача, бывшего заключенного и бывшего крэкера...

Ну, и что же дала тебе твоя профессия?

Черную платиновую карту «Америкен экспресс».

Это серьезно. Это целое состояние. За то, что ты играл в игры?

Я получаю проценты с продаж от всех разработанных мною игр. В прошлом году «Корпорация Тема» продала почти полмиллиарда игр и билетов в тематические парки «Изумрудного города», созданные по моим играм.

Много игр!

Много денег!

Сколько именно?

Понятия не имею.

Ты не знаешь?

Да какое мне дело? Я давно уже бросил считать. Таких, как я, очень мало. Я принадлежу к горстке элиты. Я настоящий агент 007 в игровом мире.

Конор Смит. Агент с лицензией на ошеломление.

Вот уж воистину – пути Господни неисповедимы!

Я вдруг почувствовал, как во мне вскипает необъяснимый гнев. Из ниоткуда... он всегда возникал из ниоткуда.

– Да пошли вы все! – заорал я, обращаясь к холодильнику и ко всему миру.

Еще один день прошел. Еще один день потерян. Я – Мастер игры; пора признать, что играть Мастеру давным-давно надоело.

Я включил настенную плазму – захотелось посмотреть новости. Картинка появилась немедленно, и я увидел, как президент Соединенных Штатов входит в переполненный Зал съездов.

День рождения

Белый дом (Дубль)

29-й этаж

Зал съездов № 42

Реальное время: до контрольной точки 13 часов 30 минут

Посмотрев в зал, президент увидел всего тысячу человек, не больше, но он знал, что на него сейчас смотрят миллионы. Все толкались, боролись за право оказаться ближе к нему, хотя первый ряд находился у подножия огромной сцены, шагах в десяти от него. Президент любил достижения прогресса. Благодаря новым технологиям он получал возможность общаться со своими сторонниками. После того как все поняли, что в виртуальной реальности можно не только играть, политики первыми разглядели и оценили важность нового мира. Политики по природе своей тяготеют к новым способам коммуникации, которыми они, по их искреннему убеждению, могли управлять.

Такие мгновения он особенно любил: американские граждане, его избиратели, пришли продемонстрировать, что они на его стороне и любят его! Президент тут же напомнил себе: все эти граждане многим ему обязаны. В конце концов, кто, как не он возобновил процесс, прекращенный Джорджем Бушем и его либеральными последователями? Все началось еще до того,

как построили Великую исламскую стену. Количество экстремистов и террористов-смертников постоянно росло. Они убивали невинных людей в крупных городах по всему миру, главным образом в США, Великобритании и некоторых европейских странах. Атаки террористов стали настолько обыденными, что сообщения о новых терактах сместились с первых полос газет куда-то в середину. Правда, бояться их не перестали. Ведь следующая бомба могла взорваться рядом с вашим домом, убить ваших лучших друзей и родных...

Потом стало известно, что группировка «Ислам за исламский джихад» обладает портативным ядерным устройством. Террористы планировали устроить взрыв в Чикаго, в кафедральном соборе Имени Господня на Норс-Стейт-стрит во время воскресной мессы. И тогда он, не колеблясь, приступил к решительным действиям. Самым поразительным стало то, что все пятнадцать террористов-смертников оказались американцами в третьем поколении. Они жили рядом с теми, кого собирались убить; ходили с ними в школы и колледжи...

Через несколько дней США разбомбили три иранских завода по производству ядерного оружия, три иранских правительственных здания и три небольших городка – два в Сирии и один в Ливии, – где, как считалось, находились тренировочные базы исламских террористов. Всего погибло шесть тысяч человек, но военная мощь Америки восторжествовала, а великие державы – Россия, Китай и Индия – согласились с тем, что подобные действия были необходимы. Время работало на них. Они понимали, что Америка постепенно утрачивает позиции ведущей экономической державы, а у них в будущем еще появится возможность поиграть мускулами.

Самое же главное, после решительных действий США теракты прекратились.

Затем Запад укрепил границы и вынудил многих мусульман вернуться на свою историческую родину, хотя некоторые из них проживали в западных странах на протяжении трех-четырех поколений. Перестали существовать такие понятия, как «двойное гражданство» и «политические эмигранты». В Европе воздвигли Великую исламскую стену. Суть новой политики была очень проста: тот, кто не с нами, – тот против нас.

Но сейчас президент о своих прошлых достижениях не вспоминал. Энни взяла его за руку и слегка сжала. Президент улыбнулся жене. Он – настоящий мужчина. Он вернулся в Белый дом на второй срок. Энни во всем поддерживала его. Без нее он вряд ли стал бы тем, кем он стал.

Он тоже сжал ее ладонь в ответ, высвободил руку, оглядел просторный Зал съездов... и улыбнулся своей знаменитой улыбкой. Потом медленно поднял руку к потолку и сделал толпе свой фирменный жест, обозначавший: «Мы все на одной стороне и боремся с одним и тем же врагом». Он как бы обводил рукой всех, защищал их от внешнего мира.

Толпа разразилась приветственными криками, и он заулыбался еще шире, еще энергичнее замахал рукой. Теперь он протянул ее к ним. Его победа, его приход на второй срок, случившийся всего четыре недели назад, была и их победой, и он разделял с ними час своего торжества. Старина Тедди Диксон – народный избранник, народный любимец. Его сторонники понимали и принимали его таким, какой он есть, со всеми сильными сторонами и недостатками. Тедди Диксон – такой же, как они... И все они сегодня собрались здесь, пришли отпраздновать его шестьдесят третий день рождения. По случаю праздника все нарядились: мужчины во фраках, дамы в вечерних платьях.

За спиной президента, чуть левее, стоял Дон Клэнси. Его глаза неустанно оглядывали собравшихся. Клэнси понимал, что здесь, в этом зале, вероятность нападения почти исключена. Сюда пускали только по особым приглашениям. И все же ослаблять бдительность ни в коем случае нельзя. Клэнси нашел в толпе своих подчиненных: агентов Секретной службы²

---

² Секретная служба – федеральное агентство США, в обязанности которого, в числе прочего, вменяется охрана президента, вице-президента, их непосредственных родственников, других высокопоставленных чиновников, кандидатов в прези-

Джексона, Смайта, Валленски и Смертона. Все на месте, все несут службу. Клэнси покосился на часы. Без трех семь.

– Без трех, – произнес он в свой микрофон на плече.

На сцене президент Диксон поднял вверх обе руки, призывая собравшихся к тишине. Ожидая, пока все умолкнут, он думал о зале, в котором находился. Зал в Дубле Белого дома соорудили и отдекорировали по его вкусу. То была точная копия зала в нью-йоркском «Мэдисон-сквер-гарден», где в мае 1961 года праздновали день рождения президента Джона Кеннеди. Просторное, ярко освещенное, уютное помещение. Для праздника лучше не придумаешь.

Толпа умолкла; наступила полная тишина. Диксон опустил руки и расплылся в широкой улыбке:

– Великая у нас страна или как?

– Да-а-а-а!!!

Толпа взорвалась, услышав знакомую фразу, которую он часто использовал во время избирательной кампании.

– Вот именно – великая у нас страна... или как?! – Он повторил свою любимую фразу громче, почти прокричал ее.

Зал потонул в приветственных криках; Диксон откровенно наслаждался всеобщей любовью, купался в ней.

– Две минуты, – тихо сказал Дон Клэнси. На сей раз он не выискивал глазами своих агентов; он оглядывал гостей – на всякий случай. Мало ли что... Но все выглядели вполне нормально: никто не демонстрировал угрожающего поведения, никаких признаков враждебности.

– Да-а-а! У нас великая страна!!! А будет еще более великой, когда мы заново начнем диалог с этими мусульманскими странами! Теперь-то они поняли, что без нас им не обойтись! Теперь они знают, что тоже хотят получить то, что есть у нас... Но и мы можем кое-чему у них научиться – да-да! Пора нам вернуться к семейным ценностям. Обратиться к своим корням! Но это потом, на следующем этапе. А сейчас мы должны добиться прекращения террора. Получить гарантии. Перестать бояться! Вот план наших действий на ближайшие четыре года. Наконец-то мир во всем мире... Наконец-то!

Люди в толпе словно обезумели; все тянули руки к своему президенту, их избранному защитнику и отцу народа.

– Одна минута! – невольно крикнул Клэнси и сразу почувствовал себя дураком: поддался всеобщим восторгам.

Смертон ухмыльнулся в ответ. Зачем кричать-то? В этом зале агенты прекрасно услышат все, что он скажет, даже если он будет говорить шепотом.

– Одна минута, – повторил Клэнси, хотя повторять было не обязательно. Просто ему захотелось продемонстрировать свою уверенность. Он главный и знает, что делает. – Тридцать секунд...

Энни Диксон, жена президента, обернулась к Клэнси и улыбнулась ему. Клэнси едва заметно кивнул в ответ. Сюрприз – ее идея; она все скрупулезно продумала. Приготовления велись в строжайшем секрете – насколько здесь, конечно, возможны секреты. Клэнси, со своей стороны, помогал первой леди. Труднее всего оказалось не упоминать Белый дом в переговорах с поставщиком услуги. Если бы компания-поставщик выяснила, кто заказчик, о сделке трубили бы все средства массовой информации не только в стране, но и во всем мире. Завтра – пожалуйста, завтра уже можно. Через несколько секунд то, что так долго готовилось, переста-

нет быть тайной. Энни Диксон повернула голову в другую сторону – через несколько секунд внимание всего зала переключится именно туда.

– «С днем рождения тебя...» – послышался голос, знакомый всему миру. Не бог весть какой голосок, но задушевный, мелодичный.

При первых же звуках зал словно взорвался. Овация превзошла ту, которую устроили президенту. Еще до того, как исполнительница допела первую строчку, все взоры обратились к ней.

Она стояла у противоположной двери; ее высвечивал единственный луч прожектора – одинокую, незащитную фигурку в том же самом платье. Как и тогда, она стояла перед микрофоном.

– «С днем рождения тебя...»

Она стояла на возвышении в серебристом облегающем платье; едва взглянув на это платье, все сразу понимали, что под ним ничего нет. Платье льнуло к телу, о котором в свое время грезили миллионы. Красота в конце концов стояла ей жизни. И все же она была настоящей звездой – Мэрилин Монро.

– «С днем рождения, мистер президент...»

Ни один мужчина в зале не мог оторваться от ее капризно надутых губок и лукавых глаз. Она чуть подалась вперед, лаская рукой стоящий перед ней микрофон. Ее жесты и поза вызывали во всех мужчинах острое желание... Женщины вздыхали: такими им никогда не быть.

– «С днем рождения тебя».

Она легонько взмахнула рукой; затем повернулась и исчезла – как сон, как мечта.

Зрители словно с ума посходили. Бесновались не только те, кто был приглашен в Дубль Белого дома, но и все наблюдавшие за происходившим извне. Невероятно! Перед ними выступала не актриса, не двойник. Перед ними на самом деле была Мэрилин Монро.

Президент Диксон обернулся к Энни и обнял ее. Он сразу догадался, что сюрприз – особый подарок от нее. Только она могла такое придумать. Она знала, как он относится к Кеннеди и вообще к атмосфере шестидесятых. И к Мэрилин, которая воплощала тогдашнюю энергию и дух новизны.

Толпа снова устремилась к Диксону; все хотели пожать ему руку, что-то взять от победителя. Сотрудники Секретной службы Белого дома спешно расчищали проход к танцплощадке для президента и первой леди. Вот Диксоны сошли со сцены, и Клэнси последовал за ними. Он по-прежнему держался сзади, стараясь не светиться.

Едва президентская чета оказалась на танцплощадке, зазвучали первые звуки «Теннесийского вальса»; президент положил руку на талию Энни и закружил ее в танце. Оба они были хорошими танцорами; гости любовались ими, плотно обступив площадку.

– Это какой-то фокус, – прошептал Тедди жене на ухо.

– Тебе понравилось?

– Только ты знаешь, что это для меня значит, – ответил он. Они оба знали: их слова тотчас же услышат миллионы, миллиарды зрителей во всем мире. Никаких тайн! Вот новый стиль современной демократии. Правда, открытость существовала только на таких крупных мероприятиях. – Только ты лучше ее. Ты единственная... навсегда.

Она улыбнулась, и миллионы зрителей, которые подслушивали их разговор, вздохнули вместе с первой леди. Диксоны продолжали кружиться в вальсе; на площадку начали выходить и другие пары. Вскоре здесь стало не протолкнуться от танцующих; все в красивейших нарядах, платьях и костюмах, все наслаждаются парадной обстановкой вечера в Белом доме – пусть даже не в Реале, а во Втором мире.

Когда начался следующий танец, Диксоны отошли друг от друга и немедленно занялись политикой. Энни взяла на себя правую часть зала. Она пожимала руки, ласково улыбалась,

выслушивала комплименты: первая леди среди обожающих ее граждан. Президент направился на противоположную сторону.

- Поздравляю, мистер президент...
- Я из Огайо. Сенатор Джордж...
- Неужели вам всего сорок девять? Вы выглядите гораздо...
- Мы с вами встречались в Лос-Анджелесе во время...
- Она – замечательная первая леди. Хочу сказать, что вам...
- С днем рождения...
- А вы знали, что...
- Конгрессмен Дэвид Шоу-Мюррей. Он наш...
- Сэр, вас ждут в Овальном кабинете.

Диксон поднял глаза на Джо Мейснера, главу администрации Белого дома.

- Джо, разве ты не видишь, что я занят – общаюсь с этими славными людьми?
- Мистер президент, дело довольно срочное, – не сдавался Мейснер.
- На нас напали инопланетяне?
- Нет, сэр. Все гораздо важнее.

Диксон рассмеялся:

- Для меня сейчас важнее всего пообщаться еще с несколькими славными ребятами!
- Мистер президент, вы вернетесь минут через пятнадцать. Тогда вам хватит времени

пообщаться со всеми.

– Джо, с тобой не поспоришь! – Диксон повернулся к пожилой паре из Небраски, с которой он только что познакомился. – Извините меня, пожалуйста... Мне придется отлучиться на несколько минут. Пожалуйста, никуда не уходите; я вернусь, и мы продолжим разговор. – Он обернулся к Клэнси: – Дон, когда мы вернемся, ты подведешь меня сюда?

– Да, мистер президент, – сказал Клэнси, а взгляд Диксона уже блуждал по противоположной стороне зала.

- Как там Энни? – осведомился президент.
- Хорошо, сэр. Ей помогает моя секретарша Мэри.
- Ладно, пошли!

Мейснер шел впереди, расчищая президенту путь; сзади, не отставая, следовал Клэнси. Пройдя взволнованную толпу, они вышли в вестибюль, где располагались лифты.

– Который Овальный кабинет? – холодно осведомился Диксон. В отсутствие зрителей необходимость изображать из себя славного парня отпала.

– На двенадцатом этаже, сэр, – ответил Мейснер.

В огромном Дубле Белого дома имелось четыре идентичных Овальных кабинетов; копии были разбросаны по всем девятистам шести этажам здания. Благодаря нескольким кабинетам президент и его свита могли быстро перемещаться по комплексу, не меняя привычной обстановки. На то существовали свои причины. Поскольку почти все общение осуществлялось посредством видеосвязи – либо по видеофону, либо через Интернет, собеседникам ни к чему было знать, что президент сидит не в настоящем Овальном кабинете.

Маленькая группа людей вошла в лифт; Диксон приложил большой палец к панели распознавания и нажал кнопку. Они молча проехали на семнадцать этажей вниз.

Двери кабины разъехались, и они очутились в вестибюле чуть меньше того, как откуда только что приехали.

Все вышли из лифта; их встретил Смертон.

- Порядок? – спросил Диксон.
- Да, мистер президент.

Пройдя полкоридора, они очутились перед дверью из пуленепробиваемого, ударопрочного стекла, вделанной в такую же стеклянную стену. Чтобы попасть внутрь, каждому необ-

ходимо было подойти к камере идентификации и просканировать радужную оболочку глаза. После того как человек успешно проходил процедуру сканирования, дверь открывалась. В помещение за стеклянной стеной попадали по очереди, по одному. Президент отправился в Овальный кабинет один. Все остальные, за исключением Клэнси, вошли в небольшую приемную.

Сам Клэнси остался в вестибюле; он отвечал за то, чтобы на вверенный ему объект не проникали посторонние. Придвинув себе одно мягкое кресло, обитое бархатом, он сел лицом к лифтам и выключил многоканальный коммуникатор. На некоторое время он отрезан от связи с внешним миром. Клэнси вздохнул и расслабился. Привычки президента он изучил хорошо. Здесь им ничто не угрожает.

Коттедж «Роза»

Восточный Харлинг

Норфолк

Реальное время: до контрольной точки 13 часов 22 минуты

Я сделал себе сэндвич с экологически чистым сыром из настоящего молока и вернулся вовремя. Успел увидеть, как легендарная кинозвезда поздравляет Диксона с днем рождения.

Диксон получил прозвище Великий Крестоносец. Правда, чаще его называли «везучим крестоносцем». Ему в самом деле крупно повезло, что все не закончилось Третьей мировой войной. Китайцы и русские постепенно привыкали к мирной, спокойной жизни – их экономика тоже переживала подъем вслед за странами Запада. Только потому они и не отреагировали на происходящее в своей обычной манере. Кроме того, падала зависимость от нефти; благодаря открытиям новых источников энергии Западу уже не требовалось ископаемое топливо. Настоятельная потребность и страх – поразительно мощные стимулы.

Нет, не люблю я старину Тедди Диксона. Не доверяю ему. Его считают бабником, но янки это, кажется, вполне по вкусу. Ну а я вряд ли стал бы помогать такому типу в случае нужды. Мне бы доставило гораздо большее удовольствие наблюдать за его мучениями.

Зато Монро оказалась безупречна. Я много раз видел запись ее знаменитого выступления на дне рождения Кеннеди и видел, насколько точно все воспроизведено. Она была воплощенной сексуальностью – в наши дни так уже не двигаются, не говорят, не поют. Неудивительно, почему толпы отдыхающих, переносясь в «Изумрудный город», горят желанием пообщаться со старыми кинозвездами. Даже корпорация «Тема», на которую я работаю, приобретает авторские права на великие имена прошлого и их образы.

Монро допела песенку; мне надоело смотреть. Я откусил кусок сэндвича, выключил плазменную панель и направился на застекленную террасу. Хотелось посидеть в тишине, хотя здесь и становилось скучновато. Может, настало время выйти из дома и прогуляться по окрестностям? В конце концов, именно ради этого я и купил этот коттедж вдали от Застройки, в которой живут все. Чтобы убраться от внешнего мира. Держаться как можно дальше от «Изумрудного города» и всего, что он теперь олицетворяет.

День рождения

Белый дом (Дубль)

Овальный кабинет

Реальное время: до контрольной точки 13 часов 10 минут

Войдя в Овальный кабинет, Диксон закрыл за собой дверь. Помещение ему очень нравилось. Оно словно напоминало о новейшей истории страны, которой он руководил. С 1800 года Белый дом являлся официальной резиденцией президента Соединенных Штатов и стал

символом самого сильного государства в мире, которое иногда любили, но часто ненавидели. США даже влиятельнее, чем Объединенная Европейская Республика, которая возникла в начале двадцать первого века именно как противовес США. Европе и самой тогда приходилось нелегко; то был период так называемых Великих этнических войн, которые велись в основном против миллионов нелегальных иммигрантов. Беглецы стремились в Европу в поисках лучшей жизни. После того как в европейские страны проникли многочисленные исламские террористы, которые прикидывались беженцами, а на самом деле лелеяли более зловещие планы, европейские границы закрылись. От Албании вдоль границ Русской Республики возвели железобетонную стену высотой в тридцать футов. Подходы к ней заминировали и охраняли войсками. Стена, получившая название Великой исламской, значительно превосходила Берлинскую стену. Она стала первым шагом к обеспечению безопасности твердыни под названием «Запад».

Тем временем крепость под названием «США», подвергавшаяся непрерывным атакам террористов, также обеспечивала свою безопасность. Террористы начали с разрушения башен-близнецов в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года; за этим последовали войны на Ближнем Востоке и другие освободительные войны. Америка содрогалась от того, что гибли ее солдаты. Казалось, невозможно победить в войне с невидимым врагом, в войне без границ. Поэтому Соединенные Штаты закрыли свои границы для всех иностранцев, в том числе и приезжих из Европы. И только после того, как в Европе появилась Великая исламская стена, Америка снова открыла двери для своих союзников.

Мир разделился на два лагеря. В каждом свирепствовала собственная пропаганда; оба лагеря лицемерно заявляли, что только их сторонники служат истинному Богу.

По одну сторону находились современное общество потребления, куда вошли Соединенные Штаты Америки, Объединенная Европейская Республика, бурно развивающийся южно-американский континент, а также Япония, Русская Республика и Австралия. По другую сторону находились страны арабского мира, Африки и Ближнего Востока с преобладающим мусульманским населением. Они отринули западные идеалы демократии и вернулись к цивилизации, основанной на религиозном фанатизме. В центре арабского мира находился Израиль – крохотный оазис демократии. Он выживал благодаря вооруженной поддержке и ракетному оружию массового поражения, которое разместили на его границах США. Китай и Индия поддерживали Запад, потому что им необходимо было торговать с западными странами, чтобы кормить миллионы своих жителей. Но во всех прочих отношениях Китай и Индия придерживались нейтралитета и ждали, когда противостояние двух лагерей разрешится само собой.

Тедди Диксон был ключевым игроком великой державы. Он понимал, что сейчас во всем мире нет человека могущественнее его, и упивался своей властью... Правда, в данный момент его голова была занята совсем другим.

Она уже была на месте и ждала его. Сидела в его кресле, повернувшись к нему спиной, и смотрела на лужайку, ведущую к парку «Эллипс». На высокой спинке кресла лежала прядь светлых волос. Мэрилин! Настоящая – такая, какой она была всегда. Когда Диксон вошел, она повернулась в кресле и посмотрела ему в лицо.

– Добрый вечер, мистер президент!

– Мэрилин, милая! – Он быстро подошел к столу. На ней по-прежнему было то самое знаменитое платье – под которым, если верить слухам, ничего нет... – Можно называть тебя просто Мэрилин?

– Ты президент... Можешь звать меня как хочешь... милый! – промурлыкала она, и последнее слово как будто растаяло у нее на губах.

– А он как тебя называл?

Мэрилин улыбнулась – лукаво и соблазнительно. Почему все всегда задают ей один и тот же вопрос?

– Ты имеешь в виду Джонни?

– Ты, черт возьми, прекрасно знаешь, кого я имею в виду! – Хотя со дня убийства Джона Фитцджеральда Кеннеди прошло более трех четвертей века, его не забыли, а многие до сих пор перед ним преклонялись.

– Нехороший мальчик... ты сквернословишь... а я ведь пришла, чтобы угодить тебе, – игриво упрекнула она, но тут же рассмеялась: – Правда, тебе можно все... Ты ведь такой большо-ой... Можешь делать со мной, малышкой, все, что захочешь! – Она выпрямилась и плавно встала. – Прошу вас, мистер президент, подойдите сюда и сядьте.

– Как он тебя называл?

– Деткой. Лапочкой... Да, Джонни всегда звал меня лапочкой...

Диксон обошел стол.

– Меня можешь звать Тедди... лапочка.

– Хорошо, милый Тедди. Садись, солнышко... Отдохни.

Он коснулся ее плечом, почувствовав под платьем ее упругую, чувственную плоть. Не удержавшись, провел по ней руками. Она широко улыбнулась, словно потакая его тайной слабости и в то же время понимая, как и он, что она – богиня.

Богиня села к нему на колени, положила руки ему на плечи и прижалась к нему. Кончик ее языка раздвинул ему губы, и голова у него пошла кругом. Она игриво лизнула его, скользнула глубже. О боже, что с ним делали ее мягкие, влажные губы! Как они заводили его... Почувствовав его интерес, богиня заизвивалась у него на коленях, теснее прильнула к нему. Они слились в страстном поцелуе. Потом Мэрилин лизнула его в ухо и, видя, как он реагирует, поняла, что поступила правильно.

Диксон ласкал ее все настойчивее; его руки шарили по серебристому платью. Вот они нащупали грудь – нежную, но крепкую грудь молодой женщины. Потом он скользнул ниже, нашел выпуклый холмик внизу живота, под тонкой материей... Теперь он уже не сомневался в том, что под платьем у нее ничего нет. Как он всегда и думал! Она снова прильнула к нему губами и снова впилась в него страстным поцелуем. На сей раз она действовала так напористо, что у него перехватило дыхание. Он оттолкнул ее и набрал воздуха в грудь.

Зазвонил телефон. Оба замерли и невольно отдернулись друг от друга.

– Не обращай внимания, – с трудом проговорил он.

Они снова начали целоваться, но телефон не умолкал.

Диксон снова отстранился и попробовал успокоить дыхание. Немного успокоившись, нажал кнопку.

– Да! – сухо сказал он.

– Первая леди спрашивает, где вы! – сказал Мейснер, сидевший в соседней комнате. – Она приказала сотрудникам Секретной службы разыскать вас.

– Передай ей, что у меня важный разговор. Международный. Скажи, что я скоро вернусь.

– Ладно. Только уж вы, пожалуйста, не задерживайтесь.

– Кто-нибудь в курсе, что я здесь?

– Только мы, те, кто сидит в этой комнате.

– Прикройте меня. И больше не беспокойте. Если только не... – Диксон оборвал разговор, не докончив фразы, но Мейснер прекрасно его понял.

– Совсем как Джонни. Он тоже всегда бегал от Джекки. – Мэрилин заговорщически улыбнулась. – Бобби всегда покрывал Джонни. Бобби всегда знал, где он. Правда, Бобби всегда знал и то, где нахожусь я. – Она усмехнулась и снова лизнула его в ухо.

Диксон схватил ее за плечи и с усилием оторвал от себя. Потом рывком опустил ее на колени. Она невольно поморщилась от боли; ее глаза наполнились слезами. Держа ее одной рукой, другой он расстегнул брюки.

– Давай! – приказал он. – Ты знаешь, что делать.

– Я не какая-нибудь дешевая шлюха! – возмутилась она.

– Делай то, ради чего тебя позвали! – закричал он и свободной рукой влепил ей пощечину. Она дернулась, но не упала, потому что он по-прежнему крепко держал ее за плечо. – Давай! – снова приказал он.

– Джонни никогда не делал мне больно!

– Я не Джонни.

– А я не какая-нибудь дешевка Моника Левински, – промурлыкала она. – Если хочешь меня, пусть все будет как положено. Пойдем туда, куда я всегда ходила с Джонни...

– Здесь? В Овальном кабинете?

– Нет, здесь мы никогда этим не занимались. У нас было особое место.

– У меня нет времени.

– Ты ведь царь горы, так что время ты найдешь. – Ее пальцы пробежали по его разгоряченной плоти. – Успокойся, милый. Кто посмеет приказывать президенту? Всего десять минут, солнышко... За это время ты получишь все, что хочешь. Я – самая лучшая. Так было всегда. Вот почему все хотели меня... сходили по мне с ума. Я самая лучшая, лапочка. И только для тебя.

Диксон нагнулся и нажал кнопку соседней комнаты:

– Пятнадцать минут! Пусть пятнадцать минут меня никто не беспокоит.

– Есть, мистер президент, – ответил Мейснер, но разговор уже оборвался. Мейснер тут же стер их разговор. Всегда полезно на всякий случай прикрыться. Он считал, что Диксон напрашивается на неприятности. Плохо, когда начальник становится неуправляемым.

– Расскажи-ка мне о Джонни, – велел Диксон.

– Не здесь, – прошептала она, прерывисто дыша.

– Я не могу никуда уйти.

– Оглянуться не успеешь, как мы вернемся... Надо выйти отсюда и пойти по Уэст-Экзекутив-авеню.

– Куда?

– Сейчас узнаешь.

– Надеюсь, не в старое Административное здание? – Он смутно вспомнил, что оно находится по другую сторону от Уэст-Экзекутив.

Она хрипло, зазывно хохотнула:

– Тебя ждет сюрприз!

– Я не могу выйти отсюда. Безопасность!

– Вот почему Джонни выходил через потайную дверь. Чтобы нас не поймали.

– Ты знаешь о потайном выходе? – удивился Диксон.

– Я знаю все, мистер президент! – Не вставая с колен, она подалась вперед и ткнулась в выпуклость под его трусами. Потом застегнула ему брюки, встала, протягивая руку, маня его за собой.

– Я не могу...

– Нет, можешь. Ты можешь все, что захочешь... Всего десять минут. И ты узнаешь, что нравилось Джонни.

– Ладно. Так ты в самом деле знаешь, что отсюда есть другой выход? – недоверчиво повторил Диксон. – Хотелось бы мне увидеть физиономии агентов Секретной службы, когда они обо всем пронюхают! – Он усмехнулся.

– Он ничего от меня не скрывал.

– Ладно. Только давай по-быстрому.

– Все будет так быстро... или так долго... как ты захочешь.

На миг он нахмурился.

– Но ты ведь не... Я хочу сказать, ты не настоящая Мэрилин... Откуда ты знаешь, как оно было на самом деле?

Она рассмеялась:

– Просто знаю, и все... глупыш! Вот почему ты получаешь самое лучшее. Я знаю все!

Коттедж «Роза»

Ист-Харлинг

Норфолк

Реальное время: до контрольной точки 13 часов 21 минута

На старом телефонном аппарате, которым я пользовался из ностальгических соображений, мигала лампочка. Я сразу понял, что мне звонил кто-то из соседей. Здешние жители по-прежнему предпочитают старомодные телефоны, хотя кабельных сетей уже не осталось – их производство свернули несколько десятилетий назад. И все же мои соседи по-прежнему хранят верность старым дисковым аппаратам. Они с виду как будто прочнее, надежнее современных видеофонов. *Глядя на них, и не поверишь, что уже более семидесяти лет распространена мобильная связь.* Жители сельской глубинки привязаны к надежным, прочным вещам. Фермеры – они такие. Старомодные люди со старомодными взглядами.

Я включил кнопку воспроизведения на автоответчике и услышал голос Джона Мэтьюза:

– Конор! Если будешь заказывать продукты в «Сейнсбери», возьми и мне кое-что... – Мэтьюз перечислил то, что ему хотелось бы получить, и добавил: – У меня кто-нибудь целый день дома и заказ примет. Кстати, если ты сам заскочишь, можешь заодно взять свой бекон.

Я еще раз прослушал сообщение и переписал его на свой компьютер. Мэтьюз – свиновод; он живет в двух милях от меня. Он последним из всех соседей познакомился со мной. Правда, как только он понял, что чужак-горожанин, то есть я, переселился в здешние места, потому что хочу вести такую же простую жизнь, как и он, мы с ним сразу подружились. Наша дружба крепла постепенно, в течение десяти лет; сейчас уже никто из здешних старожилов не считает меня чужаком. Мэтьюзу под восемьдесят; как и у многих жителей глубинки, у него в доме нет даже простенького компьютера, только комплект для связи с врачом, так называемый «медик-жилет». Почти все достижения технического прогресса Мэтьюз считает проклятием цивилизации.

Время от времени Мэтьюз навещает меня в гости. Мы с ним коротаем вечер за картами и глинтвейном. Кроме Мэтьюза, ко мне почти никто не ездит. В карты мы всегда играем на кухне. Кухня – единственное помещение в коттедже «Роза», где достижений прогресса почти нет – точнее, они не выставлены напоказ. Играем мы не спеша, часто задумываемся и молчим, но в такие минуты никакого чувства неловкости не возникает. А иногда мы говорим обо всяких пустяках – обо всем, что приходит в голову. Наши посиделки действуют на меня очень умиротворяюще. Поневоле забываешь о конкуренции, зависти, попытках обойти других.

Мэтьюз тоже дорожит нашей дружбой, но по другой причине. Двадцать лет назад его жена умерла от рака; тогда операции по замене ДНК с использованием клонов еще не получили широкого распространения. После смерти жены Мэтьюз замкнулся в собственном горе.

Однажды он признался:

– Больше всего мне недостает мелочей. Не чего-то важного, а каких-то обыденных... происшествий. Например, я вижу, как по перилам балкона скачет дятел, собираясь стащить орешек у синицы, или крохотные утята топают за мамашей по лужайке к речке. И вдруг я понимаю, что мне некому об этом рассказать, некому прошептать – тихо, чтобы не спугнуть птиц: «Иди-ка посмотри! Скорее, а то улетит...» Вот из-за чего я больше всего чувствую себя

одиноким. Из-за мелочей жизни, таких незначительных вещей, о которых почти никому и не расскажешь...

Постепенно мы все больше привыкали делиться друг с другом, и наша дружба крепла.

Мэтьюз редко расспрашивал меня о моем прошлом. Но мое одиночество чуял.

– Ты ведь никогда не любил, правда? – спросил он однажды.

Его неожиданно прямой вопрос меня удивил.

– Нет, почему же... Я любил родителей. Работу. То, чем я занимался.

– Нет, я имею в виду другого человека. Женщину, например.

– У меня были женщины... Я с ними встречался.

– Я не о том, – отмахнулся Мэтьюз. – Я толкую о любви... понимаешь, когда ревнуешь, и тебе больно, если представляешь ее с другим, и радуешься, когда ты с ней.

– Нет... еще нет.

– Одиночество – это нехорошо.

– Кому и знать, как не тебе, – машинально парировал я и сразу же пожалел о неосторожно вырвавшихся у меня словах. Но он, как оказалось, не обиделся.

– Да ладно, подумай! У меня, по крайней мере, все было – была любовь... почти всю жизнь. Если у тебя это было, ты уже не будешь по-настоящему одинок. Да, иногда становится жалко себя, но это-то пережить можно. А вот ты, в отличие от меня, воспринимаешь жизнь слишком серьезно, позволяешь невзгодам одержать над тобой верх.

– Жить вообще вредно, так что какая разница?

– Какой ты вспыльчивый! Не хотел бы я трудиться у тебя под началом...

– Да, я такой. Зато в моей области мне нет равных.

– Не думай, что я хочу тебя достать, но тебе нужно сдерживать гнев... или как это называется? Досаду?

Его следующий вопрос удивил меня еще больше, потому что я считал его человеком сдержанным.

– Конор, кто тебя обидел?

– Никто.

– Тогда что с тобой происходит?

– Хотелось бы знать, – вздохнул я. Видимо, чем-то он меня все-таки задел, потому что мне вдруг захотелось излить ему душу. – Иногда мне кажется, что я злюсь на весь мир потому, что у меня не было настоящей цели в жизни; я никогда не совершал ничего важного, значимого. У меня были замечательные родители, все, за что бы я ни брался, мне легко удавалось, причем без особых усилий. Удача сопутствовала мне во всем. У меня есть все, о чем многие могут только мечтать. Я не знал и особых огорчений – если не считать смерти родителей... Все так просто – и так скучно! Жизнь очень изменилась. Сейчас все живут в мире фантазий. Ничего настоящего больше нет. Бесконечные параллельные миры, виртуальная реальность – разве они не бегство от жизни? Странно сознавать, что именно я – один из создателей новых миров. Один из его сторожей. – Я досадливо выдохнул. – Понимаю, что все неправильно, но уйти не могу. Мне нужно что-то настоящее, Джон. Мне нужно совершить что-то по-настоящему важное.

Говоря, я смотрел в сторону, но все время чувствовал на себе его пытливый взгляд. Наконец, я нашел в себе силы взглянуть соседу прямо в глаза.

– Наверное, именно поэтому я и бежал в Норфолк, – признался я, помолчав. – Коттедж «Роза» – как глоток свежего воздуха. Поселившись здесь, я понял, что такое настоящая жизнь.

– Твоему дому не хватает женской руки. Обстановка у тебя спартанская, и как-то слишком чисто, как в больнице... Слишком просто, слишком пусто.

Тогда я страшно разозлился на Мэтьюза. Он улыбался покровительственно: будучи старше меня, он, несомненно, считал, что знает ответы на все вопросы, потому что живет на свете дольше. Более того, я злился и на себя – за то, что излил ему душу. Так я еще ни с кем

не откровенничал... Потом я понял, что его слова задели меня за живое, потому что он прав. Я откинул голову на спинку кресла и с улыбкой покачал головой. Нечасто кому-то удавалось пробить брешь в моих укреплениях!

– Конор, в твоей жизни не хватает руин, – продолжал Джон Мэтьюз. – Воспоминаний о том, как тебе было больно... и как ты что-то сделал не так. – Он обвел кухню рукой. – Домик у тебя красивый... но в нем как-то не чувствуется души.

«Розой» назывался двухэтажный домик, стоящий на вершине невысокого холма со скругленной вершиной. Из окон открывался вид на холмистые равнины – типичный норфолкский пейзаж. Я купил полуразрушенный домик с участком еще в 2019 году, сразу после того, как Соединенное Королевство стало полноправным членом Объединенной Европейской Федерации. Прошло еще десять лет, Великобритания упразднила монархию. После этого все члены Федерации стали регионами в рамках новой Объединенной Европейской Республики.

Тогда я еще жил в Лондоне, в так называемой Внутренней Застройке – громадном бетонном мегаполисе, который протянулся от Саутгемптона на юге через Бирмингем в Манчестер и Лидс на севере. Мне платили очень неплохо, и я мог себе позволить вести роскошную жизнь. Но после того, как наши политики, стремясь идти в ногу со временем, отказались от английского наследия и английской самобытности, я решил уехать из Застройки, где почти не осталось ничего исконно английского. Впрочем, я не сомневался в том, что неприятные перемены на этом и остановятся. Мне неуютно было сознавать, что всеми управляют бюрократы-чиновники. Мне надоела «политкорректность», постоянное урезание личных свобод, власть меньшинства, которое получило возможность контролировать жизнь большинства. Теперь государство, особенно в крупных городах, следит за всем и управляет всеми сторонами повседневной жизни. Бюрократия первой оценила преимущества достижений прогресса. Правами человека распоряжались немногочисленные группки. Так, новые власти вынудили всех пересестись на общественный транспорт, поэтому отдельным людям стало трудно путешествовать с удобствами и туда, куда им хочется. Все логично – ведь статичными, немобильными массами легче управлять. В современном мире люди общаются не непосредственно, а по электронной почте или видеосвязи. Почти все работают не выходя из дому, и потому люди редко встречаются лицом к лицу. Электронные же каналы общения, как показала практика, очень легко прослушать. Чем правительства и занимались...

Подобный режим все меньше и меньше устраивал меня – несмотря на то что именно я был одним из тех, кто продвигал в жизнь те самые новые технологии. И все же, несмотря на высокое вознаграждение, мне не хотелось быть довольным рабом.

Я продал дом в суперфешенебельном Ричмонде и переехал в глубинку. Потом взял напрокат машину – станции проката имеются на всех крупных железнодорожных узлах и автобусных станциях. Они стали необходимыми, как только цены на парковки в жилых районах вынудили большинство жителей Внутренней Застройки отказаться от личного автотранспорта. Только богачи и служащие мегакорпораций могут себе позволить разъезжать в городе на собственных машинах. В их число входят, кстати, и политики, и госслужащие, обложившие рядовых граждан непосильными налогами на все... В общем, Застройку я ненавидел, как внутреннюю, так и внешнюю. Вечный полумрак, грязь, разруха... Под ногами хлюпает – в Северном полушарии из-за глобального потепления нескончаемо моросит дождь...

Я выбрал «БМВ-ровер классик» – простую двухместную машину с двигателем 1,1 литра. Стандарт для агентства «Хёрц». Полного бака водородного топлива хватало более чем на восемьсот миль.

Итак, я взял машину напрокат и направился на восток Англии, в ту часть страны, которая меньше всего изменилась с двухтысячного года. Она начиналась восточнее Внешней Застройки, пригородного пояса, протянувшего свои хищные щупальца почти ко всем сельским районам. Многие жители Внутренней Застройки, устав от напряженной жизни мегапо-

лиса, заводили себе загородные дома, а потом перебирались в них насовсем, оставляя тесные квартиры и неприятных соседей. Правда, ничего хорошего из переселения не выходило, так как они забирали с собой ту самую безнадежность, от которой стремились избавиться.

Единственное отличие заключалось в том, что теперь рядом с домом был крошечный садик, а не просто цветочный ящик за окном. Незадачливые бывшие горожане уезжали все дальше от больших городов, но введенные государством ограничения и преступность шли за ними по пятам. Приходилось признать, что мечты о свободе так и остаются мечтами.

Несмотря на громкие вопли по всем телеканалам о наступлении золотого века, ничего подобного не было и в помине. Да, люди стали жить дольше, выглядели лучше, у всех были одинаково красивые и теплые дома. Вечно юные красавицы многое могли себе позволить и не отказывали себе в маленьких слабостях. Реальную жизнь они видели только по телевизору. Как уютно наблюдать за войнами, катастрофами и трагедиями, сидя в мягком кресле и зная, что тебе не грозит ни холод, ни голод! Начался настоящий расцвет реалити-шоу. Люди жадно наблюдали за происходящим перед широкоэкранными плазменными панелями – «окнами в Реал».

Да, таким стал мир. Эволюция. И никто не знает, как что-то изменить... Кстати, никто особо и не рвется что-то менять.

Джон Мэтьюз говорит: *беда в том, что люди перестали сознавать, что другие могут ошибаться – сознательно или бессознательно. Выросло «мыльное» поколение, которое и в жизни играет роли из своих любимых «мыльных опер». Вот бы актеры хоть на миг перестали кривляться и взглянули как следует на зрителей! Вряд ли они заметят хоть какую-то разницу между собой и ими.*

Я проехал через Внешнюю Застройку, мимо множества меняющихся рекламных щитов, замусоривших скоростные магистрали, мимо одинаковых девушек в одинаковых платьях из универсама «Теско», одинаковых плащиках из «Теско», мимо унылых улиц, за которыми днем и ночью следят камеры-шпионы. Я направлялся к чему-то совершенно иному.

Восточная Англия, получившая статус заповедника, стала для меня приятной неожиданностью. Я любовался видами и постройками, напоминавшими о Средневековье; позже я посвятил немало счастливых дней изучению истории края. Мне повезло: на моих счетах имелось достаточно евродолларокредитов, и такой образ жизни был мне по карману.

Даже погода здесь была лучше, потому что вечный дождь, настоящее бедствие Британских островов и Центральной Европы, как будто обходил восток Англии стороной. Большинство людей вечный дождь и сырость не раздражали – в конце концов, дождь сохраняет тепло; кроме того, во влажном климате все растет в изобилии. Не то что на юге Европы – в Греции, Испании, Италии и даже на юге Германии, – где из-за бесконечной жары и вечного солнца разрастаются пустыни.

Коттедж, который мне приглянулся, вначале был просто развалюхой. Снаружи он казался целым, но внутри все давным-давно прогнило. Зато домик с двумя спальнями и большой гостиной на первом этаже стоял на холме, откуда открывался греющий душу вид. Любуясь первым в своей жизни восточноанглийским закатом, гуашевой палитрой раскинувшимся по обширному норфолкскому небу, я решил, что непременно куплю «Розу».

Разумеется, дом пришлось полностью переделывать. Переселиться в него я смог только через пять месяцев. Я не сразу привык к здешней тишине, к ночным шорохам и другим звукам, к сильным грозам, которые быстро налетали и так же быстро заканчивались. Кроме того, я привыкал находиться один в глуши.

Первой моей покупкой стал новый «пежо-фиат», экономичный внедорожник. Водить я всегда любил, но раньше, во Внутренней Застройке, у меня не было возможности ездить на собственном автомобиле. В Застройке любовь к машинам приравнивается к антиобщественному поведению. Если нужно проехать на большое расстояние, садись в метро, на короткие

дистанции – будь любезен, пересаживайся на трамвай или микроавтобус, а на средние дистанции во Внутренней Застройке возят скоростные «Бегуны». Они передвигаются по Внутренней Застройке со скоростью свыше двухсот миль в час. Жители Внешней Застройки обходятся экономичными электромобилями с максимальной скоростью 25 миль в час и лимитом в девять миль – хватает, чтобы добраться от дома до работы и обратно да время от времени прокатиться по магазинам. Вот как правительство управляет людьми. Ограничьте передвижения, и ограничите дух. А необходимость защиты окружающей среды – всего лишь отговорка...

Новая машина стала моим первым шагом к свободе.

Перебравшись в Норфолк, я не бросил свою работу. Кроме того, я не пожалел времени на освоение новой профессии. Бизнес и прочие возможности, открытые для меня, в том числе работу в Центре правительственной связи³, я отмел сразу. Мне нравилось находиться по ту сторону и быть самому себе хозяином. В общем, я решил стать Мастером игры.

Я ни разу не был женат; семейная жизнь меня никогда не привлекала. Моей единственной любовью были компьютеры. Так как я был единственным ребенком в семье работающих родителей, моим лучшим другом и учителем стал компьютер «Эппл Макинтош», который родители держали в своем кабинете. В пять лет я играл на нем в игры, в восемь – писал программы, позволяющие мне самому создавать игры. Меня никто не учил. Я все схватывал на лету. В одиннадцать, к окончанию начальной школы, я без труда взламывал свой электронный дневник, финансовый сайт школы и все остальное, вызывавшее мой интерес.

В первый раз меня арестовали в пятнадцать. Министерству образования не понравилось, что я взломал их систему безопасности, чтобы подделать себе оценки. Кроме того, я получил доступ к доске нелюбимых учителей и многое про них узнал – в том числе и кто сколько получает. Все добытые мною сведения я разослал по электронной почте всем ученикам, родителям, руководству других школ и самим учителям.

– На то, чтобы тебя выследить, у нас ушло одиннадцать недель, – признался потом сержант из отдела по борьбе с технологическими преступлениями, с которым мы беседовали в кабинете директора. – Обычно на такое уходит три недели максимум, так что у тебя явно талант. Но ты не имеешь права нарушать закон, когда тебе хочется. Дай слово, что больше этого не повторится!

Я кивнул; боясь неминуемого наказания, я готов был согласиться на что угодно.

Сержант придвинул ко мне анкету и протянул ручку:

– Распишись. Ты полностью признаешься в содеянном. На первый раз, – эти слова он произнес особенно выразительно, – мы тебя к ответственности не привлечем. – Я быстро сделал все, что мне велели. – Имей в виду, еще раз попадешься – тебя арестуют и посадят в колонию для несовершеннолетних преступников – тебе ведь уже есть четырнадцать лет, значит, придется сидеть. Это необходимая мера, сынок, иначе дело кончится тем, что ты начнешь грабить на большой дороге или станешь смутьяном. А этого мы допустить никак не можем, верно?

– Верно, сэр.

– Ты ведь понимаешь, что поступил дурно?

– Да, сэр.

– Вот и хорошо. А теперь... не хочешь ли поработать на нас?

Так я получил первую работу. Устроился на полдня в отдел по борьбе с технологическими преступлениями, или, сокращенно, ОБТП. В самом начале пути браконьер превратился в егеря. Как говорится, был хакером, стал крэкером.

По складу ума я идеально подходил к новой работе. Я взламывал компьютеры хакеров, удивляя даже самых опытных специалистов. Днем, до тех пор пока мне не исполнилось семна-

---

³ Центр правительственной связи – спецслужба Великобритании, ответственная за ведение радиоэлектронной разведки и за обеспечение защиты информации органов правительства и армии.

дцать, я продолжал учиться в школе и закончил ее замечательно. По математике и информатике набрал высшие баллы. По остальным предметам я, правда, провалился, но взломал базу данных и подделал результаты. Чиновники из министерства образования настучали на меня, но мой начальник в ОБТП заявил, что я совершил мелкое правонарушение. В общем, дело прекратили «за недостаточностью улик». На словах меня распекли и сказали, что все равно возьмут меня на работу, так как я обладаю минимальными навыками, необходимыми их штатным сотрудникам.

У меня была возможность продолжить учебу в университете, но я от нее отказался. К двадцати годам я стал старшим программистом ОБТП в Скотленд-Ярде. Я разработал версию специального языка программирования, который объединил протоколы на различных системах и давал мне возможность выполнять команды в то время, когда графические и другие обрабатывающие программы все еще активны и выполняются. Когда несведущее начальство спрашивало у меня, в чем суть моей разработки, я объяснял популярно: рыбка оказывается на крючке еще до того, как заглатывает наживку.

Потом я заскучал. Из моих сетей почти никому не удавалось ускользнуть. Если можно так выразиться, егерь заскучал по прошлому, когда сам был браконьером. Стать миллионером я не стремился; деньги никогда не играли существенной роли в моей жизни. Они лишь позволяли не отказывать себе в необходимом. Мне предлагали работу в Кремниевой долине и Кембридже, но я отказался. Свободное время я коротал в киберкафе и общался с людьми, у которых были сходные со мной интересы. С женщинами я общался редко; по-настоящему меня привлекали лишь те, чей интеллект способен был посоперничать с моим. И физическую близость я считал не более чем способом общения, единением двух сходно мыслящих людей. Как правило, дальше мы уже не заходили. Оставались друзьями, а секс постепенно сходил на нет.

Меня не тянуло ни с кем проводить больше одной ночи. Да и мои партнерши смотрели на жизнь примерно так же. В современном мире принято создавать семью на четвертом, а то и на пятом десятке. Фразу «Займись со мной любовью» я переводил для себя как «Трахни меня». После секса я почему-то всегда злился, а еще мне бывало стыдно. Наверное, где-то есть женщина, с которой хочется провести больше одной ночи? Пока все отношения мне казались какими-то бессмысленными.

Я бороздил просторы Интернета, все расширяющейся Всемирной паутины. Не было места, куда бы я не мог проникнуть; от моих визитов не были застрахованы ни один файл и ни одна организация. Я не ставил себе цели кому-то отомстить и никогда не пользовался добытыми сведениями в личных целях. Процесс поиска и взлома доставлял мне куда больше радости, чем результат.

Утром того дня, когда мне исполнилось двадцать, я проснулся от головной боли. Изнутри меня раздирали гнев. Я понял, что пора двигаться дальше. Придя на работу, я взломал самые секретные файлы ОБТП – для знакомства с ними требовался особый допуск. Я нарочно «наследил». След вел через много стран, бросал тень на многих интернет-провайдеров, веб-сайты, а также на несколько крупнейших мегакорпораций. Тем самым я словно намекал своему начальству, что и ОБТП ни от чего не застрахован. При этом вычислить хакера не было никакой возможности. Информацию, которую я добыл, я разослал во все английские газеты. К обеду, понаблюдав за тем, как мои коллеги судорожно пытаются найти злоумышленника, я выключил свою машину, предварительно стерев все улики, способные навести на мой след, написал прошение об отставке и покинул Скотленд-Ярд.

Мое начальство, конечно, заподозрило, что именно я сделал их файлы достоянием гласности.

– Многих убивали за меньшее, – предупредил меня один из них по телефону неделю спустя.

– А может, наоборот – оставляли в покое, потому что они много знают? – парировал я.

Все понимали, что поймать меня никак не удастся; они же сами меня и вышколили. Приступы головной боли и ярости на время прошли.

Белый дом (Дубль)

12-й этаж

Комплекс «Овальный кабинет»

Второй мир

Реальное время: до контрольной точки 13 часов 6 минут

Еще до того, как первая леди лично спустилась на двенадцатый этаж, Дон Клэнси понял: что-то не так.

Мейснер недвусмысленно заявил:

– В Овальный кабинет не входить! Приказ самого президента.

В подтверждение своих слов он дал Клэнси прослушать запись телефонного разговора.

За прошедшие годы Секретная служба почти не изменилась. После покушения на жизнь Рональда Рейгана это федеральное агентство превратилось в элитное защитное подразделение. Каждый агент, натренированный «защищать, выводить из-под удара» и закрывать собой защищаемое лицо, обладал высокой квалификацией не в одной области. Кроме того, для всех агентов Секретной службы обязательной являлась превосходная физическая форма. И все же в отсутствие реального, современного опыта Секретная служба по-прежнему во многом жила своим прошлым. С тех пор как воздвигли Великую исламскую стену, на жизнь президента США не покушались ни разу. Сейчас Секретная служба превратилась в такой же символ его власти, как Первый отряд ВВС или Большая государственная печать, стоящая за его письменным столом в Овальном кабинете.

В Секретной службе был принят собственный дресскод – за основу приняли манеру одеваться агентов, изображаемых в кино. Все без исключения носили зеркальные темные очки, черные костюмы и черные же туфли, начищенные до блеска. В соответствии с требованиями современной моды пиджаки были длинными, до колен, как в старом культовом фильме «Матрица». Агенты были подключены к одной и той же системе связи и могли переговариваться нормальным голосом, а не шептать в рукав, как на заре третьего тысячелетия. Кроме того, разработчики ввели особую технологию: мини-микрофон на лацкане пиджака был запрограммирован только на голос своего обладателя и подавлял все фоновые шумы.

Агенты Секретной службы ходили с серьезными лицами, почти никогда не улыбались; в процессе подготовки их учили повсюду видеть врагов и специально развивали в них манию преследования. Считалось, что такие агенты постоянно находятся в состоянии повышенной боевой готовности. И именно привычка подозревать всех и каждого вынуждала Клэнси бояться собственных подчиненных.

Он ждал уже двадцать минут. Он привык к тайным побегам президента – как в настоящем Белом доме, так и в Дубле. Президента заводило чувство опасности; хотя во Втором мире он мог развлекаться анонимно и потому совершенно безбоязненно, время от времени он приглашал к себе девушек легкого поведения в настоящий Овальный кабинет. Все агенты Секретной службы, приставленные к президенту, были в курсе его амурных походов, но покрывали его. Так было заведено с самого основания Секретной службы.

Клэнси знал, что в Реале свидания президента редко продолжались дольше десяти минут; президент получал удовольствие урывками в разных темных уголках. Во Втором мире, где президент почти не боялся, что его узнают, любовные утехы иногда продолжались до получаса. Но ведь сейчас он знает, что первая леди спрашивала о нем! Двадцать минут значительно превышали допустимый предел. Она в любой миг может войти в эту дверь... Клэнси позвонил Мейснеру. Глава президентской администрации был непреклонен:

– Он сказал, что не хочет, чтобы ему мешали. Если вы считаете, что его безопасность под угрозой, действуйте по инструкции.

Клэнси нажал отбой. Он злился на себя за то, что позвонил главе администрации. Он ведь заранее знал, что Мейснер ни за что не примет решение самостоятельно, а переведет все стрелки на него. Поэтому он решил дать президенту еще пять минут.

Едва он сел на место, зазвонил телефон.

– Да.

– Никак не мог дозвониться. – Клэнси узнал голос Валленски, агента, приставленного к первой леди. – Я говорил с Мейснером...

Дверь открылась, и в приемную ожидания вошла сама первая леди. Валленски продолжал как ни в чем не бывало:

– Она спускается к вам. Сказала, что хочет...

Клэнси нажал отбой, не отвечая.

– Миссис Диксон...

– Дон, где его черти носят? – раздраженно спросила Энни Диксон.

Коттедж «Роза»

Ист-Харлинг

Норфолк

Реальное время: до контрольной точки 13 часов 5 минут

Замигал и включился экран. Из лондонского отделения корпорации «Тема» мне передали график на следующую неделю. Как я и надеялся, неделя будет спокойной, ведь парк будет закрыт на техобслуживание.

«Тема»... Я поступил туда на работу всего через три недели после того, как ушел из Скотленд-Ярда.

Крупнейшую мировую компанию в сфере виртуальной реальности основали всего за девять лет до моего прихода. Начало было положено в исследовательском центре Билла Гейтса при Кембриджском университете, который считался самым мощным центром информационных технологий в Европе. Корпорация «Тема» была основана группой ученых. Раньше основатели работали на правительство США, но им надоело бороться с бюрократической системой, тормозящей прогресс. Вот они и решили отделиться и начать собственное дело. Новая корпорация не скупилась на исследования и разработки. Фондовые биржи Уолл-стрит и лондонского Сити охотно выделили ей четыре миллиарда долларов. Основатели «Темы» понимали, что важно переманить к себе лучших специалистов, и, что называется, «скупали мозги». Оказалось, что они не прогадали. «Тема» намного обошла всех конкурентов после того, как первой объединила Всемирную паутину с виртуальной реальностью. Корпорация создала первый крупный парк развлечений в «Изумрудном городе»; по популярности он сразу обогнал самых именитых конкурентов, таких как «Юниверсал-Дисней» и «Экшн».

Через два года, когда мне исполнилось двадцать два, я и сам стал служащим «Темы». Меня называли «вундеркиндом» и «светлой головой». Я стал одним из ведущих разработчиков. Тогда я забросил ник Кондор, под которым начал бороздить Интернет, и стал выходить в Сеть под своим настоящим именем. Да, времена меняются. Сейчас никому уже не нужны псевдонимы для входа в Сеть. Ведь у всех имеются собственные аватары... Аватары произвели настоящую революцию. Куклы в виртуальной реальности, копии своих хозяев, действовали в режиме реального времени. Аватары путешествуют по Всемирной паутине, за миллисекунды перемещаются в киберпространстве, меняют внешность и род занятий... Так начался Второй мир. Отныне обычные люди, не покидая своих домов и мягких кресел, могут превратиться в суперменов.

Я тестировал первые сенсоры, снимающие сигналы с сетчатки глаза на основе мышечных сокращений. Технологии совершенствовались; улучшалась и координация движений аватаров в виртуальной реальности. Затем появились интерфейсы, передающие также тактильные ощущения. Сидя в кресле или лежа на диване, человек управлял своим аватаром во Втором мире.

Когда такие интерфейсы ввели в технологию современных компьютерных игр, когда появились графические процессоры с производительностью не менее семидесяти пяти миллионов полигонов в секунду, что отражало минимальные требования к трехмерному моделированию, персонажи в виртуальной реальности утратили угловатость, перестали напоминать неуклюжих кукол, какими их привыкли считать, и стали совершенно как живые. Производительность графических процессоров выросла настолько, что аватар невозможно стало отличить от живого человека.

В 1995 году появился «Альфа-мир»; он стал самым крупным и густонаселенным поселением виртуальной реальности. В «Альфа-мире» можно было начать жизнь заново – в виде аватара. Туда бежали из Реала. «Альфа-мир» развивался постепенно. Первыми поселенцами стали сетевые фрики и хакеры. «Альфа-мир» не отличался графической красотой. Он раскинулся на довольно невыразительном, схематичном пространстве размером примерно с Калифорнию, только без каких-либо природных достопримечательностей. Постепенно туда проникали новые поселенцы из Реала, в основном одиночки, которые круглые сутки пропадали во Всемирной паутине. Новые поселенцы построили себе в «Альфа-мире» дома, где можно было отдохнуть. Аватары первых поселенцев выглядели и двигались довольно неуклюже; с развитием технологий их движения стали более естественными, плавными. Некоторые возводили себе целые дворцы, разбивали вокруг них сады, сажали леса. Правда, из-за несовершенства тогдашних технологий эти сады и леса напоминали детские рисунки – в расплывчатом трехмерном варианте. Вскоре население «Альфа-мира» составляло уже несколько сот тысяч человек. Жители «Альфа-мира» активно общались друг с другом, создавали сообщества, делились интересными находками и мечтами. Тогда аватары еще не умели говорить, как сейчас, и слова появлялись рядом с аватаром в своеобразном пузыре – как в комиксах.

Примерно в то же время появилась и «Вторая жизнь». Трехмерный виртуальный мир с элементами социальной сети. Миллионы людей ринулись туда из Реала. Все они общались посредством своих компьютеров, с помощью сенсоров. Виртуальные миры стали еще популярнее после того, как возвели Великую исламскую стену. Люди получили возможность видаться и общаться, не пересекая границ. Многие видели в виртуальном общении путь к мирному будущему: мысли путешествуют свободно, способствуя росту всеобщей любви и толерантности... В новых виртуальных мирах строились церкви и мечети, но насилие не проникало из Реала в «Альфа-мир» и «Вторую жизнь».

Однако крупные корпорации в Реале начали нести убытки. Тут они и спохватились. Они вовремя заметили растущее значение виртуальной реальности. Мегакорпорации начали вкладывать в растущий альтернативный мир огромные деньги. Они прекрасно поняли, что виртуальное пространство можно нарезать на куски и сдавать в аренду по частям. Для них виртуальная реальность стала еще одним лакомым видом имущества.

Теперь все мегакорпорации состязались друг с другом в области компьютерных технологий. Вначале беспроводные компьютеры получили возможность обмениваться между собой информацией на скоростях, превосходящих шестьдесят гигабайт в секунду. Это означало, что ритм жизни во Втором мире постепенно приближался к ритму жизни в Реале.

Мне довелось испытывать третье поколение костюмов, предназначенных для погружения в виртуальную реальность. Тогда «Юниверсал-Дисней» и «Экшн» значительно опережали в этой области «Тему» и «Нинтендо-Сони». Костюм полностью изолировал человека от внешнего мира; внутри него находился видеоэкран, многоканальная акустическая система и электронные устройства, воздействующие на нервные окончания кожи. Человеческий организм

состоит из десяти триллионов клеток; один только мозг вмещает триллион. Костюмы ранних поколений вмещали всего миллиард сенсоров, поэтому двигаться в виртуальной реальности приходилось рывками, чтобы не сказать большего. Вначале их называли «цифровыми костюмами», но потом для потребителей придумали более броское название – «киберкожа». Всего через три года вместо неуклюжих, плотно облегающих резиновых костюмов с датчиками, прикрепленными к коже носителя, костюмы эволюционировали в простые свободные плащи, тонкие и легкие, как хлопок. Теперь в костюмах для путешествий по виртуальной реальности содержалось свыше пяти триллионов сенсоров, поэтому двигаться во Втором мире стало проще и удобнее. С их появлением рынок пережил стремительный скачок. Сначала компьютер освободился от проводов, затем появились чувствительные сенсоры, реагирующие на мельчайшие изменения положения тела и передающие также тактильные, температурные и вибрационные ощущения.

Уникальность человеческого мозга в том, что он окружен защитной оболочкой – костями черепа. Единственное место, где мозг доступен прямому воздействию, – большое затылочное отверстие в передненижнем отделе затылочной кости, которое соединяет полость черепа с позвоночным каналом. На нем и сосредоточили свое внимание разработчики новых технологий. Они создали особый микромодуль. Подключенный к затылку в том месте, где располагается большое затылочное отверстие, чип способен считывать мозговые импульсы и передавать их по беспроводной связи на любой компьютер в радиусе до пятидесяти футов. Таким образом пользователи получили возможность передавать свои мозговые импульсы непосредственно в Сеть.

После того как удалось найти замену громоздким и неуклюжим шлемам, созданным на заре виртуальной реальности, Второй мир открылся для всех и каждого.

Появилась возможность передвигаться во Втором мире в режиме реального времени. Аватары перемещались со скоростью мысли. Задержка во времени исчислялась наносекундами. Следующим прорывом стала технология Think Time. Стоило человеку лишь подумать о том, чтобы куда-нибудь попасть, и его аватар тут же переносился в нужное место и проникал всюду – лишь бы был доступ. С коммерческой точки зрения такая среда вполне устраивала мегакорпорации. Вскоре ввели плату за вход в парки развлечений, отели, на форумы и прочее.

Для многих граница между Реалом и Виртуалом стала размываться.

Мегакорпорации, стремящиеся поскорее «отбить» свои капиталовложения, бросились осваивать Второй мир.

«Альфа-мир» и «Вторая жизнь» очутились на обочине. Они разрастались беспорядочно; их огромными территориями оказалось трудно управлять.

Когда правительства стран Запада решили взять Второй мир под контроль, о двух ранее созданных виртуальных мирах как-то забыли. Объединившись, западные страны соорудили «Изумрудный город», который получил свое название по центральной магистрали – дороге, вымощенной желтым кирпичом. Дорога в киберпространстве уходила в бесконечность. Попасть во Второй мир захотели китайцы, индусы, а за ними – и жители мусульманских стран. «Изумрудный город» поделили на зоны; правительство каждой страны сдавало куски киберпространства в аренду – и мегакорпорациям, и мелким компаниям. Участок в «Изумрудном городе» стремились приобрести все, потому что все понимали: за виртуальной реальностью будущее.

Желающих перенестись во Второй мир становилось все больше; вполне логично, там появились места, которые всем хотелось бы посетить. Вскоре «Изумрудный город» наводнили рестораны, отели, парки развлечений, спортивные центры, офисы и так далее. Почти все, что существовало в Реале, находило свое зеркальное отражение во Втором мире.

Во Втором мире можно было не опасаться террористов. Аватары общались в виртуальном пространстве, а их хозяева физически не пересекали границ своих стран. Исламские фун-

даменталисты, захватившие власть во многих странах и поработившие свои народы, на деле никак не могли повредить другим странам в Реале. Многие из них были отрезаны от остального мира экономическими санкциями. Зато во Втором мире они могли торговать своими идеями и виртуальными товарами. В «Изумрудном городе» строились мечети, синагоги и церкви; часто они располагались по соседству с парками развлечений и отелями. Такая система устраивала всех и всем приносила прибыль.

Предприниматели молниеносно наживали миллионы и так же молниеносно разорялись; рост числа миллиардеров конца девяностых годов двадцатого века, когда виртуальная реальность только зарождалась, казался детской игрушкой по сравнению с новым взрывом. Фондовые биржи терпели крах и возникали снова. Экономика целых стран тонула, как корабль в десятибалльный шторм, вызванный новыми волнами технологических перемен.

К тому времени я стал независимым Разгонщиком. Модернизировал и усовершенствовал программы, позволявшие увеличить скорость графических манипуляций. Новая работа изменила мое отношение к относительно неспешному реальному миру – Реалу. Я стал своего рода летчиком-испытателем; тестировал новые проекты крупных компаний, которые стремились выпустить на рынок новое оборудование для путешествий по виртуальной реальности. Доходы мои росли. Пусть официально мне платили не так много, я получал дополнительную прибыль, взламывая сайты конкурирующих компаний. Здесь мне оченьгодились мои хакерские навыки. И все же деньги по-прежнему не представляли для меня интереса. Мне хотелось лишь одного: стать самым лучшим, уметь предугадывать будущее Второго мира и, подобно космическому кораблю «Энтерпрайз», добраться туда, куда до меня не попадал еще ни один человек.

К двадцати четырем годам я стал одним из немногих Разгонщиков, которые получили лицензию на вживление в затылок особого чипа – вместо громоздкого модуля, который приходилось снимать. Обычные пользователи не имеют права ставить такой имплант. С тех пор я могу входить в Виртуал в любое время и на любой скорости – лишь бы в радиусе ста пятидесяти футов от меня находился беспроводной компьютер типа нетбука. Кроме того, мне нужны темные очки со встроенными батареями и пульт, запускающий чип в действие. В очках легче переноситься во Второй мир, не отвлекаясь на Реал. Сам чип вживляется по особому разрешению; его как раз и создали для защиты компьютеров частных лиц и организаций от взлома. Тому, кого ловят с нелегальным имплантом, грозит тюремный срок в пять лет, не меньше.

Последний барьер пал в 2012 году, когда на рынок вышли квантовые компьютеры и наночипы. Квантовые компьютеры произвели настоящую революцию. Разработанные на основе теоретических выкладок Пола Бенёфа, Дэвида Дойча и Ричарда Фейнмана в последние годы двадцатого века, эти компьютеры реализовали фундаментально новые режимы обработки информации. В квантовом компьютере основная единица информации (называемая квантовым битом, или кубитом) не двоичная, а скорее четверичная по своей природе. Это свойство кубита появилось как прямое следствие принадлежности законам квантовой механики, которые радикально отличаются от законов классической физики. В результате квантовые компьютеры параллельно способны решать огромное количество задач. Вот что, в сочетании с последними достижениями нанотехнологии, где могли применяться обычные микрокомпьютеры, полностью изменило технологический мир. Скорость стала мгновенной. Контакт осуществлялся в мгновение ока. Прошло десять лет, и квантовые машины появились у каждого.

Больше всего новым возможностям обрадовались спецслужбы, потому что квантовые компьютеры позволяли им взламывать личные коды безопасности. В доквантовую эру безопасность основывалась на программе PGP, которую они так и не научились взламывать – ни перебором, ни используя уязвимости криптоалгоритма. В новую эру все переменилось, и спецслужбы получили беспрепятственный доступ к информационным файлам баз данных любого компьютера. Разумеется, подобные действия формально производились лишь с санкции суда

первой инстанции, но в действительности спецслужбы могли проникать (и проникали) куда хотели. Правда, взломать, например, мою систему безопасности у них бы вряд ли получилось.

Как бы быстро ни работали кремниевые чипы, их невозможно было разгонять и уменьшать до бесконечности. Специалисты создали биокомпьютеры размером с клетку – моделью им послужила ДНК человека, природный компьютер, от рождения заложенный в каждом из нас. Биокомпьютеры, размером не больше атома, без труда встраивались в любую молекулярную структуру. Каждая наноклетка выполняла простую единичную функцию; соединившись с другими наноклетками в цепь, подобно ДНК, они составляли сложные программы, позволявшие квантовым компьютерам раскрыться в полную силу.

Достижения нанотехнологии были впервые разработаны и применены в медицине, где наномашин (как называли цепи ДНК) вживляли в организм пациента. С кровотоком они поступали к цели, например закупоренной артерии или пораженной ткани, а затем лечили болезнь методом бесконтактной операции. Новые технологии дали надежду больным, которые прежде считались неизлечимыми. Удалось победить многие недуги – от диабета до психических заболеваний. Благодаря нанокompьютерам больные избавились и от необходимости ежедневно принимать лекарства.

Последними пали информационные технологии. Новые микроскопические молекулярные компьютеры не просто способны решать определенные задачи. При определенных условиях они могут воспроизводить себя. Нанокompьютеры воссоздают точные копии владельцев в виртуальных мирах вроде «Альфа-мира». Аватары перестали напоминать ходячие шары. Они превратились в яркие трехмерные образы, наделенные даром речи. Нынешние аватары ничем не отличаются от своих хозяев, которые управляют их действиями из Реала.

Благодаря новым достижениям виртуальная реальность, наконец, стала зеркальным отражением реального мира. И человечество сразу же столкнулось с множеством серьезных проблем. У большинства рядовых пользователей не хватало ни физических, ни умственных способностей, позволявших им справиться с внезапными скоростями и переменами ритма в виртуальной реальности. Появилась новая болезнь, паутинная лихорадка, которая разрушала человеческий мозг. Во многих случаях процесс был необратимым. Паутинная лихорадка распространялась с быстротой эпидемии и угрожала стать новым СПИДом.

Тогда в дело вмешалась ООН; с согласия всех стран, входящих в эту организацию, был создан свод законов, которых страны-участницы обязаны были придерживаться неукоснительно. Отныне аватарам запрещалось проходить сквозь стены. Они обязаны были попадать в те или иные места Второго мира только через входы, одобренные и проверенные разработчиками. Ограничили и скорость передвижения по Виртуалу, добавив перемещениям во Втором мире сходства с реальностью, а осязание, обоняние, зрение и слух максимально приблизили к ощущениям конкретного пользователя – владельца аватара.

В целях охраны здоровья пользователей, по закону и по медицинским показаниям, аватарам запрещалось находиться во Втором мире дольше шести часов подряд в сутки или двенадцати часов в течение трех суток. После этого требовался восстановительный период в Реале сроком не менее недели. Однако отдыхать можно было и во Втором мире, тем самым существенно увеличив срок своего там пребывания. Появились специальные отели для отдыхающих; кроме того, в «Изумрудном городе» росло и количество частных владений. Новые дома, окруженные кибердеревьями и садами, которые расцветали весной, а осенью желтели, часто стоили дороже, чем такие же дома в Реале, но благодаря тому, что в них можно было длительно отдыхать, пользователи могли перемещаться туда со своими друзьями и проводить в безопасной обстановке по несколько дней.

Было доказано, что средний, заурядный пользователь может находиться в Сети без вреда для здоровья не более тринадцати часов подряд. После этого начинались необратимые изменения психики, и несчастному угрожала паутинная лихорадка и часто безумие.

В ходе одного эксперимента мне пришлось провести во Втором мире более двадцати одного часа, причем я постоянно активно передвигался. После этого пришлось целых три недели восстанавливаться в Реале. Паутинная лихорадка разрушала мой мозг и тело; если бы не мозгоправы и их нанопилули, я бы, скорее всего, впал в кому. Выздоровев, я решил переехать из Застройки. Я устал и пресытился; мне надоело выполнять одни и те же действия. То, что прежде казалось увлекательным приключением, утратило прелесть новизны.

Корпорация «Тема» внимательно следила за всеми опытными специалистами. Мне предложили перейти в «Тему» на должность Ассистента игры. С точки зрения карьерного роста я сделал шаг назад, зато получал возможность со временем стать Мастером игры, а их во всем мире насчитывается не более сорока. Мастерам игры платят баснословное жалованье, их имена то и дело мелькают в разделах светской хроники. Они – герои глянца. У них регулярно берут интервью; ведущие ток-шоу из кожи вон лезут, стараясь выяснить, какие новинки в ближайшем будущем поразят «Изумрудный город». Многие Мастера игры напоминали мне меня; для них главным была сама игра, а статус знаменитости скорее мешал. Мастера игры стали настоящими первопроходцами Второго мира; они разведывали новые земли и раздвигали границы. Мегакорпорации «Тема», строившей громадные парки развлечений и во Втором мире, и в Реале, постоянно требовались новые идеи. Подхлестываемый нетерпением, я овладевал необходимыми навыками и открывал новые пути в киберпространстве. За два года я прошел путь от Ассистента до Мастера игры и, незадолго до своего тридцатилетнего юбилея, вдруг осознал, что достиг вершины.

Потом я переселился в тихий, мирный Норфолк. Теперь все мои силы сосредоточены на одном: оставаться во всеоружии. Я разрабатываю учебные программы и натаскиваю тех, кто стремится достичь игровой нирваны. Правда, такое случается редко. Один или два раза в год я тестирую новые игры; как правило, на их расшифровку у меня уходит совсем немного времени. Кроме того, я учу тех, кто приходит в парки «Темы» и выкладывает целые состояния за возможность испытать свои силы в разных играх. «Долина драконов» – одна из ста двадцати игр. Я отвечаю за все.

Однажды я побывал в Портофино. Путешествие стало моим последним приключением. Мне нужно было попасть туда лишь однажды; удовлетворившись тем, что я достиг цели, считавшейся недостижимой, я зажил простой жизнью на своих условиях.

Время от времени меня просят о помощи европейские и американские спецслужбы. Я сотрудничаю с ними в память о своей первой работе в полиции; кроме того, задания помогают мне не терять связи с миром хакеров. Молодые кибергении по-прежнему на передовой; благодаря им я не теряю формы, не отстаю от жизни. Не раз я вызволял кого-нибудь из них из беды, ограничившись лишь устным внушением. Почему? Как говорится, «на их месте мог бы оказаться и я»...

Откровенно говоря, вскоре я снова заскучал. Вернулись приступы головной боли и вспышки ярости. Жизнь утратила всякий смысл; я жил как во сне, который никак не кончался, причем своим сном я каким-то образом управлял. Подумать только – человеку тридцать девять лет, а он по-прежнему играет в компьютерные игры.

Я общался с людьми, с которыми в жизни не был знаком, видел лишь их аватары в киберпространстве, в какой-то цифровой декорации жизни и смерти, откуда все они могли бежать, если опасность становилась слишком велика. Нажми КатаПульс – устройство, которое все носят на запястье, как наручные часы, – и ты вне опасности. Просыпаешься дома, в уютном кресле. КатаПульс мигом избавлял от опасности; если бы в Реале все было так же просто!

Несмотря на все ужасы Внутренней Застройки, жизнь в Реале стала упорядоченной, рациональной и выхолащенной. Зато в «Изумрудном городе» можно воплощать в жизнь самые дерзкие мечты. За то все и любят Второй мир: он – не Реал.

Итак, я живу и тружусь ради Второго мира. Помогаю создавать и осваивать то, что не существует в действительности!

Мне показалось, что я готов сделать следующий шаг – или, как выразился Мэтьюз, перейти к «настоящим отношениям». Кстати, у меня появилась и знакомая... но Мэтьюз вряд ли одобрил бы ее.

В одном из многочисленных антикварных магазинчиков, наводнивших Восточную Англию, я нашел старый револьвер – черный русский наган образца 1914 года, весь изъеденный ржавчиной; его продавали только потому, что он находился в неисправном состоянии. Потом через Интернет я нашел оружейного мастера, который отреставрировал наган; у мастера нашлось даже шесть патронов, которые мне удалось у него выпросить. Разумеется, подобные сделки вне закона, но деньги по-прежнему управляли миром. Я и сам не знал, зачем покупаю револьвер, но меня привлекала его смертельная сексуальность, его нацеленность на уничтожение, роковая невозмутимость, от которой его может пробудить лишь владелец. Кроме того, мне казалось, что со старым наганом связано много плохого, что за ним тянется кровавый след. *Кто и для чего из него стрелял? В каких дьявольских кознях он замешан?*

Я сразу полюбил свое приобретение, потому что знал: наган – одна из немногих вещей, способных причинить мне настоящую боль. Бывало, я заряжал его и таскал с собой по дому. Во время еды клал его рядом с собой на стол, то и дело косился на него, гадал, какое у него было прошлое, даже немного завидуя тем, кто активно пользовался им. Потом я перебирался в кресло, наган помещал рядом, на журнальный столик, вокруг раскладывал веером пули и включал телевизор. Время от времени я косился на черный револьвер и вздрагивал, чувствуя его смертельное спокойствие, его силу, направленную на бессмысленное разрушение, полнейшее равнодушие к тем, кого он стирал с лица земли. Да, а потом я брал его с собой в постель и перед тем, как заснуть, клал в прикроватную тумбочку.

Утром того дня, когда мне исполнилось сорок, я открыл шкафчик и посмотрел на наган.

Без всякого заранее обдуманного намерения, как будто такое случалось каждый день, я вдруг разрядил наган, потом зарядил его одним патроном, крутанул барабан, защелкнул его, взвел курок, сунул ствол в рот и нажал на спусковой крючок. Послышался щелчок – и все. Я зарядил оставшиеся патроны и убрал наган на место, в тумбочку. Принял душ, побрился и спустился на кухню завтракать.

До меня дошло, что я сделал, лишь когда я доедал второй тост, густо намазанный маслом. Вдруг меня прошиб пот, и я ощутил мощную волну возбуждения, которая накрыла меня с головой. Неожиданно я расхохотался. Ух ты! Наконец-то в моей жизни что-то изменилось! Просто не верится! Я добился чего-то важного, настоящего – того, что можно почувствовать и потрогать. После того случая я перестал таскать револьвер с собой по дому. Заряженный наган все время лежит на полке в прикроватной тумбочке.

Каждый день рождения, просыпаясь, я теперь достаю старый наган, заряжаю его одним патроном, кручу барабан и вставляю дуло в рот. Вот уже девять раз я обманывал смерть – я считаю это своим величайшим достижением. А до следующего дня рождения еще три месяца... Жду не дождусь.

Белый дом (Дубль)

12-й этаж

Овальная кабинет Второй мир

Реальное время: до контрольной точки 13 часов 4 минуты

– Дон, – повторила Энни Диксон, – где президент?

Джексон, еще один агент Секретной службы, приставленный к первой леди, стоял у нее за спиной. Он выразительно посмотрел на Клэнси и пожал плечами. Впрочем, Клэнси и так

не сомневался: Джексон сделал все, что в его силах, чтобы удержать жену президента в Зале съездов.

– Он в Овальном кабинете, мэм, – ответил Клэнси. – У него важный телефонный разговор.

– Джо с ним?

– Нет, глава администрации сидит в соседнем кабинете.

– Почему?

– Не знаю. Так пожелал президент.

– Вы меня впустите?

– Сначала мне необходимо оповестить...

– Никого не оповещайте! – В ее голосе зазвенела сталь.

– Есть, мэм. – Клэнси отступил, освобождая проход, затем подошел к стеклянной защитной двери и приложил глаз к сканеру. После того как сканер узнал его, дверь открылась. – Будьте добры, миссис Диксон, следуйте за мной. Я пойду вперед и предупрежу президента о вашем приходе.

Она снова возразила:

– Предупреждать не нужно. Просто передайте, что я здесь. – Энни Диксон не была душой; она знала мужа лучше, чем кто-либо другой. – А я подожду вас здесь.

– Слушаю, мэм.

Клэнси прошел по коридору и деликатно постучал в дверь Овального кабинета. Ответа не последовало. Он постучал снова, погромче. Снова тишина. Обернувшись к первой леди, Клэнси заметил, что за ней в комнату входит Мейснер. Заметив Энни Диксон, глава администрации буквально остолбенел.

Клэнси снова постучал. Сбываются самые его страшные предчувствия!

– Мистер президент! – закричал он, прижавшись к двери. – Я агент Клэнси! Вы меня слышите? – Снова тишина. – Сэр, я вхожу! – Он повернул ручку и медленно открыл дверь.

В Овальном кабинете никого не было.

Коттедж «Роза»

Ист-Харлинг

Норфолк

Реальное время: до контрольной точки 13 часов 5 минут

Я включил телевизор – плазменную панель во всю стену. Вместо огромной репродукции картины Фаркарсона с шотландским зимним пейзажем и овцами на стене появилось экранное меню.

– «Сейнсбери», продовольственный отдел! – громко произнес я. После того как меня перенесли на сайт супермаркета, я продолжал: – Конор Смит, счет ХК222КХ, коттедж «Роза», Ист-Харлинг в окрестностях Нориджа. Доставка в течение четырех часов. Если это невозможно, прошу оповестить по мобильному телефону CS 412412.

Через полминуты на экране появилось изображение супермаркета. В «Сейнсбери» я был постоянным покупателем.

– Мы можем доставить вам покупки в течение часа, – произнес дружелюбный электронный женский голос. – У нас еще три заказа в вашем районе; мы отправимся в путь, как только вы сделаете заказ. Спасибо за то, что пользуетесь услугами «Сейнсбери». До свидания, мистер Смит!

– Мясо, – начал я.

На панели тут же появился мясной прилавок. Все было разложено точно так, как в настоящем, «живом» магазине. Иногда я приезжал туда на машине, правда, не очень часто. Я нажал на сенсорном экране стейк из филея.

- Вот этот кусок, пожалуйста... симпатичный цвет.
- Четыре доллара шестнадцать центов, мистер Смит.
- В корзину! – Я перешел к суффолкским свиным сосискам: – Две упаковки, пожалуйста.
- Два доллара двенадцать центов, мистер Смит.
- В корзину!

Через пять минут я сделал все заказы на неделю. В самом начале я, как и многие другие, переносился в виртуальную реальность; мой аватар делал покупки в суперсамах киберпространства. Но, как только такой способ утратил обаяние новизны, почти все покупатели стали запасаться товарами из дома, с помощью сенсорных экранов. После своего введения в 2015 году систему много раз усовершенствовали; теперь люди могли заказывать конкретные, понравившиеся им яблоки или куски мяса. Система работала четко; у всех супермаркетов и крупных магазинов имелись местные отделения, которые обеспечивали своевременную доставку. В последнее время вошло в моду ездить в магазины в Реале. Выбирать товары на экране стало слишком легко, и всем захотелось чего-то новенького, хотя супермаркеты установили повышенные цены для тех, кто входил в их двери. Я ездил в «Сейнсбери» не меньше раза в месяц; мне нравилось общаться с настоящими, живыми людьми. После такого общения вспоминаешь, что ты не одинок... Сегодня почти каждый работает не выходя из дому, и люди соскучились по возможности выйти на крыльцо и поболтать с соседями о том о сем. Поэтому короткая поездка за продуктами превращается в увлекательное приключение.

Я перешел к меню телепередач; несмотря на то что каналов было несколько сотен, никаких интересных программ я не увидел. Я по очереди включал окошки разных каналов, переключался с одного на другой. Через пять минут мне надоело. Пожалуй, я бы еще посмотрел фильм по заказу или насладился живым спектаклем, идущим в Вест-Энде или на Бродвее, но их в программе не было. Как не нашел я и реалити-шоу, в которых можно принять участие, не вставая с дивана, – такие шоу давно стали делом обыденным.

Наконец, мое внимание привлекли многочисленные религиозные программы, которые разместились на каналах с 340 по 371. Кого только там не было! Помимо традиционных религий – мусульманства, христианства, буддизма – то и дело можно было наткнуться на программу какой-нибудь идиотской секты.

Я выбрал третий канал. Судя по титрам, на нем вещала «Семнадцатая церковь благочестия и процветания баптиста Иммануила». В нижней части экрана появилась надпись: «ПОЗВОНИТЕ ПО ЭТОМУ БЕСПЛАТНОМУ ТЕЛЕФОНУ, СДЕЛАЙТЕ ПОЖЕРТВОВАНИЕ, И С ПОМОЩЬЮ ПРЕПОДОБНОГО ДЖЕРЕМИИ ПОСТА ВЫ СОТВОРИТЕ ЧУДО!»

«О сумме не беспокойтесь, – мурлыкал с экрана преподобный Пост. – Можно сотворить и малое чудо, какую бы малую сумму вы ни внесли. Но если хотите, чтобы Всемогущий постарался и сотворил великое чудо, оно будет стоить немного дороже. Внесите более крупное пожертвование, и вы получите чудо, которого вы поистине достойны».

Я тут же схватил клавиатуру и прошел по ссылке, ругательски ругая преподобного Поста. Я вновь, как в прежние времена, почувствовал себя Робин Гудом, который грабил богачей и помогал беднякам. Взломать их систему большого труда не составило. Вскоре деньги, которые должны были рекой литься на счета Церкви благочестия и процветания, направились на более благородное дело: они поступили на счет Оксфордского комитета помощи голодающим.

И тут у меня в кармане завибрировал сотовый телефон. Новая модель – он работает как в Реале, так и во Втором мире, а также способен осуществлять связь между двумя мирами. Естественно, новинка пользовалась бешеной популярностью. Еще бы – владельцы таких телефонов могли в виде аватаров развлекаться во Втором мире и при этом не терять связи с Реалом. Не

успел я достать телефон из кармана и откинуть крышку, как вибрация прекратилась. На экране замигали слова: «Непринятый вызов. Анонимный абонент». Я знал, как определить, кто мне звонит, и ввел особый код. На экране появилось сообщение: «Звонок не идентифицируется. Попытка установить абонента уголовно наказуема».

Значит, мне звонили из какого-нибудь правительственного ведомства – возможно, со мной пытались связаться сотрудники спецслужбы вроде ФБР. Я знаком с представителями разведсообществ разных стран. Есть среди них и такие, кто живет по ту сторону Великой исламской стены. Правда, агенты спецслужб, как правило, оставляют номер, по которому им можно перезвонить. Последний же абонент запретил себя идентифицировать. Я сунул телефон в карман. Если дело важное, он непременно мне перезвонит. А может, кто-нибудь просто пробует установить за мной слежку? Мне стало не по себе; я вернулся к преподобному Посту с карманами, полными чудес.

Белый дом (Дубль)

12-й этаж

Овальный кабинет

Реальное время: до контрольной точки 13 часов 7 минут

Клэнси не стал тратить время на осмотр примыкающих к кабинету помещений. Он знал, что все они – фальшивки и за дверями ничего нет. Кроме дверцы большого шкафа справа... Он повернулся к своим подчиненным и крикнул:

– Общая тревога! Обыскать Белый дом! Проверить Переходный отсек! Надо выяснить, вернулся ли он в Белый дом... Джексон, проверяй Дубль. – Краем глаза Клэнси заметил, как первая леди ошеломленно прижала руки ко рту: она поняла, что ее мужа нет там, где, как все считали, он находится.

Одновременно с тем, как Клэнси ворвался в Овальный кабинет, Мейснер открыл защитную дверь у него за спиной. Смертон уже оповещал остальных.

– Должно быть, он у себя, – испуганно сказал Мейснер.

Клэнси подбежал к двери шкафа справа и распахнул ее.

Как он и ожидал, за ней никого не оказалось.

– В Переходный отсек, скорее! – приказал Мейснер за спиной у Клэнси.

– Да, скорее! – отозвался Клэнси.

Он механически шагнул в шкаф, вытянув руки вперед. Ладони наткнулись на заднюю стенку.

– Что вы делаете?

– Он по-прежнему в Переходном отсеке! – крикнул Смертон, высовываясь из-за соседней двери.

– Идите сюда! – приказал Клэнси. Не слушая Мейснера, который что-то возмущенно говорил, он продолжал ощупывать ладонью заднюю стенку шкафа, что-то ища.

В Овальном кабинете ворвался Смертон.

– Скорее всего, в Дубле скопировали все системы безопасности из реального Белого дома! Ищите кнопку телепортации! – К Клэнси присоединился второй агент, и оба принялись ощупывать стену.

– Нашел! – Клэнси отошел назад. Узкая планка, шириной дюймов в шесть, отошла в сторону после того, как он нажал на едва заметную панель. Вскоре из панели выскочила цифровая клавиатура. – Я не знаю кода! Черт! Звоните и узнавайте!

– А это еще что такое? – изумленно спросил Мейснер, когда выбежал Смертон.

– Аварийный выход. Точно такой же, как и в реальном Белом доме. Бомбоупорный туннель проложен под Западным крылом и выходит на Уэст-Экзекутив-авеню.

– Почему я ничего о нем не знал?

– Понятия не имею. – Клэнси старался не выдавать раздражения. Сейчас не время обсуждать политику безопасности Белого дома. – Аварийный выход соорудили еще в конце пятидесятых годов прошлого века, когда Маккарти развязал «охоту на ведьм». С тех пор он тут и находится.

– Президент знал о нем?

– Конечно.

– А мне не говорил.

– Об аварийном выходе не положено знать никому, кроме самого президента и Секретной службы. Вот так.

– Зачем ему понадобилось выходить?

– Понятия не имею. Знаю одно: мимо меня он не проходил. – Клэнси недоверчиво покачал головой. – В Дубле Белого дома совершенно безопасно! Не знаю другого такого места на земле, так напичканного электроникой.

– Зато во Втором мире нет Уэст-Экзекутив-авеню, – ледяным тоном заявил Мейснер. – Куда же, черт побери, ведет аварийный выход *отсюда*?

Клэнси пожал плечами:

– Давайте сначала проверим, действует ли он.

В Овальный кабинет вернулся Смертон, и Клэнси тут же повернулся к нему:

– Ну что, узнал?

– Сегодняшний код Белого дома – 68735. Скорее всего, и здесь такой же.

– Если он вообще действует, – проворчал Мейснер.

Клэнси набрал на панели нужные цифры и нажал клавишу «Ввод». Тут же в сторону бесшумно отъехала большая часть стенки, и они увидели проход, в который мог протиснуться один человек.

– Пока все нормально. – Клэнси вынул из наплечной кобуры лазерный кольт. – Оставайтесь с первой леди, – велел он Мейснеру. Потом он осторожно заглянул в образовавшийся проем.

Смертон, тоже выхвативший оружие, шел за ним по пятам.

– Джо, что происходит? – спросила Энни Диксон, когда Мейснер к ней вышел.

– Тедди здесь нет. Мы думали, что он...

– Разговаривает по телефону?

Мейснер сделал вид, что не услышал ее вопроса.

– Он наверняка где-нибудь в надежном месте. И все с ним будет хорошо. Вы ведь знаете Тедди.

– Я знаю Тедди, – последовал многозначительный ответ. – И он наверняка в надежном месте. Кто с ним здесь был?

– Мне ни о ком не известно.

– Зачем он сюда спустился?

– Чтобы поговорить по телефону.

– С кем?

– Точно не знаю.

– Джо, не лгите мне. Вы ведь глава его администрации и должны знать, кто ему звонил... или с кем он был.

Мейснер покачал головой.

– Давайте сначала найдем его, хорошо? Не сомневаюсь, он сам сразу все нам объяснит. А до тех пор нет смысла себя накручивать. Приоритеты... как всегда говорит сам Тедди, прежде всего необходимо выстроить приоритеты.

Коридор аварийного выхода

12-й этаж

Овальный кабинет

Второй мир

Реальное время: до контрольной тонки 13 часов 8 минут

Коридор, по которому шли Клэнси и Смертон, совсем не походил на свой прототип в реальном Белом доме. Тот был с бетонными стенами, крашенными в белый цвет, ярко освещенный, с красными стрелками на стенах и подсветкой снизу. Там приходилось спускаться по длинной винтовой лестнице. Здесь же оказалось совсем темно – даже стен не видно. Коридор как будто никуда не вел. Только вдали виднелся тусклый, неясный свет.

– Плечом к плечу! – скомандовал Клэнси, как только их глаза привыкли к темноте. Почувствовав рядом плечо Смертона, он продолжал: – Идем к свету. Не торопясь! – Смертону не сразу удалось попасть в ногу с начальником. Оба агента держали наготове лазерные киберкольты. Темнота сменилась серым полумраком; коридор тускло освещался светом из-за открытой двери у них за спиной и лучом далеко впереди. Чем дальше они шли, тем лучше понимали, что очутились не в коридоре, а в каком-то огромном пространстве, где нет ни стен, ни потолка – и вообще ничего твердого, кроме разве что пола.

– По-моему, мы уже во Втором мире, – заметил Клэнси. – Если на тебя кто-нибудь или что-нибудь нападет, сразу катапультируйся!

Агенты шагали плечом к плечу; каждый внимательно осматривал свою половину коридора. Они готовы были защищать друг друга при малейших признаках опасности.

Оба понимали, что вошли в киберпространство; кроме того, они понимали, что опасность, которая им грозит, вполне реальна. Если они потерпят поражение здесь, обратной дороги уже не будет.

Добравшись до источника света, агенты увидели единственную лампочку, висящую над проемом размером с одинарную дверь. Клэнси прошел в проем первым. На той стороне ничего не оказалось. Просто пустое пространство, залитое сплошным белым светом. Там не было не только потолка и стен, но даже и пола. Клэнси осознал это, лишь когда полетел вниз. Его закрутило, как Джимми Стюарта в фильме Хичкока «Головокружение». Перед тем как нажать КатаПульта, он подумал: это провал. Он не спас своего президента! Ему не удалось найти человека, которого он поклялся защищать ценой собственной жизни.

Смертон наблюдал за тем, как падает его напарник; в последний раз посмотрев вниз, в пустоту, он развернулся и медленно зашагал назад, в Дубль Овального кабинета. Едва он повернулся кругом, свет вдруг выключился и пол исчез у него из-под ног. Смертон полетел вниз, во мрак. Он ничего не видел. Ругаясь, он кое-как нащупал на запястье КатаПульта и бежал из Второго мира. Больше всего он боялся, что упадет так глубоко, что его никто никогда не найдет.

Теперь им уже не отыскать следов, которые могли бы привести их к пропавшему президенту!

Реальный Белый дом

2-й этаж

Центр управления безопасностью — в Реале и Виртуале

Реальное время: до контрольной точки 13 часов

В тот миг, когда вернулся Смертон, Клэнси снимал с затылка микромодуль. Потом он снял темные очки, отстегнул наушник с мозговыми биосенсорами и направился к мониторам на другом конце зала. Всего их было пятнадцать; они охватывали самые отдаленные уголки

Дубля. Каждый монитор мог одновременно вести запись в сотне с лишним точек, позволяя сотрудникам Секретной службы просматривать все сектора.

Такое же количество экранов мерцало и в соседнем зале, отделенном от того, в котором находился Клэнси, застекленной перегородкой. На втором банке мониторов отображался Белый дом в Реале – и прилегающие к нему территории.

– Так и не нашли? – спросил Клэнси.

– Никаких следов, – ответил Пол Галлахер, начальник Центра управления безопасностью.

Раньше, лет четырнадцать назад, он служил в охране Белого дома. Правда, быть личным телохранителем президента ему не очень хотелось. Его истинной любовью были компьютеры и системы безопасности. Компьютер казался Галлахеру как будто продолжением его мозга; почти все время он проводил глядя на мониторы или путешествуя по виртуальной реальности в киберкостюме. Костюм нравился ему больше, чем более современный микромодуль. Вскоре, благодаря природным талантам, Галлахер получил повышение и стал начальником Центра управления безопасностью, что примерно соответствовало по званию старшему агенту Секретной службы. Галлахер, пепельный блондин со слегка выющимися волосами и бледным лицом, считался главным специалистом по мониторингу Белого дома.

– Записи уже просмотрел? – осведомился Клэнси.

– Да, начал с Зала съездов.

– Нашел что-нибудь?

– Слушай, мы только начали. Записи из Овального кабинета я еще не трогал; решил дожидаться тебя.

– Так давай посмотрим их вместе! Будь я проклят, все считают, что безопаснее Белого дома нет места на земле! И потом, у него ведь есть КатаПульт. До сих пор еще никто не взламывал код КатаПульта – ни одна душа!

– Что делать мне? – спросил Смертон, сняв очки.

– Захвати побольше агентов и возвращайся в Дубль. Обыщите там каждый закоулок! – Клэнси повернулся к Галлахеру: – Сколько людей мы можем одновременно переправить в Дубль?

– В наличии двадцать киберкостюмов... Пожалуй, вот и все.

– Ясно. Значит, бери двадцать агентов. А сам оставайся и руководи ими отсюда. – Клэнси снова переключился на Галлахера: – Давай пересмотрим все записи с той минуты, когда мы спустились в Овальный кабинет. А тем временем поручи своим ребятам заняться гостями, которые сейчас ждут в Зале съездов. Надо искать любые подозрительные признаки. – Клэнси выждал, пока Галлахер отдавал приказы подчиненным. – Отныне будем действовать по принципу необходимого знания⁴, – сообщил он Галлахеру.

– Если не считать твоей группы и присутствующих в этом зале, больше никто не знает о том, что президент пропал.

– Он не «пропал», а «возможно, пропал» – и давай пока ограничимся такой формулировкой! Проверь всех имеющих отношение к охране Белого дома. Прочеши личные дела каждого, в том числе и мое. Вдруг что-нибудь заметишь – пусть даже мелочи? Возможно, недавно происходил сбой напряжения или отказ техники, намеренный или случайный, в результате чего защита временно отключилась. Мог ли кто-нибудь выключить охранную сигнализацию на достаточно продолжительное время, чтобы похитить президента из того места, где он находился?

– Нет; мы бы обязательно это заметили.

---

⁴ *Принцип необходимого знания* – стратегия защиты информации, соответственно которой пользователь получает доступ только к данным, безусловно необходимым ему для выполнения конкретной функции.

- Сейчас, по-моему, ничего нельзя исключать.
- Мы никого не выпускаем из Дубля и Зала съездов. Представь, как нам сейчас туго приходится!
- Понимаю... А кому сейчас легко? Подержите гостей еще немного. Скажите, что у нас техническая проблема.
- Задерживать их дольше невозможно. За происшествие сразу ухватаются журналисты.
- Что же делать? Пока мы не можем их отпустить! У нас записаны имена или псевдонимы всех приглашенных в Зал съездов?
- Да, имена зафиксированы. Всего приглашенных более миллиона. Проверка не займет много времени, потому что гостей пропускали по пригласительным билетам.
- Ты имеешь в виду – во Втором мире?
- Ну да, я имею в виду аватаров. Кстати, еще миллионов тридцать наблюдали за происходящим по трансляции.
- Меня интересуют только те, кто присутствовал лично. Данные долго грузятся?
- Минут восемь-десять. Потом мы всех рассортируем. Расположим в алфавитном порядке, распределим в соответствии с их религиозными убеждениями, страной происхождения, гражданством, местом постоянного проживания, возрастом, политическими убеждениями. Проверим наличие или отсутствие уголовного прошлого, отделим иностранцев, дипломатов, иммигрантов, получивших гражданство США. Затем разделим гостей на социально-экономические группы: государственные служащие, члены оппозиционной партии, те, кто связывался с офисом президента по электронной почте, телефону или обычной почте, участвовал в прошлом в каких-либо студенческих демонстрациях... в общем, классификация очень подробная, в ней еще категорий сорок. В конце концов мы, возможно, и узнаем, кому из гостей понадобилось вредить президенту. А когда мы завершим первую проверку, мы снова запустим поисковую программу и проверим всех снова. Мы ничего не упустим. Техника на нашей стороне, и мы научились ее использовать.
- Но тот, кто заварил всю кашу, – должно быть, какой-нибудь хренов технический гений?
- Мы до него доберемся, – ответил Галлахер, правда не слишком уверенно. – Через несколько минут система выдаст список потенциальных подозреваемых.
- В него войдет пара тысяч людей, не меньше... а может, и больше.
- Мы только начали.
- Ладно. Если кто-нибудь спросит, отвечай, что президенту стало нехорошо и он пошел отдохнуть.

Куда он, пес его побери, подевался?!

Среди охранников Тедди Диксон особой любовью не пользовался. Он вечно бегал от них и охотился за каждой юбкой.

Впрочем, сейчас Клэнси не думал о личных качествах Тедди Диксона. Значение имел не он сам – временный хозяин Овального кабинета. Клэнси только что проворонил президента Соединенных Штатов. Он наблюдал за тем, как Галлахер и его подчиненные начинают обрабатывать первые данные, и его прошиб пот.

«Темные зоны»

«Изумрудный город»

Между 4M4642K125 и 4M8652K222

Второй мир

Реальное время: до контрольной точки 12 часов 51 минута

Он понятия не имел, где находится. Когда она вывела его в потайной проход, он ожидал увидеть лестницу или хотя бы коридор. Но за отъехавшей в сторону панелью ничего не было,

только серая тьма – и тусклый свет где-то вдали. Он замялся, но она обернулась и улыбнулась, приглашая его идти дальше.

– Осталась всего одна дверь, Тедди-лапочка. Вон туда, где свет!

Он последовал за ней, положив правую руку на КатаПульт. Он был готов бежать отсюда при первых признаках опасности.

– Почти пришли, дорогой!

Боже, она совсем как настоящая! Ему не терпелось трахнуть ее; хотелось узнать, что она вытворяет в постели – и в самом ли деле она так хороша, как все думают... Его даже передернуло от радостного предвкушения. Он часто проводил время в номерах для интимных утех – в «Изумрудном городе» такой номер можно забронировать анонимно. Все было так же хорошо, как в Реале, а иногда даже лучше – если принять таблетки «Прилив». Он улыбнулся. В цивилизованных странах Запады численность населения падает... Ничего удивительного! Кому сейчас нужен реальный секс?

Они добрались до света. За тусклой лампочкой он разглядел приоткрытую дверь, за которой, очевидно, находилось более светлое и просторное помещение. И тут она вдруг обернулась и прильнула к нему, обвила его руками, впиалась в него страстным поцелуем. В его голове мелькал настоящий калейдоскоп; он задыхался от желания и страсти – совсем как недавно в Овальном кабинете. Он немедленно откликнулся на ее призыв, обхватил ее руками, принялся ощупывать ее крепкий пышный зад сквозь облегающее тонкое платье.

Вдруг ему показалось, что она стала сильнее физически; не переставая целовать его, она резко развернула его в другую сторону. Потеряв равновесие, он полетел навзничь; она не отпускала его. Сплетаясь в объятии, они летели вниз и целовались... Вокруг вспыхнул ослепительно-белый свет, и он понял, что ему грозит беда.

Не размыкая объятий, он попробовал правой рукой дотянуться до КатаПульта. Ничего не получилось. Она так плотно прильнула к нему, что зажала его руки, и он был совершенно беспомощен. Но целовать его она не переставала. Он начал вырываться. Сейчас ему больше всего хотелось освободиться и поскорее нажать КатаПульт.

И вдруг она исчезла... белизна растворилась тоже, и он внезапно остался один в черной пустоте. Было так темно, что он не видел собственных рук; он понял, что руки на месте, только когда палец коснулся лица. Который час? Хотя циферблат на его часах был с подсветкой, он его не видел. Время утратило смысл. Он снова попробовал нащупать КатаПульт, но оказалось, что браслета на левом запястье уже нет... Он достал из кармана зажигалку, щелкнул ею. Поднял вторую руку, поднес ее к огоньку; пламя тут же обожгло кожу, и он поспешно отдернул руку. От изумления он выронил зажигалку. Выругался, но в пустоте не услышал собственного голоса. Он находился в полном вакууме – и в полной темноте.

Он куда-то побрел; по пути он не встречал никаких препятствий. Он двигался осторожно, ощупью, и считал шаги. Восемьсот шагов... Восемьсот ярдов. Полмили. И по-прежнему – ничего. Он сел.

Президент Соединенных Штатов понял, что никто ему не поможет, никто его не спасет. Он в «Темных зонах», которых официально даже не существует.

Реальный Белый дом

2-й этаж

Центр управления безопасностью — в Реале и Виртуале

Реальное время: до контрольной точки 12 часов 43 минуты

– Первая леди возвращается! – через весь зал крикнул Смертон.

Клэнси прошагал мимо мониторов, за которыми сидели сосредоточенные сотрудники ЦУБ, мимо рядов сенсокресел, приготовленных для тех, кому нужно было попасть во Второй мир, и очутился в небольшой отдельной секции за большим аппаратным залом.

В президентском Переходном отсеке стояли шесть сенсокресел; три из них были заняты. На каждом сидящем в кресле были специальные очки для виртуального пространства и простой киберкостюм, легкое одеяние с запахом типа кимоно, сделанное из особо обработанного хлопка со вшитыми биосенсорами. Такие костюмы были удобнее затылочных микромодулей, которые надевали агенты Секретной службы и опытные путешественники по Виртуалу.

Первая леди, тоже в кимоно, села в кресле, выпрямилась и изумленно огляделась по сторонам, как будто очнулась ото сна. Она, как и многие другие, овладевала искусством путешествий в виртуальной реальности медленно и с трудом. Все было связано с биоритмами. Пребывание во Втором мире трудностей не составляло; труднее всего было приспособиться к перемещению туда и обратно.

Клэнси ждал. Техник Белого дома помог Энни Диксон снять костюм. Справа от нее из Второго мира вернулся Джо Мейснер. Он был опытным путешественником и потому сразу встал на ноги. Клэнси был в курсе своеобразных пристрастий главы президентской администрации. Он часто проводил в «Изумрудном городе» ночи напролет и участвовал в многочисленных оргиях.

– Новости есть? – Первая леди посмотрела на Клэнси.

– Пока нет, мэм.

– Что удалось выяснить? – спросил Мейснер.

– Все произошло... – Клэнси глянул на часы, – за последние десять минут. Мы делаем все, что в наших силах.

Энни Диксон подошла к третьему сенсокреслу, в котором находилось тело ее мужа – неподвижное, почти безжизненное. Его можно было бы принять за труп, если бы не мышечные подергивания и ровное дыхание. Будить мужа Энни не стала; ей объяснили, что прикосновения могут иметь необратимые последствия для человека, который пребывает в Виртуале. Первая леди взмахнула рукой в воздухе рядом со щекой мужа.

– По-моему, лучше будет, если здесь останется только технический персонал, – продолжал Клэнси. – Мадам, мне нужно вернуться в Центр управления. Если вам угодно, вас проведут в ваши личные апартаменты, а мы пока разберемся в том, что здесь происходит.

– Нет, я, пожалуй, еще побуду здесь... если вы не против. – Энни бросила последний взгляд на мужа, глубоко вздохнула и следом за Клэнси вышла в Центр управления.

– Вице-президент уже в курсе? – спросил Мейснер у Клэнси.

– Нет. Вначале надо самим понять, что случилось.

Меньше всего Клэнси было нужно, чтобы об исчезновении президента поползли слухи.

– Запись нашли! – крикнул Галлахер.

Клэнси понимал, что запись, сделанная камерой видеонаблюдения, скорее всего, придется не по душе первой леди. Он обернулся и посмотрел ей в лицо. Мельком заметил, как озабочен Мейснер. К черту Мейснера! Он тоже участвовал в подготовке «сюрприза»... Чем он лучше Тедди Диксона? Клэнси стремился защитить вовсе не Мейснера, а Энни Диксон. Но запись просмотреть необходимо; возможно, они найдут в ней ответ на свои вопросы.

– Камера... записывала все после того, как президент покинул Зал съездов... – Клэнси помолчал. – Нам необходимо просмотреть все записи.

– Ну и что? – Энни Диксон подняла на него непонимающий взгляд.

– Их содержание может вас огорчить, мэм.

– Почему? – Энни оглядела всех присутствующих.

Все смущенно замолчали и потупились. На миг она почувствовала себя полной дурой, как будто она стоит перед ними голая и беззащитная. Но она выдержала. Агенты Секретной

службы прекрасно знают, каков Тедди Диксон на самом деле; возможно, они тоже его покрывают, тоже участвуют в заговоре.

– Не знаю, захочется ли вам смотреть... некоторые эпизоды. – В последний раз Клэнси попытался ее отговорить.

– Дон, я уже большая девочка. Включайте запись!

– Есть, мэм! – Клэнси подал знак Галлахеру, чтобы тот включил воспроизведение.

Всеобщее внимание было приковано к левому из трех центральных мониторов.

– Сосредоточьтесь на том, чем вы сейчас занимаетесь. Не обращайтесь на то, что вас непосредственно не касается, – инструктировал тем временем Галлахер своих подчиненных, которые продолжали проверять гостей. Он подождал, пока те повернутся к своим мониторам и начнут снова просматривать события праздничного вечера, выискивая крохотные зацепки, которые могут привести их на след президента. Меньше всего ему сейчас хотелось, чтобы поползли слухи о том, что совсем недавно происходило в Овальном кабинете.

На мониторе показался коридор перед Дублем Овального кабинета. Вот приехал лифт; из кабины вышла Мэрилин Монро. После того как устройство просканировало ее радужную оболочку, стеклянная дверь открылась, и Монро вошла в Овальный кабинет. Затем на втором из трех мониторов ожила камера в самом кабинете. Покачивая бедрами, Мэрилин подошла своей знаменитой походкой к столу, огляделась по сторонам и села в президентское кресло. Она чуть отъехала от стола и стала любоваться видом из окна. Внезапно она рассмеялась, очевидно наслаждаясь зрелищем и предвкушая то, что будет дальше.

– Она знает, что ее снимают, – заметил Галлахер.

– Кто ее пригласил? – спросил Клэнси, заранее зная, что приглашение шло через Мейснера. Глава президентской администрации почему-то молчал. – И кто ввел ее данные в сканер? – Он оглянулся на Галлахера. – Кто подтвердил, что все в порядке?

Галлахер негромко ответил:

– Нам приказали пропустить ее.

– Вы следили за ней отсюда?

– Только до того, как она вошла. Я бы не позволил никому наблюдать, что будет дальше.

Мы здесь для охраны, а не для шпионажа.

– Так кто ее пропустил?

– Мой аппарат, – признался Мейснер.

– Почему?

– Нас... – Мейснер упорно отводил взгляд от Энни Диксон, – нас попросили.

Ожил еще один монитор; все увидели, как приехал еще один лифт. Из коридора в комплекс вошел президент со свитой. После короткого разговора спутники Диксона остались в соседней комнате. В Овальный кабинет президент вошел в одиночку.

Клэнси увидел самого себя. Он устраивался поудобнее, собираясь ждать снаружи.

Второй экран почернел.

– Трансляция автоматически прекращается, когда президент находится в личных апартаментах, – объяснил Галлахер. – Так положено по инструкции.

– Но запись-то ведется? – спросил Клэнси.

– Да, запись по-прежнему ведется и передается на центральный сервер. Через установленное время она уничтожается.

– Нам нужно посмотреть эту запись.

– Доступ к таким записям может быть получен только с согласия президента или по ордеру Верховного суда. По-моему, так заведено еще со времен Никсона.

– Вы знаете, где достать саму запись? – спросил Мейснер.

– Да, сэр.

– Я согласен с Доном. Мы должны посмотреть ее.

– Я не имею права ее вам показывать.

– Пол, ради всего святого! – в досаде воскликнул Клэнси. – Сейчас ситуация из ряда вон... Пока мы здесь прохлаждаемся и спорим, пока будем ждать ордера Верховного суда – а он, как тебе известно, иногда заседает и несколько часов, а то и несколько дней, – президент, возможно, находится в опасности! Тебе хотя бы известно, что на той записи?

– Конечно нет. И все-таки я никак не могу ее показать.

– Пол, у нас меньше двадцати часов! Его необходимо найти и извлечь оттуда, куда его за... куда он попал. Если он пробудет там больше времени, у него мозги расплавятся... – Клэнси повернулся к первой леди: – Извините, миссис Диксон.

– Ничего, Дон. Вы правы, – кивнула она. – Нам нужно просмотреть запись.

– Пол, теперь все зависит от тебя. Ты попадешь в историю, но только как? Хочешь стать тем, кто все делал по инструкции, или героем, который спас президента?

– Ладно, – согласился в конце концов Галлахер. – Но мне нужна санкция... от него. – Он жестом показал на Мейснера.

– Считайте, что вы ее уже получили! – отмахнулся Мейснер.

– Давай загружай сейчас же! – торопил Клэнси.

– Можно загрузиться и отсюда. – Галлахер подозвал к себе одного из своих подчиненных; оба ввели в компьютер личные коды. На глазах у сотрудника аппаратной Галлахер загрузил запись, которую всем так не терпелось посмотреть. Как только доступ к нужному файлу был открыт, запись тут же открыли.

Снова ожил левый монитор. В Овальный кабинет вошел президент Диксон – и невольно замер на пороге. Мэрилин сидела в его кресле. Когда она развернулась к нему лицом, все зрители заметили, как президент возбужден.

– Мэрилин, милая! – услышали все. Президент подошел к столу. – Можно называть тебя просто Мэрилин? – Он улыбался самой своей подкупающей улыбкой.

При звуках знакомого голоса Энни Диксон отвернулась. Теперь он смешивался с голосом белокурой сирены и разносился по всему залу. И не важно, что все происходило лишь в его воображении, что его собеседница не была настоящей Мэрилин Монро. И не важно, что он – президент самого сильного государства на свете, который сейчас на глазах у всех валяет дурака. Хуже всего то, что он желает другую женщину. Рядом с куклой он демонстрирует такое мощное желание, какое никогда не испытывал по отношению к собственной жене. Она пожалела, что не послушалась Клэнси и не ушла к себе. Теперь приходится краснеть от стыда, слушая его излияния...

– Кто нанял Монро? – спросил Клэнси.

– Я, – ответила Энни Диксон, не поворачиваясь к нему.

– Да, Джонни всегда звал меня лапочкой, – с придыханием произнес соблазнительный голос.

– Его кумир – Джек Кеннеди, он считает его самым великим из всех. Вот я и договорилась, чтобы... она... – слова давались Энни с трудом, – спела ему на день рождения.

– Где вы ее наняли? – Клэнси подошел к первой леди и понизил голос. Всем ни к чему видеть ее смущение.

– Мне помогла Эбби. – Энни Диксон имела в виду Эбби Патрик, свою лучшую подругу, которая заодно как бы играла роль главы администрации первой леди. – Она нашла компанию, которая сдает напрокат аватары знаменитостей, но вначале убедилась в том, что Белый дом прежде уже пользовался услугами этой компании. Кроме того, по ее приказу Униформированное подразделение⁵ проверило все входы и выходы... – Как всем было известно, Униформи-

---

⁵ Униформированное подразделение – подразделение полиции Секретной службы США.

рованное подразделение Секретной службы обеспечивало внутреннюю безопасность в Белом доме, а также охраняло выходы из здания и прилегающую территорию.

– Позвоните на половину миссис Диксон, – приказал Клэнси одному из сотрудников аппаратной. – Пусть разыщут миссис Патрик и выяснят у нее все, что можно. – Подумав, он добавил: – Не объясняйте ей, что случилось. Просто расспросите как можно подробнее.

– Первая леди спрашивает, где вы! – послышался с экрана голос Мейснера.

Энни Диксон снова подняла голову и увидела своего мужа, который разговаривал по телефону. На коленях у него сидела полураздетая Мэрилин.

– Она приказала сотрудникам Секретной службы разыскать вас.

Энни Диксон покосилась на Мейснера; к счастью, тот смотрел в другую сторону. Первая леди огляделась по сторонам. Ей показалось, что о ней все забыли. Всех захватил образ их президента и одной из величайших богинь киноэкрана всех времен и народов. Она вовремя повернула голову назад и увидела, как президент рывком опускает Монро на колени.

– Составьте список всех компаний, которые используют аватар Монро, – распорядился Клэнси, глядя на Галлахера.

– Хорошо. – Галлахер тут же передал приказ одному из своих подчиненных.

Сам Клэнси не мог оторваться от экрана; зрелище завораживало его и одновременно смущало. Он прекрасно понимал, какие чувства сейчас испытывает первая леди, и нарочно избегал ее взгляда.

– И ты узнаешь, что нравилось Джонни, – мурлыкала Монро.

– Ладно. Так ты в самом деле знаешь, что отсюда есть другой выход? Хотелось бы мне увидеть физиономии агентов Секретной службы, когда они обо всем пронюхают!

– Он ничего от меня не скрывал.

– Ладно. Только давай по-быстрому.

Они подошли к шкафу, и Тедди Диксон нащупал пульт управления.

– Я не знаю кода, – услышали они его голос.

Все увидели, как Мэрилин наклонилась вперед и набрала какую-то комбинацию. Стенка шкафа отъехала в сторону.

– Откуда ты?.. – ошеломленно спросил президент.

Красавица улыбнулась и прижала палец к его губам, а потом поцеловала его.

– Джонни ждет! – добавила она чуть слышно.

Диксон прошел в проход. Монро в последний раз оглянулась, послала камере воздушный поцелуй, вошла в шкаф и закрыла за собой дверцу.

Больше никаких событий в Овальном кабинете не наблюдалось – до тех пор, пока через несколько минут туда не ворвался Клэнси.

– Прокручивайте запись снова и снова; возвращайтесь ко всему, что покажется вам важным. Вдруг что-то, хотя бы мелочь, не впишется в общую картину! – Клэнси не обращался ни к кому конкретно; голова отказывалась верить тому, что он только что видел.

– Он скоро вернется. Может, он сейчас просто... забылся, увлекся, – прошептал Мейснер ему на ухо, стараясь, чтобы его не услышала первая леди.

Клэнси метнул на главу администрации испепеляющий взгляд:

– Вряд ли!

– Почему бы и нет?

– Это вы сообщили ей код от аварийного выхода?

– Как я мог? Я даже не знал, что оттуда есть второй выход!

– Вам известен код доступа в Овальный кабинет в Реале?

– Нет. Его знает только сам президент и вы, ребята.

– Тогда откуда она его узнала?

– Может, он... Не знаю. По-моему, вы преувеличиваете. Вряд ли ему грозит серьезная опасность.

– Я не утверждаю, что кто-то взломал наши компьютеры, – перебил их Галлахер, – но у кого-то оказались все наши коды доступа. И если президент не вернется в самом ближайшем будущем, это означает только одно: злоумышленнику удалось каким-то образом взломать и код на КатаПульте! Следовательно, ни мы и ни кто другой больше не можем безбоязненно переноситься во Второй мир и быть уверенными в том, что мы оттуда выберемся. Под угрозой вся система безопасности во Втором мире!

– На время забудь обо всем. Ты уверен, что в системе не оставили лазейки?

Клэнси имел в виду брешь в системе защиты, которую часто оставляют программисты во время разработки системы с целью ее отладки.

– Если и есть, нам о ней ничего не известно.

Коттедж «Роза»

2M197K125RC, «Изумрудный город»

Второй мир

Реальное время: до контрольной точки 12 часов 33 минуты

Врач, как всегда, разговаривал со мной покровительственно. Он сидел за столом лицом ко мне; компьютерный монитор разделял нас, словно граница. Кабинет доктора был обставлен скупо: только стол да синий шкафчик для документов. Необходимости в шкафчиках, собственно говоря, не было, но так кабинет врача казался более традиционным, старомодным. Видимо, кто-то решил, что пациентам так больше нравится.

– Вы проводите в Сети слишком много времени, – укоризненно заметил врач.

– Ну да, я регулярно там бываю. Такая у меня работа! – огрызнулся я. Не понимаю, почему я должен оправдываться, как будто я – наркоман, который обещает «соскочить», но никак не может расстаться со своим пагубным пристрастием.

– Вам нужны реальные физические упражнения. Вы должны гулять, нагружать мышцы. Я имею в виду свежий воздух и старомодную зарядку. Вам нужно быть в форме.

– Хорошо. А пока... что со мной?

– Ничего особенного. Мышцы дряблые... Вот почему вы их так напрягаете. – Врач взгляделся в монитор. – Судя по анализу ДНК, вам грозят заболевания сердечно-сосудистой системы.

– Знаю.

– Все остальное в норме. При таком образе жизни и при таком состоянии ДНК вы вряд ли доживете до восьмидесяти лет, а ведь восемьдесят в наши дни – еще не старость! И давление у вас высоковато. Те таблетки по-прежнему принимаете?

– Да, – искренне ответил я.

Пальцы врача забегали по клавиатуре.

– Вижу, лекарство вам доставляют на дом из супермаркета. Съездите за ним сами, не ждите, пока вам все привезут!

– Я и езжу... иногда.

– Как у вас дела со вспышками гнева?

– В порядке.

– А поточнее?

– У меня все в норме. – Терпеть не могу «медик-жилет»; программа фиксирует все отклонения от нормы – и в прошлом, и в настоящем.

– Могу выписать вам лекарство...

– Оно мне не нужно.

– Вот почему у вас такое высокое давление.

– Запишусь в тренажерный зал.

– Ну да, конечно... во Втором мире. Там вас подключают к программе и пропускают через вас электроимпульсы; в результате ваше тело в Реале дергается. Тоже мне, упражнения! – фыркнул врач. – Только напрасно потеряете время и деньги. Всем вам кажется, будто во Втором мире можно воплотить все мечты. А на самом деле никакие новые технологии не гарантируют результата! – Он снова посмотрел на свои записи. – Вы живете в Норфолке? Прекрасное место! Я имею в виду – для прогулок. Для того, чтобы обрести хорошую форму.

– Доктор, я вас понял.

– Так приступайте! Живите дольше, мистер Смит. Благодаря достижениям современной медицины человек может доживать до ста тридцати лет. Вам еще нет пятидесяти, а вы выглядите вдвое старше. Сделайте себе пластическую операцию! Избавьтесь от морщин на лице, пересадите волосы на голову. Черт побери, ведь вам это по карману!

– Я нравлюсь себе таким, какой я есть.

– Значит, вы нравитесь только себе, а не другим. Вот почему вы так и не женились.

– Послушайте, а оскорблять меня обязательно?

– Если оскорбления вас подхлестывают, – да. Повторяю, анализ вашей ДНК не самый лучший... Кто за вас пойдет – при таком количестве недугов? Кстати, и за будущее ваших детей тоже никто не поручится. Велик риск того, что дети у вас родятся с пороком сердца.

– Не хочу быть образцовым самцом.

Доктор рассмеялся:

– Уж кем-кем, а образцовым самцом вас никак нельзя назвать. Но вы на приеме вечно жалуетесь на боли, хотя ничего страшного у вас нет. Мой вам совет: выйдите на воздух и разомнитесь как следует. И не тратьте понапрасну ни свое, ни мое время. Верните себе форму, мистер Смит! И приходите ко мне на прием только после того, как у вас появятся серьезные жалобы.

– И это все?

– Это много. Хотите последний совет, мистер Смит?

Да уж... жду не дождусь.

– Заведите собаку. Таковую, которую нужно долго выгуливать. Собака обойдется вам гораздо дешевле, чем мои консультации. Кроме того, собака не станет на вас кричать. – Доктор вздохнул и исчез.

Я расстегнул липучку на «медик-жилете». Терпеть его не могу! Дурацкая программа выдает все данные о моем организме незнакомому врачу, который сидит где-то в своем кабинете в Застройке, в ста милях от меня.

Я выключил монитор, выругался вслух и перенесся в Реал.

Реальный Белый дом

2-й этаж

Центр управления безопасностью — в Реале и Виртуале

Реальное время: до контрольной точки 12 часов 31 минута

– Я выяснил, кому принадлежат авторские права на аватар Монро! – объявил один из подчиненных Галлахера.

– Говори!

– Сдавать напрокат ее аватары имеют право двадцать шесть тысяч агентств во всем мире. Четырнадцать тысяч из них находятся в США; еще восемь приходятся на долю Европы и Японии. Остальные разместились в развивающихся странах. Сейчас мы проверяем, кто из них сдавал ее в аренду в интересующие нас сроки.

– Кому принадлежат основные права?

– Корпорации «Тема». Лет восемь назад проводился большой аукцион, на котором продавались права на использование аватаров всех знаменитостей. Львиную долю скупила «Тема».

Клэнси кивнул. Какой-то умник из аукционного дома догадался собрать воедино все аватары, подпадающие под закон о защите авторских прав, и распродал самые знаменитые имена в истории индустрии развлечений. Монро, Джеймс Дин, Марлон Брандо, Мохаммед Али, Синатра, «Битлз», Стрейзанд, Коннери, Богарт – в общем, все значимые имена в мире спорта и шоу-бизнеса. Клонировали даже шотландскую овчарку Лесси и говорящего мула Фрэнсиса из фильмов пятидесятих годов двадцатого века. «Тема» сделала чрезвычайно удачный ход. Купив права, корпорация клонировала всех знаменитостей и стала сдавать их в аренду тем, кто по каким-то причинам хотел их приобрести. Теперь можно отправиться на ужин в ресторане Второго мира и пригласить за свой столик Фрэнка Синатру. Можно поразить воображение друзей тем, что на вашем дне рождения споют «Битлз». Многим хотелось покрасоваться рядом с известной персоной, воспоминания о которой до сих пор будоражили умы. Чем ярче звезда, тем выше арендная плата. В начале третьего тысячелетия обладать аватаром знаменитости во Втором мире так же престижно, как владеть «феррари» в Реале.

Стремясь к сверхприбылям, «Тема» не скупилась на научные разработки. Исследовалось в мельчайших подробностях, как «звездные гости» – так их называли официально – могли бы реагировать на те или иные ситуации. Ученые добивались их полного сходства с реальными прототипами. Разумеется, в Реале аватарами руководили специально обученные актеры, получавшие за свою работу солидные гонорары. Работали они дома; почти каждый из них способен был исполнять не менее десяти звездных ролей – по запросу.

Всем быстро надоели старлетки начала третьего тысячелетия; тогда прославиться на час могла любая мало-мальски смазливая девица с силиконовыми грудями, которая не умела ни петь, ни танцевать, ни играть. Виртуальная реальность изменила все; теперь знаменитостью мог стать любой. Как показывали опросы, больше всего народу по-прежнему нравились «старые» звезды, когда-то ярко сиявшие на небосклоне индустрии развлечений.

Программы, запускавшие аватары в действие, также сдавались в аренду. Любой мог за небольшую плату скачать такую программу и воспользоваться аватаром лично, то есть мгновенно перевоплотиться в любую знаменитость по желанию. «Звездных гостей» в шутку начали именовать «звездными козлами». В основном ими пользовались в качестве сексуальных объектов. Знаменитостей можно было встретить в многочисленных борделях и секс-шопах «Измурдного города». Особенно их любили отдыхающие, которые попадали в Виртуал на выходные; всем хотелось хоть одну ночь провести со звездой. «Тема» и другие компании, купившие права на использование звездных имен, пылко отрицали тот факт, что с их клонами обращаются подобным образом. И все же такое случалось сплошь и рядом – пожалуй, процентах в семидесяти случаев. Впрочем, корпорации не особенно волновались по этому поводу, хотя на публике утверждали, что всячески борются со случаями «незаконного использования» их собственности.

И все же в бизнесе главную роль играют деньги. Все понимали, что аватарам ничто не угрожает, в том числе и вирусы. Как только истекал положенный срок аренды, аватары попросту исчезали, стирались из матрицы.

Клэнси подозревал, что аватар Монро сдали в аренду через третьих лиц. Ни одна мега-корпорация не занимается подобными мелочами.

– Больше мы не имеем права скрывать происходящее, – сказал Мейснер. – Пора ввести в курс дела вице-президента и помощника президента по вопросам национальной безопасности! – Подумав, он добавил: – И еще надо привлечь ФБР.

– С ФБР я бы повременил... Особенно с ФБР.

– Вопрос находится в их юрисдикции.

– Нет, если президент по-прежнему находится в Дубле. За Дубль Белого дома отвечает Секретная служба!

– Мы только что своими глазами видели, как он покинул... область вашей юрисдикции. Мы же просмотрели запись!

– Это не значит, что он вышел отсюда. Да, нам придется обо всем сообщить вице-президенту и помощнику президента по вопросам национальной безопасности. Но только не ФБР – если вы не хотите, чтобы история просочилась наружу. Если нам не удастся его найти, что тогда? Известить Объединенный комитет начальников штабов? Привлечь морскую пехоту? Как вы себе это представляете? Даже если мы пошлем во Второй мир миллион вооруженных до зубов морских пехотинцев, вряд ли мы чего-то добьемся... Наоборот, меньше шанс, что мы его найдем!

– Докажите, что он по-прежнему в зоне ваших полномочий!

Клэнси ткнул пальцем в стену, за которой на сенсокресле лежало неподвижное тело Тедди Диксона.

– Он по-прежнему здесь. В соседней комнате. В киберкостюме. Поэтому он точно в моей зоне.

– У ФБР больше возможностей.

– Не больше, чем у нас, – вмешался Галлахер. – Людей у них, возможно, и больше, но у нас такой же доступ к информации и ко Второму миру, как и у них.

– Я поставлю в известность директора, – решил Клэнси. – Он наверняка согласится со мной и не захочет, чтобы история получила огласку. Юридически президент по-прежнему находится в Белом доме и в сфере наших полномочий.

Все знали, что директор Секретной службы Билл Уоллс и его заместитель находятся сейчас в Берлине, где готовятся к весеннему визиту президента в Реале. Директор при всем желании не успел бы вернуться в Вашингтон вовремя и лично возглавить расследование; значит, Клэнси, старший агент, теперь отвечал за безопасность президента. Кроме того, Уоллс, молодой и честолюбивый директор, всегда защищал своих.

Мейснер понимал, что от Уоллса помощи ждать нечего.

– А может, привлечь киберкопов? И камеры-шпионы? – предложил он.

Мейснер понимал, что он в меньшинстве, но решил хотя бы прояснить ситуацию. Тогда потом никто не бросит в него камень, не упрекнет в том, что он не пытался подключить к расследованию ФБР. А Галлахер прав. Конгресс в 2020 году издал закон, предоставивший всем спецслужбам доступ к армии киберполицейских, цифровых сборщиков информации. Они бродили по Второму миру и следили за всеми. Киберкопов все ненавидели, потому что они шпионили за всем и всеми. Киборги слонялись по улицам и шпионили за отдыхающими, а потом посылали визуальные образы тех, кого в чем-то подозревали, своему оператору в Реале. Оператор руководил действиями целой группы киберкопов. Почти невозможно передвигаться по Второму миру, не будучи замеченным киберкопом, тем более что киборги научились маскироваться. В кварталах побогаче повсюду были установлены камеры-шпионы. Они наводнили Второй мир, как чуть раньше обычные уличные камеры видеонаблюдения – Реал.

В «Изумрудном городе», помимо киборгов-полицейских, за людьми следили камеры-шпионы, вмонтированные в стены зданий, в тротуары, на деревья. Почти незаметные средства сбора данных требовали сложного обслуживания. По запросу всю записанную ими информацию предоставляли правительственным учреждениям и спецслужбам.

– Нет, не надо камер-шпионов, – заявил Галлахер. – Если мы разошлем повсюду его фотографию, СМИ сразу почуют: что-то стряслось. По-моему, для таких экстренных мер еще рано.

– Тогда пусть следят за всеми аватарами Монро в «Изумрудном городе», – предложил Клэнси.

– Ну да, и киберкопы тоже. Но никаких фотографий президента!

Мейснер пожал плечами:

– Мне нужно связаться с вице-президентом и Марлином. – Дик Марлин был помощником президента по вопросам национальной безопасности.

– Я их уже нашел, – отозвался Галлахер. – Вице-президент уже в Белом доме, а Марлин едет сюда. Я попрошу вице-президента присоединиться к нам.

– А я провожу первую леди в ее апартаменты.

Энни Диксон попробовала было возразить, но Мейснер решительно прервал ее:

– Энни, позвольте мне все подготовить. Прошу вас, делайте, как я говорю. Мы будем регулярно извещать вас о ходе поисков.

– А разве нельзя остаться здесь... – она показала на соседнюю комнатку, – с Тедди?

– Вряд ли это будет разумно. Не хочу, чтобы мои люди отвлекались.

Она нехотя согласилась. Ей очень хотелось остаться, но она понимала, что ее присутствие в самом деле отвлечет сотрудников Секретной службы.

– Я вернусь через десять минут! – Мейснер взял ее под руку и повернулся к остальным: – Если вице-президент и помощник по национальной безопасности придут раньше меня, введите их в курс дела.

Клэнси и Галлахер дождались, пока Мейснер уведет Энни Диксон из зала.

– Вот придунок! – произнес Галлахер, глядя в спину уходящего Мейснера.

– Какие будут предложения? – спросил Клэнси.

Галлахер устало покачал головой:

– Подобные ситуации нигде не предусмотрены!

– Давай для начала выясним, как злоумышленники проникли в Белый дом и вышли из него. И как, черт их побери, им удалось взломать КатаПульст?

– Система-то надежная... Они наверняка запустили какой-то вирус.

– Кто из нас компьютерный гений, ты или я? Вот ты и скажи, что делать.

– Понятия не имею. Мы сидим на месте и собираем информацию. Такая у нас работа. Может, все-таки подумать о ФБР? Они собаку съели на похищениях...

– Нет! – воскликнул Клэнси.

– Если президент сейчас где-нибудь в Виртуале, нам очень пригодится помощь человека, который знает Второй мир вдоль и поперек. Который там вырос... Нам нужен самый лучший хакер.

– Они почти все сидят за решеткой. – Клэнси задумчиво почесал щеку. – Вряд ли Мейснер и остальные пойдут на то, чтобы выпустить их на волю на несколько часов... Они ведь не дураки и прекрасно понимают: как только мы выпустим хакера в Виртуал, он уже оттуда не вернется. Представляешь, что тогда будет?

– Сидят-то не все. Некоторые перешли на нашу сторону. Примерно половина парней из тех, что здесь работают, проделали такой путь.

– И ты тоже, Пол? – как бы невзначай осведомился Клэнси, хотя прекрасно знал, что в молодости Галлахер якшался с хакерами. Только поступив на службу, он внедрился в их среду. Постепенно проникся их взглядами и, в общем, разделял их общее недоверие к правящим кругам. Постепенно Галлахер стал одним из лучших; именно после него правительственных агентов, которые занимались мошенничествами с использованием корпоративных компьютеров, стали называть «трекерами». Когда все вскрылось, Галлахера просто перестали повышать в должности, и он так и остался госслужащим четвертого ранга. Иными словами, ему достаточно хорошо платили, чтобы его не перекупили мегакорпорации; кроме того, у него имелось звание, обеспечившее ему уважаемое положение в обществе. Пол Галлахер достиг своего личного карьерного потолка.

К ним подошел один из сотрудников аппаратной.

– Готов список всех гостей из Зала съездов. Примерно три тысячи из них – потенциальные подозреваемые.

– Выясните, не имел ли кто-нибудь из них в последнее время дела с компаниями, которые сдают напрокат аватары знаменитостей. Особенно нас интересует Мэрилин Монро. Просмотрите архивы камер-шпионов. Загрузите снимки гостей; возможно, программа-идентификатор сумеет кого-нибудь опознать. Потом проверьте, нет ли у кого-то из подозреваемых связей с другими аватарами, имеющими отношение к Кеннеди. Например, мафиози Сэм Джанкана или Джуди... как ее... которую они оба трахали.

– Джуди Кэмпбелл, – вспомнил Клэнси. – Она и с Фрэнком Синатрой путалась.

– В общем, все понятно. Поищите другие точки соприкосновения. Кто-нибудь из гостей уже покинул Дубль Белого дома? Если покинул, куда направился? Вернулся ли в «Изумрудный город» и с кем? Может, они находятся в таком месте, где их засечет камера? Может, кто-то из них снова встретился после того, как вышел отсюда. А если встретились, то куда они направляются? Пока ищите их, разошлите задание всем киберкопам и камерам-шпионам.

Возможно, в последний час кто-то видел в «Изумрудном городе» аватары Монро. Она может очутиться в отеле, баре... да где угодно.

– Сейчас гости, которые собрались в Дубле, уже расходятся. Кое-кто по-прежнему ждет президента, надеется, что он еще выйдет... – Сотрудник уже повернулся, собираясь уходить, но вдруг вспомнил: – Там одна пожилая пара из Небраски уверяет: президент сам велел им дожидаться его. Обещал поговорить с ними.

– Я их помню, – кивнул Клэнси. – Пусть им скажут... объяснят, что президент плохо себя почувствовал.

– Нам в самом деле трудно обойтись без помощи частного лица, – вздохнул Галлахер.

– Предложения есть?

– Мне нужен одиночка... Или команда одиночек.

– А конкретнее?

– Самый лучший из них... не американец; он терпеть не может политиков и правящие круги. Если сказать, что он будет работать на Мейснера и компанию, он развернется и уйдет. С точки зрения угрозы нашей безопасности хуже не придумаешь, зато в своей области он – самый лучший.

– Чем он занимается?

– Он – Мастер игры.

– Мы сейчас не в игры играем.

– Да нет, то, что происходит сейчас, – тоже игра. И мы можем сыграть в нее только с его помощью.

– Его можно найти?

– Я его уже нашел.

– Ты с ним знаком?

– Да. Раньше он сам натаскивал меня в «Теме»... обучал охотиться на драконов. – Галлахер помолчал. – А еще он – крэкер. Взломщик компьютерных систем.

– Ни в коем случае!

– Он самый лучший из всех. Работал на наших британских партнеров. И на полицию, и на спецслужбы.

– Это все равно что дать взломщику ключ от сейфа.

– У всех Мастеров игры допуск к наиважнейшим секретным работам.

– Полное безумие!

– У нас всего десять-пятнадцать часов. Промедлим – и получим президента с расплавленными мозгами.

– Если он в самом деле пропал.

- Все зависит от тебя, – жестоко и решительно произнес Галлахер.
- Клэнси сел.
- Нам нужно особое разрешение...
- Нам действовать нужно! Черт побери, Дон, нам все равно нечего терять!
- Верно, нечего. Кроме работы.
- Черт, да ты уже ее потерял! Если не вернешь Диксона, можешь распрощаться с мечтами о хорошей пенсии!

Коттедж «Роза»

Ист-Харлинг

Норфолк

Реальное время: до контрольной точки 12 часов 29 минут

Врач был прав; его консультации стоили дорого. Я платил по шестьдесят евроdollаров за визит. «Идите на воздух, прогуляйтесь... Всего по полчаса в день!» Если подумать... разве не для этого я сюда переселился? Может, и правда завести собаку? А что, неплохая мысль! Компаньон, который не огрызается. Собаки у меня никогда не было. А может, стоит...

Завибрировал мобильный телефон. Кто-то снова меня добивается, проверяет, где я нахожусь. Когда я попытался проследить, кто мне звонит, я увидел то же сообщение: «Звонок не идентифицируется. Попытка установить абонента уголовно наказуема». Потом появилось второе сообщение: «Регистрируюсь в коттедже „Роза“. Пожалуйста, ответь. Галверстон».

Я узнал сетевой ник. Потянулся к очкам, надел их. Прогуляюсь попозже. Если не считать врача, день выдался неплохой. Даже удалось вытянуть почти сорок тысяч долларов из преподающего Поста. Неплохой заработок за час! Я вернулся в Виртуал.

Коттедж «Роза»

2M197K125RC, «Изумрудный город»

Второй мир

Реальное время: до контрольной точки 12 часов 27 минут

Меня уже ждали Галлахер и еще один тип – я решил, что это его коллега. Коллега посмотрел на меня так, словно я был куском тухлого мяса.

– Привет, Пол. Давно не виделись. Если бы ты продержался подольше, может, и подобрался бы к Золотому дракону.

– Рад, что ты меня помнишь, хотя столько лет прошло... А мне всегда казалось, что я тебя разочаровал, – ответил Галлахер.

– Нет, ты не меня, а себя разочаровал. Мог бы продвинуться гораздо дальше, просто не пожелал тратить усилий. – Я сел на диван. – Твой приятель с виду очень умный... наверное, большая шишка?

– Дон Клэнси, – представил его Галлахер. – Секретная служба США.

– Что я опять натворил?

– У нас неприятности.

– Не у нас, а у вас. И вы, значит, хотите, чтобы я вытащил вас из дерьма?

– Мистер Смит, вы всегда такой циник? – спросил Клэнси.

– Обычно я гораздо хуже.

– Конор, можно ли взломать КатаПульт, пока находишься в Виртуале? – перебил его Галлахер.

– Да.

– Как?

– Не знаю.

– Но ты только что сказал...

– ...что такое возможно. Не знаю, проделывал ли кто-нибудь такую штуку. Но какую бы защиту ты ни установил, какие бы супернавороченные системы ни придумал, всегда найдется умник, который в конце концов их взломает. С КатаПультом проблема в том, что все считают его идеальным. Вот никто и не заботится об обновлении системы защиты. Большая ошибка! Рано или поздно кто-нибудь обязательно ее взломает.

– Мы не говорим, что это уже случилось, – заметил Клэнси.

– Тогда почему интересуетесь?

– Как и сказал Пол, мы просто хотим узнать, возможно ли это.

– Да-да... Слушайте, сделайте мне любезность. Если вам нужна моя помощь, перестаньте обращаться со мной как с ребенком.

– Обратиться к вам предложил Пол, а не я.

– Тогда отвяжитесь и дайте нам с ним поговорить. – Я встал. Парень из Секретной службы оказался занудой.

– Мы напрасно теряем время! – Клэнси повернулся к Галлахеру. – Возвращаемся.

– погоди минутку! – взмолился Галлахер. – Конор, не слыхал ли ты, случайно, о том, что кто-нибудь взломал код КатаПульта? То есть... ты ведь знаком почти со всеми компьютерными гениями...

– Он имеет в виду хакеров, – добавил Клэнси.

– Я знаю, кого он имеет в виду, – буркнул я. – Слухи ходят всегда. Кто-нибудь всегда пытается обойти остальных. Нет, насчет КатаПульта я ничего не слыхал.

– Я возвращаюсь. Мы напрасно тратим время.

– Конор, нам нужна твоя помощь, – сказал Галлахер. – Мы потеряли одну из ключевых фигур.

– Ты не имеешь права разглашать подобные сведения, – набычился Клэнси.

– Что значит – «потеряли»? – Мне вдруг стало любопытно. Похоже, начинается настоящая игра!

Галлахер не обратил на слова Клэнси никакого внимания.

– Он был во Втором мире... в безопасной зоне, но кто-то отнял у него КатаПульт и увел его...

– Против его воли?

– Похоже на то.

– У вас какие-нибудь записи сохранились?

– Вплоть до того момента, как он выходит из особо охраняемой безопасной зоны. Кстати, мы даже не подозревали о существовании другого выхода!

– Лазейка? Брешь в системе защиты?

– Мы точно не знаем. Вряд ли. Во всяком случае, никаких данных о ней нет.

– За ним кто-нибудь прошел?

– Дон! – Галлахер повернулся к Клэнси.

– Я, – осторожно кивнул Клэнси. Потом он объяснил, что случилось с ним и со Смертоном, когда они прошли в дверцу шкафа.

– Вас выкинуло лавиной, – объяснил я. – Вы угодили в большую белую воронку. Такие воронки уносят из Виртуала, а куда потом попадаешь – неизвестно. Вокруг все начинает рушиться... Вы оказываетесь в потоке ослепительно-белого света. Как снежная лавина, белая воронка не оставляет за собой следов. Создать такую воронку нетрудно – если не хотите, чтобы за вами следили.

– Что для этого нужно?

– Минимальные навыки программирования. Вообще-то, по уставу ООН, такие штуки вне закона. Ведь вы остаетесь в Виртуале. Но КатаПульт может вас выкинуть. Насколько мощной была защита той зоны, о которой идет речь?

Клэнси не ответил; вместо него заговорил Галлахер:

– Белый дом.

Клэнси смерил его угрожающим взглядом, но Галлахер сделал вид, будто ничего не заметил.

– Вот это новость! Я думал, Белый дом надежно защищен со всех сторон.

– Да, так и есть... точнее, так и было. Мы пользовались последними протоколами защиты.

– Значит, тот, кто подложил вам такую свинью, – настоящий спец. А может, это был кто-то из приближенных, из тех, в чьей власти на несколько секунд отключить защиту?

– Мы не нашли никаких доказательств того, что защита отключалась. Все системы работают нормально: никаких перебоев питания или перепадов напряжения в сети. Мы просматриваем личные дела всех сотрудников Белого дома, особенно тех, кого приняли на работу недавно. Но пока ничего определенного не нашли.

Запикал пейджер Клэнси.

– Нас требуют назад. Пошли! – Он повернулся ко мне:

– Предупреждаю, то, что мы вам сообщили, – конфиденциальная информация. Обратиться к вам предложил Пол; по-моему, он ошибся. Не подведите нас! Если вы нас подведете, я вернусь, и тогда, обещаю, ваша натуральная оболочка до конца дней своих не выйдет из-за решетки!

Я улыбнулся.

– А я-то думал, что живу в свободной стране! За пределами США.

– В данном случае ваше правительство передаст нам все необходимые полномочия.

Пошли! – приказал Клэнси Галлахеру.

– Иди; я скоро.

Клэнси нажал на КатаПульт и исчез.

– Извини, – сказал Галлахер.

– Да не за что. Он ведь твой придурок. Мне с ним не работать.

– Он чувствует себя в ответе за то, что случилось.

– Кто там у вас пропал?

– Не спрашивай.

– Кто-то, кого положено охранять Секретной службе?

– Слушай, нам нужна твоя помощь. Мне нужна твоя помощь! Похоже, кое-кто с помощью аватара Мэрилин Монро проник в Белый дом и взломал нашу систему защиты. Мы понятия не имеем, чего они хотят. Конор, пожалуйста, наведи справки в Виртуале! Ты ведь знаешь завсегдатаев всех киберкафе в «Изумрудном городе». Кто-то из них непременно что-то знает.

– Других зацепок у тебя нет? Мэрилин Монро... Господи, да ведь она умерла шестьдесят с лишним... и даже семьдесят с лишним лет назад!

– Проверь, вдруг кто-то все-таки взломал код КатаПульта. Вот это будет настоящий след.

– Сколько у меня времени?

– Не больше двенадцати часов.

– Раз вы так разволновались, значит, пропала по-настоящему крупная шишка.

– Это очевидно.

– Мне нужны все коды доступа к системе Белого дома.

– Зачем?

– Чтобы знать, как дела у вас. Не хочу толкаться с вами локтями только ради того, чтобы потом узнать, что вы, получив новые сведения, куда-то свернули за моей спиной и бежите по новому следу.

– Это невозможно. Я буду регулярно вводить тебя в курс дела, сообщать, какие у нас достижения.

– Ладно, но запомни вот что. Сегодня пятница, поэтому через пару часов в «Изумрудный город» хлынут толпы отдыхающих. И тогда работа очень осложнится. Почти все мои источники зарабатывают деньги во Втором мире. И зарабатывают они их в основном на отдыхающих. Возможно, мне понадобятся кредиты, потому что придется просить их о помощи, но в пятницу их услуги будут стоить дороже.

– Я все устрою, – обещал Галлахер. – Правда, бюджет у меня не очень велик...

– Ты хочешь, чтобы я вернул тебе твою важную шишку, или нет?

– Я на тебя рассчитываю.

– Это что, президент? – наугад спросил я.

– Без комментариев.

– Кто-нибудь из его близких?

– Конор! – нахмурился Галлахер.

– Я видел в новостях Мэрилин, которая пела вашему Тедди Диксону «С днем рождения тебя». – Я ухмыльнулся. – Не считай меня идиотом!

Галлахер пожал плечами, но моего предположения не отверг.

– Мне пора. Спасибо!

Неожиданно для самого себя я разволновался. Как только Галлахер исчез, я приступил к работе. Многие считают, будто хакеры, крэкеры и фрики способны взломать любую систему за несколько минут. Это распространенное заблуждение. На то, чтобы взломать хотя бы один код, иногда уходит несколько недель кропотливой, нудной работы, которая часто заводит в тупик и вынуждает вернуться к исходной точке. Даже сейчас, когда имеются самые мощные, умные машины, способные самостоятельно задавать нужные параметры, процесс остается медленным и нудным.

Мое преимущество заключается в том, что я уже давно этим занимаюсь. Мое хобби – правительственные архивы и архивы мегакорпораций. День за днем, год за годом я скрупулезно проникаю в их системы; меня еще ни разу не поймали. Я написал собственные поисковые программы; как только мои жертвы меняют системы безопасности, мои программы автоматически подстраиваются под них. Кто-то называл меня «сорокой», старьевщиком, который хранит в своем компьютере кучу ненужного барахла... Такая особенность появилась у меня еще в детстве, когда я подделывал свои школьные оценки. Я сохранил даже старые игры, в которые играл, когда мне было пять лет. Особенно я горжусь первым выпуском «Лары Крофт – расхитительницы гробниц», одной из самых классных компьютерных игр девяностых годов прошлого века.

Я вывел изображение на плазму и начал методично просматривать все свои архивы. Наверное, у меня накопились самые ценные сведения обо всех государственных учреждениях и мегакорпорациях... Коды доступа к банковским счетам, полицейские базы данных, файлы британской контрразведки «Эм-ай-пять», британской секретной разведслужбы «Эм-ай-шесть», ФБР, ЦРУ и большинства разведслужб разных стран, архивы НАСА, военные тайны, регулирование ставок заработной платы – в общем, все, что удалось взломать и нарыть за долгие годы.

Через пять минут на экране появился заголовок: «Коды доступа Белого дома». Я надеялся, что они еще действуют. Так и оказалось. Я вошел в систему и выяснил, что именно мне предстоит узнать. Заодно я изучил досье Дона Клэнси и с удивлением узнал, что агент Секретной службы на пять лет старше меня. Видимо, он не жалеет средств на «бутики молодости». Клэнси выглядел лет на тридцать, и ничто не выдавало в нем человека гораздо более старшего возраста. Если не считать его выпендрежа: кольцо с бриллиантом в носу, золотая серьга с изумрудом в ухе... Клэнси выставлял свое богатство напоказ; возможно, под его строгим черным костюмом тоже имеются дорогие украшения в самых неожиданных местах. Я живу в эпоху,

когда характер человека выражается в том, что он носит на спине. У молодежи вкусы попроще. Они одеваются элегантнее и не напоказ. Зато люди постарше так и норовят похвастать своим богатством. Надо было раньше заметить!

После этого я еще немного покрутился в их системе и понял, что там у них произошло. Прошло еще десять минут, и я узнал, что призрак Мэрилин Монро по-прежнему бродит по Белому дому. Я связался с Архивариусом, моим давним другом, и ввел его в курс дела, передав все полученные мною сведения.

- Продолжай и дальше держать меня в курсе, – попросил Архивариус.
- Естественно! Как только я что-нибудь узнаю, сведения сразу же попадут к тебе.
- Нам нужно кого-нибудь известить о том, что мы работаем вместе?
- Зачем? Мы не злоупотребляем служебным положением. А о таком важном деле лучше помалкивать.

«Телефонный узел»

«Дворец головоломок»

Шоссе Балтимор – Вашингтон

Второй мир

Реальное время: до контрольной точки 12 часов 15 минут

Во «Дворце головоломок» не помнили такого воодушевления с тех пор, как Диксон приказал бомбить Ближний Восток.

Комплекс зданий Агентства национальной безопасности, получивший название «Дворец головоломок», раскинулся на территории свыше 2500 акров. Здесь находится нервный центр крупнейшего государственного агентства по сбору разведывательной информации. Штат агентства составляет 120 тысяч человек, а годовой бюджет превышает бюджеты ЦРУ и ФБР, вместе взятых. АНБ, открытое в сороковых годах двадцатого века, вначале умещалось всего в одном кабинете в старом здании Арсенала в Вашингтоне. Теперь же штаб-квартира представляет собой утыканный антеннами комплекс, состоящий из сорока просторных зданий, оснащенных спутниковой связью, Интернетом и прочими атрибутами современного шпионажа. Благодаря своей оснащенности сотрудники АНБ без труда могли разглядеть номерной знак на машине, стоящей рядом с «Макдоналдсом» на Красной площади в Москве. Радиоэлектронная разведка, или РЭР, быстро превратилась в первый разведывательный источник США, к большому недовольству ЦРУ и ФБР. АНБ, принимающее сигналы с передатчиков во всем мире, от Турции до Австралии, от Пуэрто-Рико до Антарктиды, в дополнение к многочисленным спутникам, облетающим землю, было создано с единственной целью: перехват радиосигналов и сигналов телеметрии. За более чем семидесятилетнюю историю агентство регулярно прослушивало сверхсекретную связь более чем в сорока странах. Помимо прочего, они вели прослушку и своих союзников. Отдел АНБ по перехвату сверхсекретной информации по каналам широкополосной связи для краткости назывался «Телефонным узлом». Там занимались не только прослушкой телефонных разговоров. У отдела имелась отдельная программа и собственный бюджет; он отвечал за высший уровень слежки и перехвата во всемирном масштабе. В восьмидесятих годах прошлого века «Телефонный узел» приобрел дурную славу; тогда в прессе появились многочисленные сообщения о «необычайных возможностях в сфере перехвата», о чем был даже опубликован специальный доклад. Авторы доклада делали вывод о том, что «ни одно другое государственное агентство не занимается такой широкомасштабной деятельностью». Но тогда речь шла о прослушке телефонных переговоров и других видов связи, включая факсимильную и спутниковую.

Отдел, таким образом, идеально подходил для контроля над сетевыми технологиями, появившимися на рубеже веков. Из-за многочисленных случаев вмешательства в частную

жизнь граждан, а также после того, как стало невозможно оправдывать свои действия «холодной войной» или событиями на Ближнем Востоке, руководство АНБ во всеуслышание заявило, что ограничит прослушку и слежение в Интернете. Однако, публично называя себя «современной правительственной секретной службой», АНБ втайне расширило полномочия «Телефонного узла» и распространило их на бурно развивающийся Интернет.

Затем приняли «Закон о наблюдении за иностранной разведкой», который несколько ограничил полномочия АНБ и других разведывательных служб. По этому закону АНБ больше не разрешалось следить за американскими гражданами без специального ордера, если они находились на территории США. Но те же люди, едва они покидали американскую землю, лишались всякой защиты.

После событий 11 сентября 2001 года, когда исламские террористы взорвали башни-близнецы Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, когда погибло свыше трех тысяч невинных людей, АНБ приняло решение относиться ко всем как к возможным подозреваемым.

Развитие виртуальной реальности предоставило вечно голодному АНБ новые возможности. Как только граждане США попадали в «Изумрудный город», АНБ априори считало, что они находятся на иностранной территории и, следовательно, за ними можно установить слежку без всякого ордера. Поскольку АНБ более полувека успешно сотрудничало с Центром правительственной связи Великобритании, не менее внушительной разведывательной организацией со штаб-квартирой в Челтнеме, обе шпионские организации дружно открыли во Втором мире настоящий сезон охоты. Пока спецслужбы были так заняты, простые люди, представители среднего класса, покидали мегаполисы и возвращались к более простой жизни, вспоминая мечты, составившие суть «одноэтажной Америки». Многие промышленные города пришли в упадок; их центры и окраины получили название «мусорных поясов». Они очень напоминали Застройку в Европе. А за всем происходящим постоянно маячил призрак угрозы крупной террористической атаки со стороны исламского мира.

АНБ стояло на переднем крае борьбы с терроризмом, но их стремление контролировать всех и вся вносило дополнительную неуверенность в крепость под названием «США», и без того не слишком прочную. Затем появился закон о разграничении полномочий, несколько ограничивавший прыть АНБ. Агентство дало обязательство уничтожить досье на частных лиц. Одновременно с американским законом о разграничении полномочий сходные резолюции приняла и ООН.

В 2027 году, когда были ратифицированы международные законы, ограничившие деятельность по сбору разведданных, АНБ и ЦПС собрали море информации на всех граждан своих стран, а также на граждан других государств – как дружественных, так и враждебных. С помощью супермощных компьютеров, сканеров, распознавателей речи, программ – идентификаторов ключевых слов и принтеров, печатающих 54 тысячи слов в минуту, они могли немедленно проникать в любой источник информации и в любое личное дело. За всем миром следила армия аналитиков голоса, специалистов по базам данных, операторов камер слежения, а также множество крэкеров, трекеров, фриков, криптологов и киберхулиганов, которых по-другому именовали «киберпанками». Вся эта армия спокойно продолжала поставлять данные «Телефонному узлу», а тот, в свою очередь, часто напрямую связывался с ЦПС.

Руководство АНБ и ЦПС заверяло, что все сведения, собранные до 2027 года на частных лиц, полученные без всяких на то оснований и без ордера, были уничтожены. При этом обе спецслужбы ни на одного человека не сократили свой штат и сохранили свои возможности. В то же время на словах они строго подчинялись предписаниям ООН. Шло время; прошлое подзабылось, и люди, бродящие по Второму миру, перестали бояться, что за ними следит всевидящее око.

Как только Дику Марлину, помощнику президента по вопросам национальной безопасности, сообщили об исчезновении президента, он сразу же связался с Дуайтом Суилкином, директором «Телефонного узла».

Они говорили по специальной линии видеосвязи.

– Информация совершенно секретная, – предупредил Марлин после того, как сообщил о происшествии. – Соберите группу ваших лучших сотрудников. Привлеките всех, кого хотите, где бы они ни находились. Действуйте по законам военного времени. Вся операция должна храниться в строжайшей тайне. Никто не уходит домой; участники операции ночуют на работе. Никаких контактов с другими подразделениями!

– Кто еще участвует в операции?

– Пока ее вели силами Секретной службы. Попробую ограничить число участников ими и вами.

– А если мы будем наступать им на пятки?

– Все как обычно. Прикрывайте нас. Позаботьтесь о том, чтобы мы узнавали обо всем первыми.

Суилкин кивнул.

– Мне нужен ордер. Особенно на использование камер-шпионов.

– Когда нужно, нам «Закон о наблюдении за иностранной разведкой» не помеха. В случае угрозы национальной безопасности – а я полагаю, что наш случай подпадает под это определение, – мы имеем право вести прослушивание непосредственно во Втором мире. – От Марлина не укрылась кривая усмешка Суилкина. – Дуайт, проверьте все, что только можно. Понимаете? Все!

– В таком случае нас могут обвинить в том, что мы вмешиваемся в чью-то личную жизнь. Правозащитники, как всегда, поднимут вой о нарушении прав человека. Нам придется влезть в архивы...

– Делайте что сочтете нужным. Мы защищаем своего президента.

– Даже подвергая риску сам «Дворец головоломов»?

Марлин смерил Суилкина угрожающим взглядом:

– Мне бы не хотелось, чтобы вы себя скомпрометировали. Мы защищаемся любой ценой!

«Темные зоны»

Между 4M4642K125 и 4M8652K222

«Изумрудный город»

Второй мир

Реальное время: до контрольной точки 12 часов 9 минут

Его разбудил Голос; он доносился из ниоткуда и заполнил собой черную пустоту.

– Давным-давно, в самом начале, в Виртуал проникали только за порнушкой, сексом и прочим...

Ошеломленный Диксон вскочил на ноги. Он уже успел привыкнуть к безжизненной тишине. Голос оказался незнакомым. Он доносился не справа, не слева, не сверху, не снизу, а окружал его, обволакивал со всех сторон сразу.

– Мы стали более прогрессивными, более цивилизованными; теперь у каждого есть аватар, каждый может попасть в виртуальную реальность. Мы изобрели лекарства от всех болезней. И есть Второй мир, куда можно забрать с собой все свои страдания и боль... И все-таки мы по-прежнему стремимся туда за удовольствиями – порнушкой, сексом и прочим... Нехорошо, мистер президент!

Тишина. Ни шороха, ни шевеления. Диксон ждал, понимая, что он совершенно беспомощен.

– Она была красавицей, – наконец произнес Голос. – Да, даже сейчас, хотя прошло столько лет, ей по-прежнему не спится... Нет покоя сладкой девчужке, красотке Мэрилин. Из-за чего? Из-за таких, как ты, Тедди Диксон! Бедная Мэрилин! Ты думаешь, смерть прекратила ее страдания? Думаешь, после смерти она утратила способность чувствовать? Вы серьезно так думаете, мистер президент? Вы и в самом деле такой дурак? Ничего удивительного в том, что ваша страна распадается – ведь вам на все наплевать. Бедная Мэрилин! Бедная лапочка Мэрилин! Она была такой же, как все мы, остальные бедняги. Богатые сволочи вроде вас ее только трахали. Бедная, бедная Норма Джин!

Диксон молчал. Может, его похититель – психопат, какой-нибудь сумасшедший, влюбленный в Монро? Тогда с ним нужно поговорить. Вдруг его удастся разжалобить?

– Правда... – Голос хохотнул. – Правда, я бы тоже с удовольствием ее трахнул. Она ведь и в самом деле была настоящей б..., верно? С ее-то внешностью она только трахаться и умела. Жалко ее... По-настоящему жалко. Ничего удивительного, что она больше не вынесла такой жизни.

Тишина.

– Хорошо хоть ей хватило духу покончить с собой.

Тишина.

– А тебе на такое хватит духу, мальчик Тедди? Ты готов заплатить за то, что ты и тебе подобные сделали с ней?

Снова тишина.

– Еще четыре года... Еще четыре года! Скажи-ка, милый Тедди, почему ты хочешь править еще четыре года? Ты, мать твою, не заслуживаешь второго срока! – Тишина. – Поговори со мной, мальчик Тедди. Правда или последствия? Говори правду или мирись с последствиями. Играл когда-нибудь в эту игру, Тедди? Может, в детстве? – Голос глубоко вздохнул, и вздох окутал Диксона, словно туман. – Наверное, тебе никогда в жизни не приходилось отвечать за свои поступки... Во всяком случае, с тобой никогда не случилось ничего похожего на то, что происходит сейчас...

Вдруг Тедди Диксон почувствовал, как мрак сгущается. Там, где за пределами своего тела он раньше чувствовал пустоту, теперь появилось давление; темнота давила на него со всех сторон. Легкие как будто сдавило тисками. В отчаянии он схватился за горло, захрипел, пытаясь вздохнуть, набрать воздуха. Но воздуха не было, только мрак, который продолжал его сдавливать. У него закружилась голова.

– Тедди, скажи что-нибудь. От меня ты не спрячешься даже в темноте! – пронзительно закричал Голос. – Скажи хотя бы... «здравствуй». Скажи, и я верну тебе воздух!

– Я тебя слышу, – прошептал Диксон.

– А я тебя нет.

– Я тебя слышу, я тебя слышу!

– Тогда поздоровайся.

– Здравствуй, здравствуй!

– Вот так, мистер президент... Правда, легче стало?

Воздух снова наполнил легкие; президент упал на пол, дыша прерывисто и часто. Грудь уже не сдавливалось; голова больше не кружилась.

– Да, вот такая игра – «Правда или последствия». Тедди, ты когда-нибудь думал о том, в какую помойную яму ты превратил эту страну? Когда-то мы ею гордились. Мы собирались показать всему свету, что значит мирная жизнь! Мы облажались, верно? Сели в лужу и с Ираком, и с им подобными. И ты облажался, хотя на твоей стороне ядерные боеголовки, хотя погибло столько народу... Признайся, Тедди, тебе нравилось играть? Нравилось нажимать на кнопку? Снести все к чертям собачьим, разбомбить их на хрен, разнести их глинобитные хижины на атомы – а потом спокойно пойти обедать. Игра окончена... тебе нравится хот-дог?

А может, малыш Тедди обжег язык слишком острой горчицей? Потом мы оставили их в покое и вернулись к тому, что у нас хорошо получается: набивать брюхо и посылать остальной мир к чертям собачьим. Вот что такое для тебя Запад. Не пускать сюда ублюдков, которые с тобой не согласны. Пусть живут в собственном дерьме. Ну и цивилизация, да? Полмира голодает, а вторая половина обжирается и просирает мозги в Виртуале.

После секундной паузы Голос продолжал:

– Да, говорят, есть еще такая штука, как свобода выбора, но это смешно. Что случилось с законами? Что случилось с порядком? Ты, Тедди, все пустил на самотек, а сам наслаждаешься жизнью – гоняешься за красотками вроде мисс Монро. Ты отобрал у нас почти все наши свободы. Ты с ногами влез в нашу личную жизнь. От твоих камер-шпионов и киберкопов не продохнуть! А еще ты хочешь заменить все удостоверения личности штрих-кодами! И высекать их лазером у нас на руках в тот день, когда мы появляемся на свет!

– Все делается ради вашей же безопасности! – закричал Диксон, который даже в такой обстановке не переставал быть политиком. Он инстинктивно бросился отстаивать свою точку зрения, но вскоре замолчал, потому что громкость его собственного голоса во мраке потрясла его. Когда он решил продолжить дискуссию, то заговорил потише: – Тогда киберкопы и камеры будут без труда сканировать каждого. Честным гражданам нечего бояться, зато враги...

Голос перебил его и снова закричал:

– Вы уничтожаете нашу свободу, мистер президент!!!

– Что вы от меня хотите? – закричал Диксон в ответ, отчаянно пытаясь найти взаимопонимание со своим мучителем.

– Откуда я знаю, черт возьми? Президент-то ты, а не я. Вот ты мне и скажи. Тебе ведь платят за демагогию!

Воздух снова пропал, и грудь ему сдавило сильнее. На сей раз он подготовился заранее и сдержал дыхание. Через сорок секунд он потерял сознание.

– А сейчас поспите, мистер президент, – тихо произнес Голос. – Спите, берегите силы. Иначе вы здесь больше нескольких часов не продержитесь. Расслабьтесь, и, может быть, вам удастся прожить чуточку дольше.

Реальный Белый дом

2-й этаж

Центр управления безопасностью — в Реале и Виртуале

Реальное время: до контрольной точки 11 часов 45 минут

Подшло к концу совещание вице-президента, Мейснера и Марлина, на котором присутствовали также Клэнси и Галлахер. Почти все время они обсуждали, как добыть сведения обо всех приглашенных в Зал съездов на день рождения президента, обо всех работающих в Белом доме, а также всех, кто в последнее время демонстрировал враждебные намерения.

По мнению Марлина, президента похитила некая организация из-за Великой исламской стены.

– Мы должны немедленно привести вооруженные силы в состояние боевой готовности – наши враги способны на все! Необходимо защитить все крупные города. Закрыть все пункты доступа в нашу страну!

– Нет. Еще рано, – возразила вице-президент Нэнси Самнер. – Я против того, чтобы предавать огласке информацию об исчезновении президента. Начнется паника. Мы знаем, что он во Втором мире. Мы знаем, что он жив – во всяком случае, в клиническом смысле слова. Мы будем контролировать ситуацию из Белого дома до тех пор, пока не найдем его.

– А если он... все-таки не жив?!

– Он жив. Он за стеной... и дышит. Это факт. Так что составляйте план конкретных действий!

Все быстро согласились с тем, что проверкой всех стран и организаций, враждебных Соединенным Штатам и их президенту, займется Агентство национальной безопасности, а не ЦРУ, подотчетное своему директору. Следует перепрограммировать спутники на слежку за отрядами террористов и их базами. Делиться сведениями следует лишь в соответствии с принципом необходимого знания, а решение на обнародование той или иной информации принимает вице-президент единолично. Ее офис, а также Центр управления безопасностью Белого дома считаются аналитическими центрами, куда должна стекаться вся информация.

Поняв, что из-за отсутствия мало-мальски значимых фактов совещание заходит в тупик, Галлахер снова предложил воспользоваться услугами сторонних помощников. Марлин, глава АНБ, высказался против. Его поддержал Клэнси.

Но Нэнси Самнер, опытный политик, которая часто противостояла Тедди Диксону и напоминала ему о его предвыборных обещаниях, очень оживилась, услышав предложение Галлахера.

– Все говорят, что на поиски у нас меньше двенадцати часов, – властно заявила она. – Для того чтобы найти его, у нас две основные причины. Во-первых, он наш президент и следует предпринять все возможные усилия для того, чтобы обеспечить его безопасное возвращение. Поскольку сотрудники Секретной службы в курсе дела с самого начала, нам следует прислушаться к их мнению. Во-вторых, если народ, как в Соединенных Штатах, так и в остальном мире, заподозрит, что существует вирус, способный вырубить КатаПульс, во всем мире начнется паника. Люди перестанут проникать во Второй мир; Уолл-стрит рухнет. Пострадают крупные торговые сети, мегакорпорации, небольшие предприятия, средства связи – ведь их услугами перестанут пользоваться. Разразится глобальный экономический кризис, а расходы на то, чтобы исправить положение, даже представить себе невозможно. По-моему, у нас нет другого выхода. Мы должны принять предложение мистера Галлахера.

– Я согласен, но при условии, если мы лично проверим благонадежность привлекаемых помощников, – сказал Мейснер.

– Хорошо, Джо, идет. – Вице-президент повернулась к Галлахеру: – Вы можете быстро связаться с этими людьми?

– Да, мадам, – ответил Галлахер. – Несколько лет назад я входил в состав опергруппы, которая разрабатывала хакеров. Думаю, мне быстро удастся найти нужных людей.

– Хорошо. Как только свяжетесь с ними, представьте список из нескольких имен.

– Да, мэм. – Помолчав, Галлахер продолжал: – Но некоторые из них – иностранные граждане, и мне понадобится особый ордер в соответствии с «Законом о наблюдении за иностранной разведкой». Придется влезть в архивы камер-шпионов, снять всю необходимую информацию.

Правила и законы знали все. Можно прослушивать все электронные средства связи – за исключением личной переписки, – но не слишком усердствовать.

– Что скажете, Джо? – Самнер повернулась к Мейснеру.

– По-моему, нам придется пойти на риск и обойтись без ордеров, – заявил Мейснер, немного поразмыслив. – Давайте не будем забывать, что разрешение на слежку действительно лишь в, цитирую, «вразумительной форме, предназначенной для официальной экспертизы». Конец цитаты. Иными словами, до тех пор, пока мы не распечатаем информацию, не введем ее в базу данных или не воспользуемся ею. Добавлю также, что мы действуем в интересах общества, а не против него. Мы охраняем наше право защищать нашу национальную безопасность. Тем самым мы не нарушаем «Закон о наблюдении за иностранной разведкой».

– Хорошо. Если спутники ООН или любые внешние системы слежения выявят повышенное количество перехватов, позаботьтесь о том, чтобы я немедленно об этом узнала, – сказала вице-президент.

Составлять список потенциальных помощников Галлахеру помогал Клэнси. Пока они изучали досье подходящих людей, Галлахеру позвонил его сотрудник и сообщил: аватар Монро был предоставлен компанией «Лучше не бывает инкорпорейтед». Компания, принадлежащая мегакорпорации «Тема», до сих пор не получала никаких сообщений о том, что с их аватаром что-то случилось.

Пока Галлахер разговаривал по телефону, Клэнси внимательно перечитывал лежащий перед ним на столе список. Он не удивился, увидев в самом его начале имя Конора Смита.

Отель «Галлиполи»

81-85-й этажи

6M278K3303, «Изумрудный город»

Реальное время: до контрольной точки 11 часов 12 минут

Два здания, стоящие в «Изумрудном городе» бок о бок, совершенно не сочетались и даже противоречили друг другу. Впрочем, для «Изумрудного города» такое не редкость. Его застраивали не по плану; никто не думал о единстве формы. Все стремились отхватить участок получше и поскорее заполнить «Темные зоны». Так жадный мир воздавал последнюю дань Маммоне, искусству фастфуда, панк-арта, взрыв-рока – и стремился срубить денег побольше.

Под номером 6M278K3301 значилась простая и строгая лютеранская церковь. Ее современный шпиль словно укорял тех, кто отрицает Господа и его учение. Маленькая церковь, как и все в «Изумрудном городе», одноэтажная, с колокольной, служила, однако, известной вехой именно благодаря своим малым размерам. Многие видели в ней связь с собственным прошлым. Простые, хорошие люди приходили в церковь и там молились. Они верили в свою веру и в своего пастора. То были люди старой закалки; они стекались в «Изумрудный город» из всех уголков земного шара. В церкви они находили уединение и утешение – действенные лекарства в мире, новыми приметами которого стали себялюбие и невоздержанность во всем.

Соседнее с церковью современное здание, под номером 6M278K3303, вытянулось вверх на восемьдесят пять этажей. В плане оно представляло из себя прямоугольник, высокий, узкий. Прямоугольник был расписан в черные и белые квадраты и напоминал огромную шахматную доску. Выстроенный на три года раньше церкви, номер 6M278K3303 был огромным гостиничным комплексом. Как всегда в таких случаях, самые дорогие и роскошные отели располагались в нем на нижних этажах. Там гости наслаждались отдельными входами, мраморными полами и пятизвездочным сервисом. Еду готовили знаменитые повара, которые трудились на великолепных кухнях, предоставлявших настоящий простор для творчества. Чем выше, тем дешевле и потрепаннее становилась обстановка, а качественный сервис переставал существовать. Причина проста: дело в том, что с верхних этажей не открывалось красивого вида. Из окон можно было видеть только те пейзажи, которые вставляли в оконные рамы сами жильцы. Нижние же этажи выходили собственно на «Изумрудный город», и можно было оставаться постоянно на связи с жизнью, кипевшей вокруг. Из окон верхних этажей открывался вид только на «Темные зоны».

Отель «Галлиполи» занимал пять верхних этажей гостиничного комплекса. Окошки в номерах были маленькие и сплошь занавешенные. Стойка регистрации словно вынырнула из фильмов конца прошлого века: единственная лестница, шаткий лифт и вечно усталый, томный портье-гермафродит с женской внешностью, который явно не собирался ни в чем помогать постояльцам. Куда больше подходящих к стойке гостей его интересовали спортивные выпуски

и ставки на тотализаторе. Аватар портье отдаленно походил на Роджера Мура, только очень потасканного и с силиконовыми грудями; им управлял усталый актер, который сейчас сидел у себя дома и смотрел телевизор, но иногда поглядывал и на маленький монитор – что там происходит в отеле «Галлиполи».

Актер увидел, как она входит; когда она направилась к лестнице, он снова повернул голову к телеэкрану. Мэрилин Монро несколько его не удивила. Он повидал их всех: и Аву Гарднер, и Бетти Грейбл, и Джейн Мэнсфилд, даже Рока Хадсона и Бориса Карлоффа⁶. Поскольку все они уже умерли, ничего противозаконного в использовании их аватаров не было. Актер прекрасно знал: современные вурдалаки только и ждут, когда, наконец, поумирают нынешние звезды, все эти Кайли Миноуг, Джулии Робертс и им подобные. *Подумать только, после смерти они зарабатывают больше, чем при жизни!* Он давно перестал удивляться тому, какие у людей бывают странные вкусы. В отеле «Галлиполи» можно быстро перепахнуться – все просто и ясно. Даже киберкопы редко заглядывали сюда. «Галлиполи» находился в нижнем ценовом сегменте рынка и был местом грязных свиданий и встреч ПВП – «пропавших в Паутине». ПВП – аббревиатура для заблудших душ, принятая в официальных документах. Даже киберкопы давно оставили попытки изловить ПВП; едва к ним приближались, те бесследно растворялись. Ходили слухи, что ПВП даже знали, как передвигаться по «Темным зонам». Портье вздохнул и расслабился. До того, как в «Изумрудный город» валом повалят отдыхающие, еще три часа.

Мэрилин Монро, как ей было велено, поднялась на восемьдесят четвертый этаж, в номер пятьдесят восемь. Сегодняшнее задание пришлось ей очень по вкусу. Не каждый день становишься героиней сетевой игры с президентом Соединенных Штатов – пусть даже он всего лишь аватар. Она перечитала все что можно про Кеннеди, внимательно изучила сценарий и отрепетировала каждый жест, каждую сцену. Таково было условие заказчика. Взамен он пообещал ей кругленькую сумму. Скоро ее банковский счет удвоится, и можно будет еще целый год не работать.

Пора наслаждаться жизнью и на некоторое время не появляться в Виртуале!

Ей прекрасно удалось вжиться в роль Мэрилин; она сразу поняла это по реакции президента. Он ведь тоже участвовал в игре. Потом, когда их закрутило и понесло в ослепительном белом сиянии, он вдруг начал возиться со своим КатаПультом и как будто удивился на самом деле: Его реакция немного встревожила ее. Ей вдруг показалось, что вместе с ними в белой воронке есть кто-то еще; кто-то прижимал ее к президенту и не позволял ни одному из них разомкнуть объятия. Ненадолго ей стало страшно. Она убеждала себя, что все происходящее – игра ее воображения. Всем известно, в Виртуале невозможно стать невидимым; вот один из первых законов, который приняла ООН.

А тогда это ее здорово обеспокоило. Как будто Диксон заранее не знал, куда заведет его игра. Неожданное приключение ошеломило ее. Еще больше она удивилась, когда аватар президента вдруг пропал, даже не попрощавшись.

Она достала присланную клиентом смарт-карту, служившую ключом, и вошла. В однокомнатном номере в глаза сразу бросалась незастеленная одинарная кровать. Больше никакой мебели не было, если не считать тумбочку, на которой стояли лампа, телефонный аппарат и бокал красного вина. На полу – потертый ковер. Никаких картин на стенах; окно занавешено. В кровати было что-то знакомое – и в спинке, и в том, как были отброшены смятые простыни.

⁶ Гарднер Ава (1922–1990) – одна из ярчайших звезд Голливуда 1940–1950-х гг. Грейбл Бетти (1916–1973) – американская актриса. Мэнсфилд Джейн (1933–1967) – актриса и секс-символ, неоднократно позировавшая для журнала «Плейбой». Хадсон Рок (1925–1985) – американский актер, герой-любовник и плейбой. Карлофф Борис (наст. имя Уильям Генри Пратт (1887–1969)) – британский актер театра и кино, прославившийся как звезда фильмов ужасов.

Она закрыла за собой дверь и, в отсутствие кресел и стульев, примостилась на краешке постели. Клиент запаздывает. Зазвонил телефон; звонок в пустой комнате прозвучал особенно резко.

– Аллю! – едва дыша, сказала она.

– Мэрилин?

Она обрадовалась, узнав голос заказчика.

– Здравствуйте, мистер Онассис! – Так он просил к себе обращаться.

– Ты отлично сыграла. Совсем как настоящая.

– Должно быть, она была просто сказка – Мэрилин. Настоящая звезда.

– И ты тоже. Знаешь, я даже заплачу тебе премию.

– Здорово! А тот аватар вел себя точь-в-точь как президент.

– Игра прошла очень успешно.

– Интересно, где вам удалось раздобыть аватар президента? Я думала, это противозаконно. – Еще не договорив, она уже пожалела о вырвавшихся у нее словах. В конце концов, ей-то какое дело? И потом, заказчик еще не заплатил ей; ни к чему его раздражать.

– Он дал разрешение. Игра проводилась в рамках операции по обеспечению безопасности Белого дома.

– Ух ты... класс! Вот и мне в агентстве сказали, что заказ поступил из Белого дома.

– Только пусть это останется между нами.

– Конечно!

– Жаль, не могу лично с тобой встретиться, понимаешь... безопасность и все такое. Но, по-моему, выпить вместе мы все-таки можем. За отлично проделанную работу! И... кто знает... может, нам еще удастся посотрудничать! Главное, держи язык за зубами.

– Обещаю, я никому ничего не скажу.

– Умница. Я переведу кредиты и премию твоему агенту по авторским правам. А ты, кстати, бери бокал – я свой уже поднял, – и давай выпьем за успешную и очень красивую игру.

Мэрилин дотянулась до тумбочки и свободной рукой взяла бокал. Обычно она не пила спиртного и ничего не принимала, если не знала точно источник происхождения. Но агентство передало ее в аренду мистеру Онассису; значит, можно ничего не бояться. С ним она в безопасности.

– Твое здоровье! – услышала она его голос.

Она отпила глоток. Кибервино оказалось хорошим; крепкий, насыщенный вкус – ничуть не хуже настоящего.

– Дорогое, наверное, – сказала она, чувствуя, как теплеет внутри.

– Мэрилин, для тебя только лучшее. За великую звезду и великую актрису!

«Червя» она увидела после третьего глотка. В свое время она увлекалась всякой дурью и сразу узнала «кислотный лед», или «оргазм». В Реале ему соответствовал мощный психостимулятор, смесь метамфетамина и фенциклидина, «ангельской пыли». Сногсшибательный коктейль, обладающий и галлюциногенным, и возбуждающим действием. Отдыхающие, заполнявшие «Изумрудный город» в выходные, его просто обожали. Естественно, торговля «оргазмом» была вне закона. Дело в том, что от передозировки умирали, а работодатели требовали, чтобы их служащие к началу рабочей недели возвращались в Реал.

Такого прихода у нее не было никогда! Она следила за тем, как «червь» растет в ее бокале, допивает остатки кибервина... Затем «червь» заполз ей на руку и быстро внедрился под кожу – под костяшковой указательного пальца на левой руке. Она отшвырнула бокал, но было уже поздно. «Червь» рос, насыщаясь ее кровью и постепенно все больше багровея, а потом и коричневея. Она выронила телефон и попробовала выдернуть «червя», но тот вгрызлся в нее все глубже.

Вирус... Он заразил ее венерической киберболезнью! Все, что угодно, только не это!

И вдруг она вспомнила о своем КатаПульте и нажала его.

– Поздно, – заметил заказчик в телефоне. – Слишком поздно, лапочка. Ничего, не волнуйся.

– Вы мне обещали! Я вам доверяла... Мои деньги! – с трудом, отрывисто произнесла она и нажала КатаПульт.

– Нет, Мэрилин. Ты ведь помнишь, как ты всегда говорила в Реале: «Деньги меня не интересуют. Я хочу лишь быть прекрасной».

«Червь» проник в ее организм, и внутри все взорвалось. Она испытывала небывалый прилив сил. Перед ней развернулась вся ее жизнь, все прошлое, все места, где она когда-либо побывала. «Червь» проник в кровь, и она сочувствовала, как он растет в ней, заполняет ее артерии.

Потом она увидела своего отца. Отец, улыбаясь, проплыл мимо: «Где ты была, малышка? А ну, иди сюда, поиграем!» Она отвернулась от него. Она помнила, какие ужасные вещи он вытворял – сначала с ее матерью, а потом и с ней. И что он заставлял ее делать. Из глаз хлынули слезы. В ней нарастали тревога и огромный, несдерживаемый страх – а «червь» все разрастался.

– Мэрилин, президент был настоящий, так что ты чуть было не трахнулась не с одним президентом!

Она понятия не имела, о чем он говорит. Ей было плевать, что он там бормочет. Неожиданно до нее дошло, почему номер в отеле показался ей таким знакомым – в том числе и незастеленная постель. Готовясь к заданию, она часто рассматривала снимки, сделанные в день смерти Мэрилин. Перед ней была та самая кровать, на которой Монро умерла.

Плач перешел в рыдания. Она рыдала не от боли, но оплакивала утраченную невинность, надежды, собственный страх и осознание того, что идти ей больше некуда. «Червь» уже внедрил в нее; она была беспомощна, потому что «оргазм» завладел ею целиком. «Червь» перемещался по ее организму, заполняя собой все. И попутно твердевал. Тревога все сильнее... сердце бьется чаще... в голове мысли о Боге и об упущенных возможностях... Сама она то выныривала из Виртуала в Реал, то возвращалась назад. Она видела оборванный телефонный провод и там, и там... Быстрее, быстрее, все дальше и дальше... Ее тянет в никуда. Нет ничего реального. И мечты больше нет. Провод натянулся, вот-вот порвется и навсегда разъединит ее. Вот «червь» добрался до мозга, стер все воспоминания – и плохие, и хорошие. Он погружал ее в забвение. Наконец, кроме «червя», в ней ничего не осталось... Он умер так же быстро, как и появился.

– Прощай, Норма Джин, – сказал мистер Онассис.

То были последние печальные слова, что она услышала.

Реальный Белый дом

2-й этаж

Центр управления безопасностью — в Реале и Виртуале

Реальное время: до контрольной точки 10 часов 56 минут

– Его нет. Смита нет!

Клэнси ворвался в зал и увидел, что Галлахер один сидит перед монитором.

– А если он уже приступил к работе? – предположил Галлахер.

– Нам только что разрешили привлечь его!

– А он, может, проявил инициативу.

– А если бы мы решили не использовать его?

– Он поступил бы точно так же.

– Ты играешь с огнем!

– Отдохни, Дон! Эту задачу ни за что не решить обычными, традиционными способами. Думаю, Конор начал заранее, потому что хочет успеть до того, как во Второй мир хлынут отдыхающие. Он же сам сказал, ему не хочется толкаться в толпе. И потом, отдыхающие могут ненароком уничтожить какие-то серьезные улики.

Клэнси перегнулся через стол:

– Сколько еще Мастеров игры ты привлек к поискам?

– Пока я ограничусь одним Смитом.

– Вот гад... Интересно, кто тебе позволил?

– Вице-президент.

– Ты, значит, ходил к ней?

– Конечно. Она просила представить ей список кандидатов. Я предложил ей несколько на выбор, но сказал, что Конор Смит – самый лучший.

– Почему именно он?

– Сейчас для нас важнее всего его обширные связи во Втором мире. У него там много знакомых. Я со своей стороны буду снабжать его конфиденциальными данными, если они ему понадобятся. У нас нет времени обходить все мегакорпорации и выяснять, доступны ли сейчас те или иные Мастера игры.

– Значит, она просто так взяла и согласилась?

– Извини, Дон, но у нас в самом деле нет времени действовать по обычным каналам. Смит – настоящий ас, и я ему доверяю.

– Мы очень рискуем. – Клэнси потер лоб. Ситуация стремительно выходит из-под его контроля. Но скандалить он не стал; неучтиво напоминать Галлахеру, кто здесь главный.

– Как я сказал вице-президенту, раз речь идет о поисках президента, любой риск оправдан. Мы не можем позволить себе такую роскошь, как тщательный отбор самого подходящего кандидата. Кроме того, тогда пришлось бы опрашивать массу людей. Мы должны действовать незамедлительно! – Галлахер откинулся на спинку кресла. – Дон, я попросил Джо Мейснера, чтобы он проводил нас наверх, к первой леди. Минут через пятнадцать.

– Зачем?

– Может, она сумеет нам помочь... даст хоть какую-то зацепку. Мы обязаны стучаться во все двери.

– Надо мне было держаться поближе к нему...

– Сейчас уже поздно.

– Я отвечал за него. А сейчас, если верить тебе, я применяю устаревшие методы и ищу ветра в поле!

Галлахер сделал вид, что не услышал обвинения.

– Что там со списками гостей?

– Над ними трудится целая бригада. Но мне придется всех допросить. Интересно, как ты себе это представляешь? По-моему, физически невозможно допросить почти три тысячи человек меньше чем за одиннадцать часов, особенно учитывая, что никому нельзя объяснить, в чем дело. Мы общариваем один поисковик за другим. Ищем любые связующие звенья, любые подозрительные намеки.

Из гостей человек триста трахали Мэрилин Монро, но ни один не заказывал ее в той же компании, что и мы. Даже Джо Мейснер иногда заказывает себе на ночь кукол – двойников знаменитостей!

– Есть какие-нибудь новости про нашу Мэрилин?

– Ее по-прежнему ищут. Как и кукловода, который за ней стоит.

– Должно быть, он прекрасный программист, раз ему удалось преодолеть все системы безопасности. Он наверняка действует изнутри!

– Откуда именно? Он взломал коды мегакорпорации, коды Белого дома, даже коды авторских прав. Не может же он внедриться повсюду!

– Значит, он – трекер. – Галлахер крутанулся в кресле и поманил Клэнси за собой. Когда они оказались вне пределов слышимости, Галлахер продолжал: – Самые лучшие трекеры на свете работают на нас. АНБ, ЦРУ, ФБР – далее везде. Они ничем другим не занимаются, кроме как отслеживают информацию, которая распространяется в виртуальном пространстве. Они считывают информацию с камер-шпионов, они поставили жучки в такие места, о которых никто даже и не слышал. Двадцать четыре часа в сутки, триста шестьдесят пять дней в году они вскрывают электронные письма и текстовые сообщения. Они накопили море информации. И вся накопленная информация должна где-то храниться. Не спрашивай меня, где именно. Я и сам не знаю. Но она есть. Нам нужен доступ к этой информации. Может ли Марлин разрешить его нам? – Галлахер наклонился вперед и заговорил еще тише: – Для нас такая информация важна как воздух, Дон! С ее помощью поиск пойдет значительно быстрее!

Клэнси молчал; он обдумывал слова Галлахера. Еще в 2027 году конгресс США, в соответствии с директивой ООН, ратифицировал закон о защите личных данных. Закон призван был защитить граждан США от перехвата их электронной почты и другой сетевой информации АНБ, другими спецслужбами или правительственными организациями, *за исключением случаев, когда в судебном порядке доказаны враждебные намерения, угрожающие интересам государства*. Пока никто еще не доказал, что закон когда-либо нарушался.

Клэнси решил напомнить Галлахеру об этом:

– Пол, вряд ли я чем-то смогу помочь. Вопрос находится не в моей компетенции.

– Вот почему Конору Смиту необходимо предоставить все возможные поблажки.

– По-моему, ты сильно рискуешь!

– А какой у нас еще есть выход? Придумай что-нибудь, и я охотно не стану поручать никаких заданий человеку, не принадлежащему к нашей системе.

Клэнси пожал плечами:

– Если облажаешься, меня с собой в пропасть не тащи! – Он пронзительно расхохотался:

– Вот я дурак... как будто можно упасть еще ниже, чем сейчас!

Реальный Белый дом

Апартаменты первой леди

Реальное время: до контрольной точки 10 часов 41 минута

В отличие от большинства своих предшественниц Энни Диксон, въехав в Белый дом, не стала затеваться с ремонтом и менять обстановку. Белый дом нравился ей и таким, какой он есть, – от него веяло историей. Зачем что-то здесь менять, если сама она – и то если повезет – останется на страницах американской истории лишь самой мелкой ссылкой?

Финансово она не зависела от мужа, поскольку возглавляла собственное рекламное агентство. Поэтому, когда она стала первой леди, у нее не закружилась голова. Она предоставила мужу заниматься политической карьерой; когда требовалось – оказывала ему поддержку, и моральную, и финансовую. Она очень удивилась, когда Тедди избрали президентом; его прошлое изобиловало всевозможными ляпами и промахами, которые тем не менее нисколько не отразились на его карьере. И для нее оплошности мужа не имели особого значения. Она была деловой женщиной и не хотела детей; благодаря таким ее устремлениям он самостоятельно удовлетворял свои политические амбиции. Их брак сохранялся в основном потому, что у обоих было замечательно развито чувство юмора. Они вместе радовались достижениям. Тедди нравилось, что его жена так успешно ведет дела; он неустанно расхваливал ее на публике. Энни, в свою очередь, восхищалась его выдержкой и упорством. Кроме того, она знала: ему в самом

деле небезразличны избиратели, интересы которых он представлял. Она считала, что именно поэтому Тедди Диксон в конечном счете и достиг успеха.

Она искренне верила, что именно Тедди ждет заслуженное место на страницах истории – а не ее, его жену. Какими достижениями она могла бы похвастать? Уж явно не тем, что приказала перекрасить стены Белого дома в другой цвет. И вот сейчас все может рухнуть. Если обнарудут запись, которую она видела...

Энни Диксон тихо сидела в своей гостиной и слушала доклад Мейснера о том, как продвигаются поиски. Рядом с Мейснером сидела Нэнси Самнер, вице-президент. Чем красноречивее становился Мейснер, тем яснее понимала Энни, что они ничего не знают.

Когда Мейснер закончил, Энни сказала:

– Когда я заказывала куклу Мэрилин Монро, я велела Эбби убедиться в том, что мы имеем дело с надежной компанией-поставщиком. Вы ее проверили?

– Да, – кивнул Мейснер. – Поставщик весьма надежен. Дочерняя компания «Темы».

– Конечно, пока мы блуждаем в потемках, – добавила Самнер. – Но мы, Энни, задействуем все возможности. Абсолютно все!

Энни Диксон недолюбливала вице-президента, но старалась этого не показывать. Внутренний голос подсказывал ей, что Самнер, поднаторевшей в юриспруденции – раньше она была адвокатом и специализировалась на трудовых отношениях, – не нравится Тедди Диксон. Она согласилась поддержать его только потому, что надеялась со временем его сменить. Если Тедди в ближайшее время не найдут, Самнер получает отличный шанс занять его место.

– Нисколько не сомневаюсь. – Энни Диксон мило улыбнулась Нэнси Самнер и тут же повернулась к Мейснеру. Пусть он и не лучший глава президентской администрации, но все же он – человек Диксона и верен ему до конца. Он наверняка чувствует, что у них над головами уже закружили стервятники вроде Самнер. Сейчас личная преданность – качество, которое искупает любые недостатки. – Кстати, та запись... – сказала Энни. – Что с ней случилось?

– После того как ее просмотрели мы, ее больше никто не видел, – ответил Мейснер. Насколько он знал, так оно и было. С другой стороны, раз к операции собираются привлечь сторонних людей, им, скорее всего, тоже покажут компрометирующую запись. – Кроме Нэнси, главы Агентства национальной безопасности и генерального прокурора. – Должно быть, уловив что-то в выражении лица первой леди, он тут же попытался успокоить ее страхи: – Записи хранятся в надежном месте; к ним никто не сможет подобраться. Если не получит разрешение президента или Верховного суда.

«И все вы теперь знаете, что мой муж пытался трахнуть куклу, двойника знаменитости!»

– Спасибо, – ответила Энни, тепло улыбнувшись.

Вице-президент встала.

– Если вам что-нибудь понадобится, я у себя в кабинете. Заходите в любое время.

– Непременно зайду. Не забывайте, я все еще живу здесь, – выпалила Энни и тут же пожалела о своей несдержанности.

– Я имела в виду отсеки, особо охраняемые Секретной службой. Если вы захотите узнать, как у них продвигаются поиски...

– Да, разумеется. Спасибо!

Нэнси Самнер вышла.

– Кто приказал провести Мэрилин к Тедди в кабинет? Вы? – спросила у Мейснера первая леди.

– А что тут такого? Обычное... безобидное развлечение, – последовал смущенный ответ.

– Мы с вами оба знаем, какой он.

– Тедди есть Тедди.

В дверь постучали.

– Пришел Клэнси. Я разрешил ему побеседовать с вами. Может, что-то и удастся вспомнить. Им ведь особенно не от чего плясать. – Видя, что Энни Диксон кивнула в знак согласия, Мейснер громко крикнул: – Войдите!

– Садитесь, пожалуйста, – пригласила Энни Клэнси и Галлахера.

– Нас интересует только одно: не тревожило ли что-то президента в последнее время? – начал Галлахер, оставаясь на ногах.

Энни пожала плечами:

– Что, например, Пол?

– Не знаю. Ну, может, он с недавних пор страдал бессонницей...

– У нас отдельные спальни, – напомнила первая леди. В Белом доме это ни для кого не было тайной; все скрывалось лишь от внешнего мира.

– Не говорил ли он о чем-нибудь необычном? Например, что он кого-то или чего-то боится? Не проявлял ли беспокойство после каких-то телефонных разговоров? Может, есть группа людей или отдельный человек, который звонил ему чаще других? Не вспомните ли случаи, когда звонит телефон и Тедди под любым предлогом уходит из комнаты... чтобы поговорить наедине?

– Нет, ничего такого не было.

– Ну а у вас, лично у вас, есть враги в мире бизнеса, которые захотели бы отыграться на нем?

– По-моему, нет. Мне кажется, это уж чересчур!

– Чересчур – то, что произошло.

– Извините, вы правы. Мы не должны исключать никакую возможность. Нет, я не думаю, что у меня есть враги в деловом мире, которые ради того, чтобы отомстить мне, вздумали бы похитить президента.

– Или скомпрометировать его, поставить его в неловкое положение, а через него – вас и вашу компанию?

– По-моему, ваши предположения притянуты за уши... и вообще, нет, ничего такого не было. Судя по тому, что я недавно увидела, компрометировать себя он прекрасно умеет и без посторонней помощи.

Галлахер оставался безучастным:

– Можно получить список компаний, с которыми вы ведете дела?

– Я распоряжусь, чтобы вам его принесли.

– Почему вы решили нанять Мэрилин Монро?

– Потому что ему ужасно нравятся все Кеннеди. Вот я и подумала, что будет забавно скопировать тот знаменитый день рождения, и пусть она ему споет. Вы ведь видели, как реагировали гости. Моя задумка имела большой успех! – Прежде чем продолжать, Энни устремила обвиняющий взгляд на Мейснера. – Естественно, маленькую приватную вечеринку после ее выступления устроила не я. Неужели вы думаете, будто я способна на такое?

– Нет, мэм. – Галлахер благоразумно поспешил сменить тему: – Ваша компания занимается рекламой, в том числе и во Втором мире?

– Теперь я что, подозреваемая?

– Нет, мэм, но у вас обширные связи во Втором мире. Какой-нибудь ваш знакомый, из числа тех, с кем вы ведете дела, мог получить доступ к аватарам Монро и к компании, которая выдает их напрокат. Вот почему мне нужны ваши архивы и коды доступа. Мы обязаны предусмотреть все. Нам приходится хвататься за соломинку...

– Я распоряжусь, чтобы мои помощники немедленно передали вам все наши коды доступа, и велю всем сотрудникам быть в вашем распоряжении, если они вам понадобятся.

– Спасибо, мэм!

– Тяжелая вам предстоит работа, – понимающе сказала Энни Диксон. – Дай бог, чтобы вы достигли цели!

Метропорт 1703

Район Будапешта

Венгерская международная зона

«Бриллиантовый парк»

9M436K2201, «Изумрудный город»

Реальное время: до контрольной точки 10 часов 25 минут

Я знал: никто лучше ПВП не понимает Второго мира и его самых темных сторон. Не было никакого смысла отправляться в популярные или обычные места, где собираются хакеры. Если Галлахер придет сюда следом за мной еще кого-нибудь, а он почти наверняка придет, не хочется оказаться там, где все будут наткаться друг на друга.

Сначала я решил обратиться к девушке, с которой уже почти три недели не общался. С ней и с мальчишкой, который повсюду таскался за ней, я познакомился, когда по заданию Скотленд-Ярда отслеживал торговца кибернаркотиками. Мы сразу подружились, и с тех пор я часто приглашал ее выпить кофе в каком-нибудь «Старбаксе» или водил в «Долину драконов» или другой парк развлечений «Темы» – доступ во все наши парки у меня неограниченный. Больше всего она полюбила гонять на трассах «Ферраримании». Иногда мальчишка тоже ходил с нами, но всегда держался на расстоянии. Он напоминал мне бродячего щенка, неуверенного в себе и никому не верящего, который иногда робко просовывает лапу сквозь ограду.

Энди Уайтхорн. Американка. Симпатичная. Она из тех девушек, что мне нравятся. Постепенно я привык к ней; у меня развилось даже нечто вроде слабости. Мне приятно было бывать с ней. Ее серьезность тоже подкупала. Мама предвещала, что я всю жизнь проживу один, потому что такой уж я по натуре. Она говорила, что у меня СОР, синдром одинокого ребенка, и потому мне хочется, чтобы обо мне заботились, или, наоборот, хочется самому о ком-то заботиться. В самые мрачные минуты своей жизни я именно такие чувства испытывал к Энди именно потому, что знал: если она мне надоест, я всегда могу бежать, вернуться в Реал и побыть один в коттедже «Роза». Но я определенно испытывал к ней какие-то чувства; мне нравилось, что у меня есть кто-то, о ком я могу заботиться, за кого я чувствую ответственность. Девять лет назад, когда она бежала в Виртуал, ей было двадцать шесть. Стройная девушка с золотистыми волосами, круглым личиком и короткой стрижкой. Тонкие черты лица; хрупкое телосложение. Сейчас она носила белый костюм «Мэри Квант»⁷ в стиле шестидесятых годов прошлого века. Такой костюм дорого обходится во Втором мире, где тоже действуют законы об авторских правах. Энди всегда была одета по последней моде и постоянно меняла наряды. Я никогда не спрашивал ее, где она берет кредиты, чтобы так одеваться.

Превратившись в ПВП, Энди поначалу крепко подседа на кибернаркотики. После того как она в первый раз помогла мне, я взял для нее из фонда Скотленд-Ярда дополнительные кредиты, как для личного осведомителя. Скотленд-Ярд не возражал, потому что из ПВП получались лучшие информаторы-стукачи. Сумма оказалась побольше, чем скудное пособие, на которое она жила; взамен она дала мне слово, что завяжет с наркотой.

Зарегистрированным наркоманам во Втором мире помогают многие. По «Изумрудному городу» разбросаны бесчисленные благотворительные организации и небольшие приемные психотерапевтов-консультантов. В девятидесятых годах прошлого и в первой четверти нынешнего века психотерапия была очень распространена в Реале. Сейчас она считается старомодным

---

⁷ *Квант Мэри* – английский модельер-дизайнер одежды. Создательница мини-юбки, а также супермодных моделей одежды для молодежи.

методом. Кто-то решил, что человеку под силу самому себя исцелить с помощью специальных компьютерных программ. Выпивка, наркотики, секс, пристрастие к азартным играм – по всем реальным дурным пристрастиям создавались программы самопомощи, которые можно было приобрести сразу же после их выпуска. Последним бестселлером стала программа «Я чист – золотое издание»; она, как утверждалось, повышала самооценку и помогала пользователю преодолеть дурные привычки, ведущие к саморазрушению. Среди других популярных программ были такие: «ПОТЕРЯННЫЙ УИК-ЭНД И КАК ПОСЛЕ НЕГО ВОССТАНОВИТЬСЯ», «НА ИГЛЕ – ИСЦЕЛЕНИЕ» и «ИЗНЕМОЖЕНИЮ НЕТ – КАК МЕНЬШЕ ЗАНИМАТЬСЯ СЕКСОМ И ПОЛУЧАТЬ ПРИ ЭТОМ БОЛЬШЕ УДОВОЛЬСТВИЯ».

В результате, хотя в Реале у практикующих психологов и психотерапевтов оказывалось все меньше работы, пациентов у них лишь прибавилось. Многие их бывшие клиенты перекомчевали во Второй мир в поисках помощи, в которой им было отказано в Реале. Таким образом, психологическое консультирование загнали в Виртуал. Власти разрешали психологам продолжать практику; это их устраивало, потому что позволяло осваивать выделенные денежные средства. Психологи не спрашивали, чем занимаются их клиенты в Реале и не ПВП ли они. Тем не менее свои кредиты они обналичивали регулярно.

Однажды Энди призналась, что сбежала в Виртуал, потому что ее разыскивала полиция Лонг-Бич.

– Что ты натворила?

– Зятя убила, мужа сестры, – почти равнодушно ответила она, а у меня от ее хладнокровия мурашки побежали по спине.

– За что?

– За то, что он сволочь. Однажды ночью – сестра с отцом куда-то уехали, кажется, в гости к родственникам – он стал приставать к моей матери. Она была очень красивая. Она его отшила, а он избил ее и потом изнасиловал. Я спала у себя в комнате и понятия не имела, что происходит. Когда он оставил ее в покое, она была без сознания. Потом он ввалился ко мне. И сделал то же самое... – Энди едва заметно дернула плечом. И я понял: несмотря на показную невозмутимость, она очень ранима и беззащитна.

– И ты в ту же ночь убила его?

– Нет. Тогда он сразу сбежал. Утром сестра вернулась домой и увидела, что мы с мамой обе в жутком состоянии. Нас увезли в больницу, а его так и не нашли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.